Природа и люди Россіи.
Общедоступныя книжки подъ редакціей **А. А. Ивановскаго.**

20 $\frac{2}{31}$

Великоруссы.

составилъ
В. В. Воробьевъ.

МОСКВА.
Изданіе книжнаго магазина торговаго дома С. Курнинъ и К°.
Верхніе торговые ряды, средняя линія № 120.
1902.

2004161127

Дозволено цензурою. Москва, 3 декабря 1901 г.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

5798-04

94901.

Типографія И. А. Баландина, 2-я Мѣщанская, Напрудный пер. домъ, № 15.

Великоруссы.

I.

Область разселенія великоруссовъ.—Отношенія великоруссовъ къ малороссамъ, бѣлоруссамъ и полякамъ. — Какъ заселялись великорусскія земли.

....Отъ Перми до Тавриды [1]),

Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды [2]),
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая...

Въ только-что приведенныхъ строкахъ нашъ великій писатель, Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, указываетъ на границы, въ которыхъ раскинулось русское государство. На этомъ огромномъ пространствѣ живетъ многомилліонное населеніе, далеко, однако, не вездѣ одинаковое и по наружному виду, и по языку, и по вѣрѣ, и по одеждѣ и т. д. Большую часть населенія составляютъ собственно русскіе, или иначе—великоруссы; югъ Россіи занятъ малороссами, на западѣ живутъ поляки, бѣлоруссы; въ низовьяхъ Волги, близъ Каспійскаго моря—калмыки, татары, киргизы, армяне; выше по Волгѣ, между Казанью и Нижнимъ-Новгородомъ и по р. Камѣ— мордва, чуваши, черемисы, башкиры; сколько же

---

[1]) Таврическій полуостровъ, т.-е. Крымъ.
[2]) Южный Кавказъ.

различныхъ народовъ живетъ въ Сибири и на Кавказѣ— трудно и пересчитать! Кто слышитъ это впервые, тому сразу, пожалуй, даже и не повѣрится, что въ русскомъ государствѣ живетъ всего около 130 различныхъ племенъ и народовъ. Но вся эта пестрая смѣсь народовъ составляетъ одно государство, т.-е. управляется единымъ царемъ, подчиняется однимъ и тѣмъ же законамъ, общимъ для всѣхъ. Русскимъ наше государство зовется потому, что собственно русскіе, или великоруссы, какъ ихъ зовутъ въ отличіе отъ малороссовъ и бѣлоруссовъ, составляютъ самую большую часть населенія, а также и потому, что было время (давно, около 800 лѣтъ тому назадъ), когда одни только великоруссы и составляли все государство. Тогда великоруссовъ было много меньше, чѣмъ теперь, и владѣли они небольшой лишь частью теперешней Россіи, занимая главнымъ образомъ теперешнія губерніи Новгородскую, Псковскую, Московскую, Рязанскую, Владимирскую, Ярославскую, части Смоленской, Калужской и Тульской губерній; мѣстами разселились тогда великоруссы и далеко на сѣверъ, въ теперешнихъ Вологодской, Архангельской, Пермской и Вятской губерніяхъ, гдѣ они жили, однако, не сплошь, а лишь отдѣльными кучками, окруженными со всѣхъ сторонъ иноземцами. Только мало-по-малу, въ теченіе почти тысячи лѣтъ, великоруссы размножились и заняли тѣ мѣста, которыми владѣютъ и понынѣ. Въ настоящее время во всѣхъ самыхъ глухихъ и отдаленныхъ уголкахъ русскаго государства можно встрѣтить великоруссовъ; но только въ извѣстныхъ мѣстахъ, въ области, искони ими занимаемой, они живутъ сплошь, въ другихъ же мѣстахъ великоруссовъ сравнительно не много, а главную часть населенія составляютъ иные народы, жившіе когда-то независимо и только позднѣе покорен-

ные силой оружія или же добровольно присоединившіеся къ Россіи.

Кому доводилось видѣть татаръ, персіянъ, калмыковъ или другихъ какихъ инородцевъ, тотъ знаетъ, что инородцы сильно отличаются отъ русскихъ и внѣшнимъ обличіемъ, и одеждою, и обычаями, что они говорятъ на языкѣ, совсѣмъ для русскаго непонятномъ, словомъ— сейчасъ же видно, что эти инородцы составляютъ племена, для русскихъ совершенно чужія. Но въ Россіи живутъ и другія племена, гораздо болѣе сходныя съ великоруссами и говорящія на языкѣ, въ которомъ великоруссъ хоть и не каждое слово пойметъ, а все-таки при стараніи уразумѣетъ, о чемъ собственно идетъ рѣчь. Къ такимъ близкимъ родственникамъ великоруссовъ принадлежатъ прежде всего бѣлоруссы, живущіе въ Минской, Витебской, Могилевской и въ части Калужской и Смоленской губерній, гдѣ они живутъ рядомъ съ великоруссами. Затѣмъ слѣдуютъ малороссы, населяющіе почти сплошь Кіевскую, Полтавскую, Черниговскую, Харьковскую губерніи; вперемежку съ великоруссами они живутъ въ Волынской, Екатеринославской, Херсонской, Воронежской и Курской губерніяхъ. Бѣлоруссы и малороссы сходны съ великоруссами не только по обычаямъ и языку, но также и по религіи, такъ какъ всѣ они принадлежатъ къ православнымъ христіанамъ. Нѣсколько меньшее сходство съ великоруссами представляютъ поляки, въ языкѣ которыхъ хоть и есть много словъ, одинаковыхъ съ русскими или похожихъ на нихъ, тѣмъ не менѣе, когда полякъ заговоритъ на своемъ языкѣ, великоруссу понять его трудно. Кромѣ того, и религія поляковъ нѣсколько отличается отъ религіи великоруссовъ, такъ какъ поляки такіе же, правда, какъ и мы, христіане, но уже не православные, а католики.

Сходство между великоруссами, малороссами, бѣлоруссами и поляками происходитъ отъ того, что всѣ они близкіе между собой родственники и носятъ общее имя славянъ, потому что было время, когда всѣ они составляли одно общее славянское племя, только позднѣе раздѣлившееся на отдѣльныя части. Эти отдѣльныя части разселились по различнымъ мѣстамъ, не встрѣчаясь другъ съ другомъ, но живя въ сосѣдствѣ съ другими разными народами, отчего у каждой части славянъ мало-по-малу измѣнялись и обычаи и языкъ. Такимъ образомъ, изъ общаго славянскаго племени произошли великоруссы, малороссы, бѣлоруссы и поляки, живущіе въ Россіи, а также чехи, болгары, сербы, черногорцы, хорваты, галичане и прочія славянскія племена, живущія въ другихъ государствахъ.

Откуда и когда пришли славянскія племена на тѣ земли, которыя они занимаютъ теперь, точно сказать нельзя; извѣстно только, что очень давно, еще около времени Рождества Христова, славяне жили уже близъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ сходятся теперь германскія, австрійскія и русскія владѣнія, около такъ называемыхъ Карпатскихъ горъ, между Балтійскимъ, Адріатическимъ и Чернымъ морями, откуда они мало-по-малу и разошлись по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, которыя занимаютъ и понынѣ. О тѣхъ славянахъ, изъ которыхъ сложилось великорусское племя, мы знаемъ, что лѣтъ болѣе тысячи тому назадъ они жили уже около Ильменя озера, по верховьямъ Днѣпра, Западной Двины, Волги. Въ это время они дѣлились на нѣсколько отдѣльныхъ племенъ (новгородскихъ славянъ, кривичей, вятичей и другихъ), нерѣдко враждовавшихъ между собою. Страна, гдѣ они жили, была совсѣмъ непохожа на то, чѣмъ она стала теперь. Теперь большая часть земли распахана, болота

повысушены, лѣсовъ осталось немного. Тогда же вся страна сплошь была покрыта дремучими лѣсами, а мѣстами и непроходимыми болотами. Лѣса были такъ густы, что дорогъ по нимъ не существовало, и единственными удобными путями служили рѣки, по которымъ и шли, и разселялись дальше славянскія племена. Селились въ ту пору славяне не въ большихъ селахъ и городахъ, а отдѣльными большими семьями, такъ называемыми родами. Въ каждой семьѣ былъ свой большакъ— глава семьи, которому и повиновались всѣ остальные семейные; имущество у семьи было общее, нераздѣльное, и распоряжался имъ, какъ хотѣлъ, старшій въ семьѣ; онъ же творилъ судъ и расправу надъ провинившимися младшими членами семьи. Старшины отдѣльныхъ семей собирались время отъ времени вмѣстѣ и составляли такъ называемое „вѣче", на которомъ обсуждались сообща болѣе важныя дѣла, касающіяся не отдѣльныхъ семей, а всего племени.

Окруженные другими враждебными племенами, наши предки принуждены были вести съ ними постоянныя войны для защиты своихъ владѣній или для захвата у нихъ новыхъ земель, когда на своихъ становилось жить уже тѣсно. Но на войнѣ трудно было бы что-нибудь сдѣлать, если бы каждый большакъ распоряжался своими односемейными и не слушался бы другихъ. Нуженъ былъ одинъ человѣкъ, который бы всѣмъ распоряжался и котораго всѣ слушались. Такимъ человѣкомъ былъ князь, сначала, вѣроятно, выборный или просто старѣйшій между главами отдѣльныхъ семей; позднѣе князья захватили въ свои руки всю власть и сдѣлались не только начальниками надъ войскомъ во время войны, но и главными начальниками и судьями и въ мирное время. Для того, чтобы удержать власть въ своихъ рукахъ, а

также и для того, чтобы быть всегда готовыми къ защитѣ своихъ владѣній отъ внезапныхъ нашествій враговъ, князья собирали вокругъ себя постоянныя дружины, которыя и селились вмѣстѣ съ князьями; подъ ихъ защитою селились и мирные земледѣльцы и торговцы; для большей безопасности отъ враговъ все поселеніе обносилось крѣпкимъ заборомъ, огораживалось, оттуда и произошло самое названіе такихъ поселеній— городами. Древнѣйшими городами на нынѣшнихъ великорусскихъ земляхъ были Новгородъ на рѣкѣ Волховѣ, Смоленскъ и Полоцкъ, а потомъ Псковъ и многіе другіе. Въ то отдаленное время славянскія племена, отъ которыхъ произошли позднѣе великоруссы, были еще язычниками, т.-е. вѣрили въ существованіе многихъ боговъ, а именно Перуна—бога-огня, Волоса—бога-покровителя стадъ, Дажбога—бога-солнца, Стрибога—бога, повелѣвавшаго вѣтрами и т. д. Чтобы умилостивить этихъ боговъ, имъ приносили жертвы, рѣзали въ честь ихъ скотъ, а иногда, при особенно сильныхъ бѣдствіяхъ, для умилостивленія грозныхъ боговъ требовались даже и человѣческія жертвы, — нужно было умерщвлять въ честь боговъ людей, большей частью плѣнниковъ. Кромѣ главныхъ боговъ, всѣ лѣса, поля, луга, воды были населены, по вѣрованіямъ нашихъ предковъ, другими младшими богами, иногда добрыми, иногда же злыми, вредящими людямъ. Остатки этихъ древнихъ вѣрованій сохраняются у нашего народа и до сихъ поръ въ видѣ вѣры въ существованіе лѣшихъ, домовыхъ, русалокъ и т. д. Только теперь, съ принятіемъ христіанской религіи, которая учитъ насъ вѣрить въ Единаго Бога, домовые, лѣшіе и русалки являются въ народной фантазіи уже не младшими богами, а представителями злой нечисти или нечистой силы.

Одѣвались наши предки въ то время въ звѣриныя шкуры; пропитаніе добывали себѣ охотою, рыболовствомъ, собираніемъ меда отъ дикихъ пчелъ, а позднѣе и земледѣліемъ, которое развивалось все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ наши предки умножались въ числѣ, дѣлались болѣе сильными для того, чтобы защищать свое имущество отъ враговъ, и для того, чтобы раздѣлывать безконечные въ тѣ поры лѣса подъ пашни.

Христіанство было принято нашими предками значительно позднѣе, въ то время, когда они вышли изъ дикаго состоянія, умѣли дѣлать тканыя одежды, обладали уже большими запашками и вели оживленную торговлю съ нѣмцами и съ греками; отъ грековъ они и научились православной вѣрѣ, что случилось при великомъ князѣ св. Владимирѣ, приблизительно около 988 года послѣ Рождества Христова.

Въ то время земли, занимаемыя теперь великоруссами, были покрыты дремучими непроходимыми лѣсами и топкими болотами, такъ что жить тамъ человѣку было очень трудно, и большая часть славянъ, изъ которыхъ сложилось великорусское племя, жила въ болѣе удобныхъ для обитанія степяхъ близъ рѣки Днѣпра; главнымъ ихъ городомъ былъ Кіевъ. По Днѣпру наши предки спускались въ лодкахъ къ Черному морю, и по морю доѣзжали до столицы тогдашней Греціи—Константинополя, съ которымъ они и вели торговлю. По рѣкамъ Днѣпру и Дону и близъ Чернаго моря, гдѣ жили наши ближайшіе родичи—славянскія племена, изъ которыхъ произошли позднѣе малороссы, почти совсѣмъ не было лѣсовъ, но на всемъ этомъ пространствѣ широко раскинулись покрытыя густой травою степи.

Привольныя приднѣпровскія и черноморскія степи, очень удобныя для народовъ, живущихъ главнымъ об-

разомъ скотоводствомъ, манили къ себѣ кочевые народы, приходившіе сюда изъ Азіи. Такіе кочевники, извѣстные подъ именами берендѣевъ, черныхъ клобуковъ, печенѣговъ, половцовъ и т. д., близко подходили къ владѣніямъ нашихъ предковъ, и не довольствуясь захватомъ у нихъ земель, постоянно грабили наши села и города, отнимали скотъ, уводили въ плѣнъ женщинъ и дѣтей. Нашимъ предкамъ приходилось вести съ ними постоянныя войны. Эти войны способствовали прежде всего усиленію княжеской власти, такъ какъ храбрый и дѣятельный князь, располагающій сильною дружиною, являлся прямымъ защитникомъ мирнаго населенія. Вслѣдствіе постоянныхъ набѣговъ кочевниковъ занятіе земледѣліемъ, ремеслами и торговлей было возможно только на тѣхъ мѣстахъ, которыя находились подъ охраною сильныхъ князей; около нихъ-то и собиралось все мирное населеніе. Мало-по-малу князья привыкли смотрѣть на защищаемыя ими земли, какъ на свою собственность, которой они стали распоряжаться, какъ имъ вздумается. Но сильные и властные князья, собравшіе подъ свою руку большія количества земли, умирая, дѣлили ее между своими дѣтьми, давая каждому по нѣскольку подвластныхъ имъ городовъ и селеній, которые и составляли долю или такъ называемые „удѣлы“ каждаго изъ сыновей, отчего получившіе удѣлъ дѣти князя и назывались удѣльными князьями. Но такъ какъ раздѣлъ княжескихъ владѣній между удѣльными князьями дѣлалъ ихъ слабосильными и поодиночкѣ уже неспособными защищать свои земли отъ сильныхъ кочевниковъ, умирающій князь указывалъ на одного изъ своихъ сыновей, обыкновенно на старшаго, какъ на такого, которому остальныя дѣти должны были подчиняться. Такой старшій сынъ получалъ, обыкновенно, въ надѣлъ стольный городъ отца,

т.-е. тотъ городъ, въ которомъ жилъ самъ князь, и назывался уже великимъ княземъ. Удѣльные князья правили только своимъ удѣломъ, великій же князь, кромѣ своего удѣла, которымъ онъ владѣлъ лично, долженъ былъ заботиться о всѣхъ удѣльныхъ князьяхъ, помогать имъ въ защитѣ своихъ владѣній, улаживать всѣ возникающіе между ними ссоры и раздоры. На-ряду съ усиленіемъ власти князей, прежнее вѣче, хотя и не было уже такъ сильно, какъ прежде, тѣмъ не менѣе въ мирное время какъ удѣльные князья, такъ и великій князь продолжали съ нимъ совѣтоваться, и они сообща рѣшали всѣ важнѣйшія дѣла. Поэтому время, въ которое существовалъ такой порядокъ, и носитъ названіе „удѣльно-вѣчевого періода", длившагося приблизительно около 400 лѣтъ (отъ 1100 и до 1500 года послѣ Рождества Христова).

Удѣльные князья часто не хотѣли повиноваться великому князю, старались сами захватить въ свои руки великокняжескій престолъ, для чего иногда и шли на великаго князя, обыкновенно своего роднаго брата или дядю, войною. Вмѣстѣ съ тѣмъ удѣльные князья часто ссорились между собою и воевали другъ съ другомъ изъ-за каждаго клочка земли, который они не могли подѣлить между собой полюбовно, причемъ у великаго князя не всегда было достаточно силы, чтобы заставить ихъ помириться. Понятно, что при такихъ ссорахъ и при все большемъ и большемъ дробленіи земель на удѣлы (по мѣрѣ размноженія княжескихъ семей), князья оказывались уже безсильными бороться съ иноземными врагами, т. е. главнымъ образомъ съ азіатскими кочевниками, которые и захватили понемногу весь югъ теперешней Россіи. Постоянныя нападенія кочевниковъ сдѣлали то, что народъ сталъ бросать опасныя мѣста и

уходить дальше къ сѣверу, въ область, занимаемую и по настоящее время великоруссами. Тамъ, хотя и трудно было бороться съ суровымъ климатомъ, съ болотами и непроходимыми лѣсами, за то не было страшныхъ кочевниковъ; лѣса же не были заняты никѣмъ или же ихъ занимали мирныя финскія племена, съ которыми славянскіе пришлецы мирно уживались рядомъ или легко отгоняли ихъ съ насиженныхъ ими мѣстъ дальше на сѣверъ. Особенно сильнымъ сдѣлалось передвиженіе на сѣверъ во время великаго нашествія монголовъ, когда монголы, разорившіе, правда, и сѣверъ, расположились главнымъ образомъ въ южныхъ русскихъ степяхъ и частью перебили, частью поразогнали и позабрали въ плѣнъ почти все населеніе южно-русскихъ удѣловъ. Оставшіеся въ живыхъ, спасаясь отъ грознаго врага, бѣжали цѣлыми толпами на сѣверъ, гдѣ тѣмъ временемъ развились и усилились нѣкоторыя отдѣльныя княжества, положившія позднѣе начало теперешнему русскому государству. Земли, на которыхъ стало собираться великорусское племя, т. е. теперешнія Новгородская, Псковская, Московская, Рязанская, Владимирская и Ярославская губерніи, а также и части Смоленской, Тульской и Калужской губерній, съ очень давнихъ временъ, вскорѣ послѣ Рождества Христова, а, можетъ быть, и еще раньше, были заняты такъ называемыми финскими племенами, потомковъ которыхъ составляютъ и до сихъ поръ живущіе по Волгѣ, между Казанью и Нижнимъ-Новгородомъ и по верховьямъ Камы и ея притокамъ, чуваши, мордва, черемисы, зыряне и другія племена, а также и живущіе еще сѣвернѣе, близъ Бѣлаго моря, лопари, самоѣды и, наконецъ, населяющіе теперь Финляндію собственно финны, больше извѣстные въ народѣ подъ именемъ чухонцевъ или чухны. Воспоминаніе о

жившихъ въ тѣ поры финскихъ племенахъ, которыхъ славяне называли тогда чудью (отъ слова чужой), сохранилось и до сихъ поръ въ названіи одного изъ большихъ нашихъ озеръ, а именно—Чудскаго озера. Мы уже упоминали о томъ, что занимаемый въ тѣ поры чудью край былъ очень лѣсистъ, такъ что финскія племена селились въ немъ не густо, а небольшими поселками; къ тому же финскія племена по природѣ отличались миролюбіемъ и кротостью, такъ что славянскимъ пришельцамъ было сравнительно нетрудно овладѣвать насиженными финнами мѣстами и отгонять ихъ дальше на сѣверъ и на востокъ—къ Уральскимъ горамъ, т. е. къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ главнымъ образомъ и понынѣ живутъ потомки прежнихъ финновъ.

Славянскіе пришельцы появились на земляхъ, занятыхъ финскими племенами, лѣтъ 700 или 800 спустя послѣ Рождества Христова. Приходя понемногу, семья за семьей, они скопились, наконецъ, въ значительномъ количествѣ и основали рядъ городовъ, изъ которыхъ старѣйшими являются, какъ мы уже говорили, теперешніе Новгородъ, Псковъ, Смоленскъ, равно какъ и нѣсколько другихъ, когда-то людныхъ и богатыхъ, но теперь захудалыхъ и мало населенныхъ городовъ. Отсюда, особенно изъ Новгорода и Пскова, стали отправляться во всѣ стороны шайки удалыхъ молодцевъ, которымъ казалось тѣснымъ жить на насиженныхъ мѣстахъ. Это была, большею частью, буйная молодежь, не желавшая подчиниться порядкамъ, заведеннымъ болѣе степенными горожанами, и отправлявшаяся потѣшить свою удаль молодецкую и поискать новыхъ мѣстъ, гдѣ бы можно было пожить не такъ, какъ старики велятъ, а какъ самимъ хочется. Пробирались эти молодцы по рѣкамъ (сухимъ путемъ итти было нельзя изъ-за болотъ и дрему-

чихъ лѣсовъ), направляясь во всѣ стороны, куда только это было возможно. На югъ, однако, они не могли пробраться далеко, такъ какъ мѣста тамъ уже были густо заселены другими славянскими племенами, которыя не дали бы имъ ходу по своимъ землямъ; не могли они двигаться и на западъ, куда ихъ не пустили бы сильныя и воинственныя, жившія тамъ, племена эстовъ, ливовъ, а позднѣе и нѣмцевъ; свободнѣе же всего было двигаться на сѣверъ—къ Бѣлому морю и на востокъ—къ Волгѣ и къ Уральскимъ горамъ. Двигаясь на востокъ и на сѣверъ, новгородскіе выходцы встрѣчали рядъ маленькихъ рѣчекъ; эти маленькія рѣчки впадали въ бо́льшія, которыя, въ свою очередь, сливались съ другими рѣчками, образуя еще бо́льшія рѣки. Часть такихъ рѣкъ направляется на сѣверъ, образуя, наконецъ, большую рѣку—Сѣверную Двину, впадающую въ Бѣлое море; рѣчки же, идущія къ востоку, впадаютъ въ самую большую изъ русскихъ рѣкъ—въ Волгу, протекающую чрезъ всю Россію съ сѣвера на югъ—до Каспійскаго моря. По направленію этихъ рѣкъ и двигались новгородскіе переселенцы: по рѣчкамъ, текущимъ въ Сѣверную Двину (или, какъ это принято называть, по ея притокамъ), и по самой Сѣверной Двинѣ постепенно добрались они до самаго Бѣлаго моря, населивъ и устроивъ по дорогѣ Двинскую землю, Вологодскую землю съ городомъ Вологдою, Поморскую землю (по берегамъ Бѣлаго моря). Идя на востокъ, славянскіе выходцы населили постепенно шагъ за шагомъ теперешнія Московскую, Рязанскую, Владимирскую губерніи, добрались, наконецъ, до Волги (въ области теперешнихъ Ярославской, Костромской, Казанской и Нижегородской губерній), а оттуда поднялись по большому притоку Волги—Камѣ вверхъ, къ сѣверу, основавъ большую Вятскую общину съ городомъ Вят-

кою; позднѣе забрались они по Камѣ и въ Пермскій край (теперешняя Пермская губернія), а оттуда, уже въ царствованіе Іоанна Грознаго (приблизительно за 350 лѣтъ до нашего времени), перебрались и чрезъ Уральскія горы въ Сибирь, которую скоро и подчинили московскому царю. Встрѣчаясь повсюду на своемъ пути съ финскими племенами, смѣлые новгородскіе переселенцы вступали съ ними въ войну или отгоняли ихъ дальше, или же подчиняли себѣ и облагали данью. Нерѣдко случалось, однако, что сначала, не будучи еще достаточно многочисленными и сильными, славянскіе пришельцы селились рядомъ съ финнами, которые при своемъ миролюбіи ихъ не трогали. Но новгородцы (которые составляли главную часть всѣхъ славянскихъ выходцевъ въ эти мѣста) были и побойчѣе и посмышленѣе тихихъ и мирныхъ финновъ, а потому финны, видя, что ихъ сосѣди живутъ лучше, чѣмъ они сами, начинали имъ подражать, принимали понемногу обычаи, одежду, религію, даже языкъ своихъ пришлыхъ гостей, стали отдавать своихъ дѣвушекъ замужъ за гостей и брать у нихъ для себя невѣстъ и постепенно становились во всемъ на нихъ похожими или, какъ это говорятъ, слились съ ними въ одинъ народъ.

Заселивъ въ теченіе долгихъ лѣтъ обширныя пространства земли, сѣверные славяне, т. е. будущіе великоруссы, жили во всемъ сходно съ южными славянами, что расположились по рѣкѣ Днѣпру. Такъ же, какъ и приднѣпровскіе славяне, они управлялись удѣльными и великими князьями, имѣли свое вѣче, гдѣ обсуждались всѣ наиболѣе важныя дѣла и т. д. Но защищенные отъ набѣговъ дикихъ кочевниковъ своими дремучими лѣсами и болотами, сѣверные славяне жили спокойнѣе южныхъ и могли съ большею безопасностью

заняться земледѣліемъ и торговлею. Народъ вслѣдствіе этого сталъ зажиточнѣе, быстро стали образовываться новые города и селенія, въ которые собирались не только свои сѣверяне, но и южные славяне, гонимые и тѣснимые дикими кочевниками.

II.

Прежнее устройство великорусской земли.

Занявъ земли, которыми прежде владѣли финскія племена, великоруссы устроились здѣсь прочно и отсюда мало-по-малу распространили свое владычество на тѣ огромныя пространства, которыя составляютъ теперешнія земли русскаго государства. На финскихъ земляхъ такъ же, какъ и въ южныхъ областяхъ, нѣкоторые болѣе смѣлые и болѣе разумные князья умѣли собрать у себя въ рукахъ большія количества земли, продолжая сохранять, однако, извѣстный уже намъ удѣльно-вѣчевой порядокъ, при которомъ всѣ важнѣйшія дѣла рѣшались княземъ не лично, а по совѣщанію съ вѣчемъ; отдѣльными городами и селеніями правили удѣльные князья; надъ удѣльными князьями старшимъ былъ великій князь (обыкновенно старшій въ родѣ), который и правилъ всей своей областью. Такихъ земель съ отдѣльнымъ великимъ княземъ и со своими удѣльными князьями было тогда нѣсколько. Изъ нихъ болѣе сильными были: 1) *Суздальскія земли*, расположенныя по верховьямъ Волги и по ея притокамъ, съ старинными большими городами Ростовомъ и Суздалемъ. Суздаль сначала былъ стольнымъ городомъ (т. е. въ немъ жилъ великій князь); хотя Суздаль существуетъ и по настоящее время, но теперь онъ, равно какъ и Ростовъ, захудалъ и является

просто лишь уѣзднымъ городомъ. Позднѣе въ этой области былъ основанъ городъ Владиміръ, въ который и былъ перенесенъ изъ Суздаля великокняжескій престолъ. Потомъ, когда суздальскія земли были подчинены власти московскихъ князей, Владиміръ потерялъ свое значеніе, на-половину запустѣлъ и въ настоящее время это—небольшой и небойкій по торговлѣ губернскій городъ. 2) *Муромская и Рязанская земли*—по рѣкѣ Окѣ и по верховьямъ рѣки Дона съ старинными городами: Муромомъ, Рязанью, Переяславлемъ (который назывался Рязанскимъ въ отличіе отъ другого стариннаго же города—Переяславля, на Переяславскомъ озерѣ, входившаго въ составъ Суздальскихъ, а не Рязанскихъ земель). Изъ другихъ старинныхъ городовъ здѣсь были еще Пронскъ на рѣкѣ Пронѣ и Коломна—при впаденіи рѣки Москвы въ Оку. Позднѣе въ этой области возникла и Москва, небольшой сначала городокъ, которому суждено было, однако, стать потомъ на долгое время во главѣ всей русской земли. 3) *Смоленскія земли* съ городами: Смоленскъ, Торопецъ, Можайскъ и Вязьма. 4) *Земли Новгородской общины*, заселенныя славянами, пришедшими изъ Приднѣпровья, раньше всѣхъ другихъ областей и состоявшія сначала изъ одного Новгорода на рѣкѣ Волховѣ съ его пригородами, а потомъ расширенныя выходцами новгородскими, захватившими огромныя земли до самаго Бѣлаго моря и до Уральскихъ горъ. На земляхъ Новгородской общины было много богатыхъ и торговыхъ городовъ, изъ которыхъ самыми большими и старыми были Псковъ, потомъ Ладога, Руса, Торжекъ, Великія Луки и другіе. 5) *Вятскія земли*, составлявшія сначала часть владѣній Новгородской общины; но за дальностью разстоянія новгородцамъ трудно было править Вятскими землями, которыя и отдѣлились отъ Новгорода и сохра-

нили свою свободу даже и послѣ того, какъ самъ Новгородъ сталъ приходить въ упадокъ.

Новгородская и Вятская общины отличались отъ другихъ земель тѣмъ, что въ то время, какъ въ другихъ земляхъ правили удѣльные князья, и надъ ними былъ великій князь, старѣйшіе же изъ обывателей, собираясь на вѣче, были лишь совѣтчиками князей, въ земляхъ Новгородской и Вятской общинъ всѣ дѣла рѣшались вѣчемъ, князья же были у нихъ только начальниками во время войны, а въ мирное время они не имѣли почти никакой власти и не могли сдѣлать ничего по своей волѣ, разъ только вѣче этого не хотѣло. Да и князья въ этихъ общинахъ были не родовые, а выборные, и послѣ смерти стараго князя начиналъ княжить его сынъ лишь въ томъ только случаѣ, если его выбирало вѣче; но вѣче могло выбрать и не сына своего князя, а кого-нибудь другого. Мало того, если выбранный князь по-чему-нибудь не нравился народу, вѣче предлагало ему оставить княженіе. Случалось, что князь не хотѣлъ уходить по своей волѣ и пытался удержаться на княжествѣ съ помощью своей дружины; тогда общинники шли на него войной и, обыкновенно, дѣло кончалось тѣмъ, что князь долженъ былъ уступить свое мѣсто новому избраннику народа. Такой порядокъ держался въ земляхъ Новгородской общины даже въ то время, когда въ большинствѣ другихъ земель вѣче потеряло всякое значеніе и всѣми дѣлами правилъ князь; но вскорѣ начало усиливаться Московское княжество, подчинившее себѣ всѣ другія княжества; подчинился владычеству Москвы и Новгородъ, и московскій великій князь Іоаннъ Третій въ 1477 году уничтожилъ новгородское вѣче и вывезъ даже изъ Новгорода старый вѣчевой колоколъ, въ который прежде звонили всякій разъ, когда

случались важныя дѣла, которыя не могли рѣшать ни князь, ни выбираемый народомъ посадникъ, но для рѣшенія которыхъ требовалось общее народное собраніе. Отъ времени перваго появленія славянскихъ племенъ на занимаемыхъ ими теперь земляхъ и до полнаго развитія удѣльно-вѣчевого порядка прошло нѣсколько сотъ лѣтъ. За такое длинное время многое, конечно, успѣло измѣниться: полудикое, воинственное, бродячее населеніе сильно размножилось, осѣло на мѣста; усилились за это время земледѣліе, торговля. Земледѣліе не составляло исконнаго занятія великоруссовъ. Сначала имъ занимались очень мало, такъ какъ обиліе лѣсовъ съ ихъ звѣрями и птицами, грибами и ягодами и дикими пчелами, дающими медъ, обиліе рыбы въ озерахъ и рѣкахъ— давали возможность легко прокормиться и безъ тяжелаго труда земледѣльца. А трудъ этотъ, всегда не легкій, въ тѣ поры былъ особенно тяжелъ еще и потому, что всѣ земли были заняты лѣсами, и для того, чтобы завести себѣ пашню, надо было выжигать лѣсъ и выкорчевывать коренья. Но созданная такимъ тяжелымъ трудомъ пашня, при безпрестанныхъ войнахъ, часто подвергалась опустошеніямъ. Только позднѣе, когда населеніе сильно увеличилось, а звѣря и рыбы поубавилось, расчистка лѣсовъ подъ пашни стала производиться все больше и больше.

Съ развитіемъ земледѣлія люди стали селиться ближе другъ къ другу; вмѣсто отдѣльныхъ семей стали жить цѣлыми общинами, устраивая села и города. Въ селахъ и городахъ жить стало безопаснѣе: собравшись въ большомъ количествѣ, легче было защищаться отъ всякаго врага и лихого человѣка. Съ увеличеніемъ и усиленіемъ городовъ стала разрастаться вмѣстѣ съ земледѣліемъ и торговля. Еще въ самыя древнія времена у насъ была

уже торговля съ греками, шедшая по такъ называемому великому водному пути, т. е. по притокамъ Днѣпра и по самому Днѣпру шли въ лодкахъ до Чернаго моря, а затѣмъ по морю до Цареграда, тогдашней столицы Греціи (нынѣ этотъ городъ зовется Константинополемъ и является столицею турокъ, отнявшихъ его у грековъ). Отъ грековъ мы получали различныя матеріи для одежды, вино, плоды, церковную утварь, серебряныя и золотыя украшенія, оружіе; мы же доставляли грекамъ хлѣбъ, мѣха, кожи, медъ, воскъ, пеньку. Деньги въ то время были у насъ еще не въ ходу и торговля шла главнымъ образомъ путемъ обмѣна: одни товары, которыхъ было у насъ много, мы мѣняли у грековъ на другіе товары, избыточные у нихъ, но недостающіе намъ. Другой нашъ торговый путь шелъ также по рѣкамъ, а потомъ и по Балтійскому морю отъ Новгорода и его пригородовъ къ нѣмецкимъ землямъ. Торговля Новгорода съ нѣмецкими купцами особенно усилилась послѣ того времени, когда полчища кочевниковъ, вышедшихъ изъ Азіи, завладѣли южной частью Днѣпра и не давали прохода торговымъ ладьямъ, шедшимъ по Днѣпру къ грекамъ и отъ нихъ къ намъ. Тогда нужные для насъ греческіе товары мы стали получать кружнымъ путемъ отъ нѣмецкихъ купцовъ, которые въ тѣ поры свободно и безъ помѣхи вели торговлю съ греками.

Когда же великорусское населеніе добралось, наконецъ, до Волги, у насъ завелась торговля и по Волгѣ съ Хазарскимъ царствомъ, расположеннымъ тогда въ низовьяхъ Волги близъ Каспійскаго моря, а чрезъ хазарскихъ купцовъ мы получали и азіатскіе товары: жемчугъ, шелковыя и бумажныя матеріи и пр. Заведя съ греками торговлю, славянскія племена познакомились въ Цареградѣ и съ религіей грековъ, исповѣдовавшихъ пра-

вославіе. Въ 988 году, т.-е. болѣе девятисотъ лѣтъ тому назадъ, кіевскій великій князь Владиміръ принялъ вмѣстѣ съ своею дружиною православіе, а за нимъ вскорѣ приняли православіе и всѣ славянскія племена, жившія какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ теперешней Россіи. Распространившіеся съ православіемъ по лицу земли русской монастыри служили не только для поддержки и распространенія православія, но вмѣстѣ съ тѣмъ они были тогда единственнымъ мѣстомъ, гдѣ можно было обучаться грамотности и чтенію священнаго писанія. Печатать книги, какъ это дѣлаютъ теперь, въ то время еще не умѣли, и книги священнаго писанія переписывали трудолюбивые монахи. Черезъ монастыри же стало извѣстнымъ намъ и почти все то, что мы знаемъ теперь о жизни и дѣлахъ нашихъ предковъ, жившихъ въ тѣ отдаленныя времена, такъ какъ во многихъ монастыряхъ велись особыя книги, такъ называемыя лѣтописи, гдѣ изо дня въ день, изъ года въ годъ записывались на память для будущихъ временъ всѣ болѣе или менѣе важныя происшествія того времени.

Въ удѣльно-вѣчевой періодъ мало-по-малу сложился такой порядокъ или, какъ иначе говорятъ, такой строй жизни: высшая власть принадлежала, какъ мы уже это говорили, удѣльному князю, который правилъ своими землями, начальствовалъ надъ войсками, чинилъ судъ и расправу надъ провинившимися; въ болѣе же важныхъ дѣлахъ, равно какъ и при спорахъ съ другими князьями, удѣльные князья отдѣльныхъ областей подчинялись своему великому князю. При князѣ состояла обыкновенно своя такъ называемая дружина. Это были сначала только воины князя, а потомъ и главные его помощники и совѣтчики во всѣхъ его дѣлахъ, получавшіе все бо́льшую и бо́льшую силу и власть по мѣрѣ того, какъ

князья переставали совѣщаться съ всенародными собраніями, т.-е. съ вѣчемъ. Изъ дружины князья назначали воеводъ, ходившихъ на войну вмѣстѣ съ княземъ, если же князь былъ занятъ другими болѣе важными дѣлами, а врагъ былъ не очень ужъ опасный, князь оставался дома, а войска велъ на сраженіе воевода. Изъ дружины же назначалъ князь и посадниковъ или намѣстниковъ для управленія тѣми городами или волостями, управлять которыми самому князю за дальностью разстоянія было трудно. За свою службу воеводы и намѣстники не получали,какъ это дѣлается теперь, жалованья деньгами, но имъ давались „на кормленіе" отдѣльныя деревни или села, съ жителей которыхъ они и собирали оброкъ въ свою пользу. За особо-же важныя заслуги князья награждали иногда своихъ дружинниковъ землями, отводимыми уже не на кормленіе, а въ полную родовую ихъ собственность. Такимъ образомъ, собственникомъ земли являлся прежде всего князь, владѣвшій всѣмъ своимъ удѣломъ, полученнымъ отъ отца, за исключеніемъ тѣхъ, конечно, земель, которыя были розданы дружинѣ, затѣмъ эти самые дружинники, получавшіе землю въ даръ отъ князя; они дѣлились, обыкновенно, на старшую дружину, или бояръ и на младшую дружину, или такъ называемыхъ боярскихъ дѣтей. Кромѣ того, нѣкоторою частью земель владѣли монастыри, которые нерѣдко получали отъ ревнивыхъ къ православію князей въ даръ очень большія и богатыя угодья.

Самую большую часть великорусскаго населенія составляли городскіе и сельскіе жители, которыя назывались въ тѣ времена смердами. Смерды занимались земледѣліемъ и торговлею. Не владѣя собственной землей, смерды селились на княжескихъ, боярскихъ или монастырскихъ угодьяхъ, обрабатывали ихъ землю и пользо-

вались урожаями съ нея, платя за это извѣстный оброкъ; кромѣ того, во время войны они были обязаны выставлять отъ себя необходимое число воиновъ. Но обязательство выставлять воиновъ, равно какъ и уплата владѣльцамъ земли налоговъ существовали до тѣхъ только поръ, пока земледѣлецъ пользовался землею. Если это казалось ему почему-нибудь неудобнымъ или невыгоднымъ, если, напримѣръ, владѣльцы земли тѣснили слишкомъ большими оброками, или же военныя тяготы казались не въ мѣру большими, земледѣлецъ могъ, когда только ему вздумается, оставить насиженное мѣсто и итти къ другому князю или многоземельному боярину, или же къ монастырю, отъ которыхъ и получалъ новый облюбованный имъ участокъ земли, платя оброки и неся другія повинности уже въ пользу новаго своего хозяина. Равнымъ образомъ и торговые люди пользовались правомъ торговать по всему удѣлу, платя за это князю торговыя пошлины. Но кромѣ смердовъ или свободныхъ земледѣльцевъ и торговыхъ людей, по селамъ и городамъ уже и въ то время существовало населеніе несвободное, составлявшее вмѣстѣ съ своими семьями и дѣтьми полную собственность князя или бояръ; эта часть населенія носила названіе холоповъ, челяди и рабовъ. Набирались холопы, челядинцы и рабы больше всего изъ враговъ, взятыхъ во время войны въ плѣнъ, а также и изъ несостоятельныхъ должниковъ, которые за неплатежъ своего долга могли быть обращены въ рабовъ того, кому они были должны.

Князь, какъ это мы уже говорили раньше, чинилъ судъ и расправу надъ провинившимися; но судилъ князь не совсѣмъ по своему хотѣнію, какъ Богъ на сердце положитъ, но по дѣдовскимъ обычаямъ (или, какъ это принято называть, на основаніи обычнаго права) и по

законамъ, которые были собраны вмѣстѣ и записаны въ одну книгу законовъ, называемую „Русскою Правдою". Помѣщенные въ „Русской Правдѣ" законы за разныя провинности налагали штрафы то бо́льшіе, то ме́ньшіе, смотря по винѣ, но въ числѣ наказаній не было ни смертной казни, ни битья батогами или плетьми. Оба эти наказанья появились у насъ гораздо позже, послѣ нашествія монголовъ, отъ которыхъ мы и позаимствовались ими.

III.

Краткая исторія земли русской.— Монгольское иго.— Возникновеніе и усиленіе Москвы.— Московское царство.— Іоаннъ Грозный.—Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ.— Смутное время.— Домъ Романовыхъ.— Петръ Великій.— Александръ II-й и освобожденіе крестьянъ.

По обширнымъ азіатскимъ степямъ издавна бродили цѣлыя толпы дикихъ татарскихъ и монгольскихъ племенъ, которыя не знали земледѣлія, а жили скотоводствомъ, войною и грабежомъ своихъ болѣе слабыхъ сосѣдей. Тѣ орды монголовъ, которымъ приходилось особенно много терпѣть отъ болѣе сильныхъ сосѣдей, уходили отъ нихъ подальше и искали себѣ новыхъ мѣстъ, гдѣ бы они могли болѣе безопасно кочевать со своими стадами. Время отъ времени они вмѣстѣ со скотомъ, съ своими семьями и кибитками (особыя переносныя жилища изъ тонкихъ жердей, покрытыхъ сверху войлокомъ) забирались и на югъ Россіи, въ привольныя для скота донскія и приднѣпровскія степи. Эти орды, извѣстныя нашимъ лѣтописцамъ подъ различными именами: берендѣевъ, черныхъ клобуковъ, половцевъ, печенѣговъ и т. д., постоянно безпокоили, грабили и тѣснили южнорусское населеніе, не давая ему заниматься земледѣлі-

емъ, такъ-что югъ Россіи постепенно запустѣлъ, а славянское земледѣльческое населеніе мало-по-малу вынуждено было уйти подальше на сѣверъ, гдѣ хотя земля была и похуже, но за-то густые непроходимые лѣса спасали отъ набѣговъ враговъ. Въ лѣсахъ, гдѣ расположились великорусскія племена, собралось такимъ образомъ и болѣе защищенное, да и болѣе людное земледѣльческое населеніе, нападать на которое не рѣшались уже отдѣльныя орды дикихъ азіатскихъ кочевниковъ. Но въ Азіи появился въ это время великій завоеватель, грозный Чингисъ-ханъ, отличавшійся необыкновенной свирѣпостью. Подъ его начальствомъ монголы покорили всѣ сосѣднія орды, повырѣзали ихъ, оставшихся въ живыхъ сдѣлали своими плѣнниками и рабами. Повсюду, гдѣ только прошелъ Чингисъ-ханъ, его путь былъ залитъ потоками крови, освѣщенъ огнями пожаровъ. Онъ навелъ на всѣхъ такой ужасъ, что по всей Азіи стали считать, что онъ посланъ самимъ Богомъ въ наказаніе за грѣхи человѣчества, такъ что ему перестали даже сопротивляться, молча и безъ попытки защищаться претерпѣвая всѣ ужасы его нашествія. Самъ Чингисъ-ханъ до русской земли не добрался, но послѣ его смерти его полководцы, такіе же свирѣпые и кровожадные, какъ и самъ Чингисъ-ханъ, побѣдивъ народы, живущіе на Кавказѣ, добрались, наконецъ (въ 1224 году послѣ Рождества Христова), до половецкихъ земель. Испуганные половцы обратились за помощью къ русскимъ князьямъ, которые и порѣшили не дожидаться, пока монголы побѣдятъ половцевъ и пойдутъ и на русскую землю, но встрѣтить ихъ раньше, еще въ половецкихъ земляхъ. И вотъ, на берегу рѣчки Калки русскіе встрѣтились съ монгольскими полчищами.

Но между князьями, вмѣстѣ воевавшими противъ мон-

головъ, не было достаточнаго согласія, — каждый изъ нихъ поступалъ такъ, какъ ему хотѣлось, и храбрый галицкій князь Мстиславъ, по прозванію Удалой, началъ сраженіе съ монголами, не дождавшись даже, когда подойдутъ войска другихъ князей. Вслѣдствіе этого монголы побѣдили княжескія войска; бѣжавъ отъ врага, русскіе полки были преслѣдуемы монголами, которые перебили большую часть русскихъ воиновъ, а оставшихся въ живыхъ позабрали въ плѣнъ; немного народа спаслось отъ этого побоища. Монголы и на этотъ разъ были, какъ всегда, жестоки съ побѣжденными; разсказываютъ даже, что сейчасъ же по окончаніи сраженія монголы положили взятыхъ въ плѣнъ князей подъ доски, на которыхъ усѣлись обѣдать главные начальники монгольскихъ войскъ. На этотъ разъ монголы дальше не пошли, но вскорѣ послѣ своей побѣды вернулись къ себѣ въ Азію. Но черезъ тринадцать лѣтъ цѣлыя толпы монголовъ, подъ предводительствомъ хана (царя) Батыя, перешли вмѣстѣ съ своими семьями, кибитками и стадами черезъ рѣку Уралъ, потомъ черезъ Волгу, опустошили землю камскихъ болгаръ, а зимою того же года появились на земляхъ Рязанскаго княжества.

Постоянно ссорящіеся между собой отдѣльные князья великорусскихъ земель и на это время не оставили своихъ раздоровъ и вмѣсто того, чтобы соединиться и общими силами встрѣтить грознаго врага, бились съ нимъ каждый порознь. Отъ этого произошло то, что монголы легко осиливали каждаго изъ нихъ и прошли по Рязанской и Суздальской землямъ, грабя и сожигая селенія и убивая людей; въ одной Суздальской землѣ они разрушили до основанія болѣе 14 городовъ. Монголы направили, было, свой путь къ Новгороду, но тутъ ихъ

задержали топкія лѣсныя болота, и всѣ орды повернули на югъ—въ Половецкія степи. Разоривъ и половцевъ, Батый двинулся на южно-русскіе города, попрежнему разрушая всѣ встрѣчные села и города. Отъ одного изъ самыхъ старинныхъ и богатыхъ русскихъ городовъ — Кіева не осталось и камня на камнѣ: всѣ дома и церкви были разрушены, жители, не погибшіе въ бояхъ, были взяты въ плѣнъ или же разбѣжались во всѣ стороны, кому куда придется. Вообще говоря, южно-русское населеніе потерпѣло отъ монголовъ гораздо больше, чѣмъ великоруссы, такъ какъ по землямъ великоруссовъ монголы только прошли, не задерживаясь тамъ долго, на югѣ же, въ низовьяхъ Днѣпра, Дона и Волги, имъ понравилось приволье степей, удобныхъ для пастбищъ, и они остались тамъ на долгое время; въ низовьяхъ Волги, близъ рѣки, носящей въ настоящее время названіе Ахтубы, они основали свой главный городъ, названный ими Сарай. Здѣсь жилъ Батый, а по его смерти и другіе главные ханы. Отсюда монголы правили завоеванными ими великорусскими землями, собирая съ нихъ дань и время отъ времени дѣлая на нихъ набѣги для полученія еще бо́льшей дани или прямо для грабежа. Полное разореніе южно-русскихъ городовъ много способствовало бо́льшему заселенію и усиленію великорусскихъ земель, которыя не могли, однако, освободиться отъ монгольскаго ига до тѣхъ поръ, пока каждымъ княжествомъ правили свои удѣльные и великіе князья. Уничтожить власть отдѣльныхъ князей и собрать все великорусское населеніе въ единое царство выпало на долю московскихъ князей. До нашествія монголовъ Москва была лишь маленькимъ городкомъ, принадлежавшимъ суздальскимъ князьямъ. Стольнымъ городомъ Суздальскихъ земель былъ въ то время городъ Вла-

димиръ на рѣкѣ Клязьмѣ, гдѣ и жилъ великій князь; удѣльные суздальскіе князья жили по другимъ большимъ городамъ, Москва же въ то время была настолько незначительнымъ городкомъ, что она управлялась лишь намѣстниками, а князья въ ней не жили. Начало московскаго княжества идетъ съ того времени, какъ одинъ изъ младшихъ сыновей князя Александра Невскаго, знаменитаго своими побѣдами надъ шведами и нѣмцами, Даніилъ Александровичъ получилъ въ удѣлъ самый городъ Москву съ ближайшими селами и деревнями. Гдѣ силою, а гдѣ хитростью Даніилъ Александровичъ отобралъ у рязанскихъ и у смоленскихъ князей нѣсколько другихъ городовъ. Сынъ Даніила Александровича, князь Юрій Даниловичъ, былъ уже настолько силенъ, что могъ вступить въ борьбу за великокняжескій престолъ съ владѣвшими имъ сильными тогда тверскими князьями. Борьба эта длилась при нѣсколькихъ московскихъ князьяхъ и кончилась, наконецъ, тѣмъ, что великокняжескій престолъ остался за московскими князьями, которые, ставъ великими князьями, не перешли, однако, во Владимиръ, но сдѣлали столичнымъ городомъ свою Москву. Слѣдующіе за Юріемъ московскіе князья, особенно же братъ его, Іоаннъ Даниловичъ, по прозванію Калита (что значитъ „мѣшокъ съ деньгами“), очень усилили Московское княжество, пользуясь для этого не столько своей военной силою, сколько ловкостью и хитростью. Іоаннъ Калита вошелъ въ довѣріе у монгольскихъ хановъ, исправно уплачивая имъ богатую дань и пользуясь за то ихъ помощью. Монгольскіе ханы не только не дѣлали въ это время набѣговъ на владѣнія московскаго князя, но даже и дарили Іоанну Калитѣ владѣнія другихъ сосѣднихъ князей, чѣмъ-нибудь не угодившихъ ханамъ. Безопасность отъ набѣговъ монгольскихъ ордъ

дѣлала то, что въ Московское княжество сталъ собираться народъ изъ всѣхъ другихъ княжествъ, отчего Московское княжество дѣлалось все сильнѣе и богаче, самъ же Іоаннъ Калита позднѣе былъ названъ за это собирателемъ русской земли. Уже внукъ Іоанна Калиты, великій князь Дмитрій Іоанновичъ, почувствовалъ себя настолько сильнымъ, что отказался платить монголамъ дань. Тогда монгольскій ханъ Мамай выслалъ противъ него сильное войско, которое Дмитрій Іоанновичъ встрѣтилъ въ области рязанскихъ земель съ своими войсками и совершенно его уничтожилъ. Разгнѣванный Мамай рѣшился отомстить великому князю и разорить все Московское княжество, для чего и собралъ противъ него огромную силу. Но Дмитрій Іоанновичъ самъ собралъ сильную рать, собралъ войска подвластныхъ ему другихъ князей (ростовскихъ, муромскихъ, бѣлозерскихъ, ярославскихъ и другихъ, а всего до полутораста тысячъ человѣкъ) и съ этимъ войскомъ двинулся навстрѣчу полчищамъ Мамая. Войско Дмитрія Іоанновича сошлось съ полчищами Мамая на такъ называемомъ Куликовскомъ полѣ, лежащемъ при впаденіи рѣчки Непрядвы въ Донъ, и вотъ 8-го сентября 1380 года, т. е. за 520 лѣтъ до нашего времени, произошла знаменитая Куликовская битва, кончившаяся полной побѣдою русскихъ надъ монголами. За эту битву князь Дмитрій Іоанновичъ получилъ прозваніе Дмитрія Донского. Побѣда на Куликовскомъ полѣ настолько ослабила могущество монголовъ, что они уже не смѣли больше разорять русскую землю, хотя избавиться окончательно отъ монгольскаго ига удалось уже значительно позже (въ 1502 году). Такимъ образомъ, монгольское иго тяготѣло надъ нами больше 250 лѣтъ; оно было причиною множества великихъ бѣдъ, не скоро забытыхъ даже и послѣ того, какъ мон-

голы не смѣли уже больше тревожить населеніе, грабить и жечь города, подъ владычествомъ монголовъ народъ сильно огрубѣлъ, одичалъ, перенялъ у нихъ много жестокихъ обычаевъ (смертную казнь, наказаніе плетьми и палками, грубое обхожденіе съ своими семейными и т. д.), потерялъ охоту къ образованію, къ лучшему устройству своей жизни. Преемники Дмитрія Донского мало-по-малу захватили власть надъ всѣми тѣми областями, гдѣ теперь сплошь живетъ великорусское населеніе. При одномъ изъ нихъ, а именно при Іоаннѣ Васильевичѣ, была завоевана Сибирь и окончательно присоединены къ нашимъ владѣніямъ Казанское и Астраханское царства, составлявшія остатки прежнихъ монгольскихъ ордъ. Самъ Іоаннъ Васильевичъ не довольствовался уже званіемъ великаго князя, но принялъ названіе царя; съ того времени и всѣ владѣнія великоруссовъ называются уже не княжествомъ, а царствомъ. Іоаннъ Васильевичъ былъ очень жестокъ и за множество казней, учиняемыхъ имъ особенно часто надъ боярами, онъ получилъ прозваніе Іоанна Грознаго; въ припадкѣ гнѣва онъ своими руками убилъ даже своего родного сына. Надо, впрочемъ, сказать, что бояръ казнилъ Іоаннъ Грозный не изъ-за одной только своей жестокости: къ тому у него были еще и особыя причины. Дѣло въ томъ, что еще задолго до Іоанна Грознаго бояре получили такую силу, что очень часто совсѣмъ не слушались великихъ князей и дѣлали все по-своему; отъ ихъ своеволія страдалъ и народъ, терпѣли и сами великіе князья, такъ какъ всѣ ихъ желанія, какъ не добрыя, такъ и добрыя, могли исполняться только тогда, когда это было угодно боярамъ. Такое возвышеніе власти бояръ произошло главнымъ образомъ оттого, что московскіе князья, занятые борьбою то съ другими непокорными имъ князьями, то

съ монголами, должны были почти все управленіе московскими землями передать въ руки боярамъ. Кромѣ того, бояре владѣли большими помѣстьями, населеніе которыхъ должно было имъ повиноваться, такъ что бояре могли по своему желанію дать или не дать на помощь князю большое количество воиновъ, которые были такъ нужны князю при постоянныхъ войнахъ. Только Іоаннъ Грозный заставилъ бояръ притихнуть; но онъ поступалъ съ ними слишкомъ уже жестоко, казня часто безъ разбору и тѣхъ изъ бояръ, кто дѣйствительно противился его власти, и тѣхъ, кто не былъ ни въ чемъ повиненъ. Іоаннъ Грозный казнилъ или разослалъ въ заточеніе по монастырямъ такъ много лучшихъ бояръ, что, когда послѣ его смерти, а затѣмъ и смерти его единственнаго оставшагося въ живыхъ сына, слабаго, но добраго царя Ѳеодора Іоанновича, умершаго бездѣтнымъ, надо было выбирать кого-нибудь на московскій престолъ, совсѣмъ не находилось достаточно уважаемыхъ и умныхъ бояръ, которые могли бы съ честью занять царское мѣсто.

Сынъ Іоанна Грознаго, Ѳеодоръ Іоанновичъ, былъ царь нрава кроткаго, но къ правленію государствомъ онъ былъ мало способенъ, и всѣми дѣлами правленія завѣдовалъ при немъ его шуринъ, ловкій и смышленый бояринъ Борисъ Годуновъ. Въ это время произошло одно важное событіе, въ корень измѣнившее жизнь великорусскихъ крестьянъ, а именно—они были прикрѣплены къ землѣ. Произошло это не по капризу или злой волѣ царя Ѳеодора Іоанновича или Бориса Годунова, но такъ сложилось ужъ дѣло, что тогда это было нужно. Дѣло въ томъ, что съ полученіемъ отъ князей большихъ земельныхъ угодій сильные бояре и большіе монастыри стали нуждаться въ земледѣльцахъ, которые обрабаты-

вали бы ихъ земли. Тогда они стали переманивать къ себѣ земледѣльцевъ отъ мелкопомѣстныхъ бояръ (такъ называемыхъ боярскихъ дѣтей), обѣщая имъ такія льготы, какихъ мелкопомѣстные бояре не могли давать своимъ земледѣльцамъ. Поэтому земли мелкопомѣстныхъ стали пустѣть, оставаться безъ земледѣльцевъ. А между тѣмъ боярскія дѣти какъ разъ и составляли главную военную силу царства, такъ какъ они обязаны были по первому же зову царя выступать на войну сами и выводить съ собою извѣстное число вооруженныхъ ратниковъ, которыхъ они набирали изъ вольныхъ земледѣльцевъ, селившихся на ихъ земляхъ. Когда же болѣе сильные бояре, владѣвшіе большими количествами земли, стали сманивать земледѣльцевъ къ себѣ, мелкопомѣстные бояре стали такъ нуждаться въ людяхъ, что часто не могли выставить столько ратниковъ, сколько съ нихъ требовалось, или же если и выставляли, то у нихъ самихъ никого не оставалось для обработки земли; земля пустовала, по окончаніи же войны начиналась голодовка. Выходили у мелкопомѣстныхъ бояръ затрудненія и съ внесеніемъ государственныхъ податей, которыя собирались въ то время не по числу душъ, а по количеству земли, несмотря на то, обрабатывается она или нѣтъ. Но въ послѣдніе годы царствованія Іоанна Грознаго на русскую землю надвинулись враги со всѣхъ сторонъ, и въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича нужно было имѣть много войска, чтобы оборониться отъ враговъ и привести въ порядокъ разоренное царство. Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ произошло не сразу. Сначала за земледѣльцами было оставлено право переходить отъ одного владѣльца землею къ другому, но уже не когда имъ вздумается, а только въ извѣстный срокъ, а именно къ Юрьеву дню (23-го апрѣля). Но это не помогло,

тогда (въ 1597 году) земледѣльцамъ было окончательно запрещено переходить отъ владѣльца къ владѣльцу, и такимъ образомъ изъ свободныхъ хлѣбопашцевъ они превратились въ прикрѣпленныхъ къ землѣ, или крѣпостныхъ крестьянъ.

Ѳеодоръ Іоанновичъ умеръ бездѣтнымъ. Собраніе бояръ выбрало тогда въ цари Бориса Годунова, научившагося управленію царствомъ еще при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ. При царѣ Борисѣ Московское царство немного оправилось и отдохнуло, было, отъ враговъ и смутъ, но не надолго. Вскорѣ появился какой-то неизвѣстный человѣкъ, назвавшій себя сыномъ Іоанна Грознаго, царевичемъ Дмитріемъ. На самомъ дѣлѣ, царевичъ Дмитрій былъ зарѣзанъ нѣсколькими злодѣями; народная молва говорила, что это дѣло рукъ Годунова, уже тогда задумавшаго сдѣлаться царемъ и подговорившаго будто бы убить царевича Дмитрія, который по смерти бездѣтнаго царя Ѳеодора Іоанновича долженъ былъ вступить на престолъ. Неизвѣстный человѣкъ, принявшій на себя имя царевича Дмитрія, разсказывалъ, что онъ не былъ убитъ, что вмѣсто него убили и похоронили какого-то другого мальчика, а самъ онъ будто бы спасся. Многіе русскіе люди увѣровали въ этого самозванца и послѣдовали за нимъ, его поддерживали и деньгами и войскомъ поляки, которые рады были поселить смуты и тѣмъ ослабить силу Московскаго царства; кромѣ того, поляки надѣялись, что, занявъ престолъ, самозванецъ самъ приметъ исповѣдуемую поляками католическую вѣру и заставитъ принять ее и русскій народъ. У самозванца собралось значительное войско, состоявшее частью изъ поляковъ, частью изъ тѣхъ русскихъ, которые повѣрили ему или же просто передались на его сторону въ надеждѣ воспользоваться смутами и нажиться грабе-

жами, а потомъ, если дѣло самозванца удастся, потребовать и съ него награду за усердіе. Самозванецъ нѣсколько разъ разбивалъ войска, высланныя противъ него царемъ Борисомъ, потомъ самъ былъ разбитъ, и изъ его дѣла ничего, быть-можетъ, и не вышло бы, если бы царь Борисъ не скончался неожиданно. Въ этомъ народъ увидѣлъ какъ бы указаніе свыше и сталъ переходить на сторону самозванца. Народъ ворвался, наконецъ, во дворецъ, убилъ дѣтей царя Бориса, и самозванецъ занялъ московскій престолъ подъ именемъ царя Дмитрія. Но царствовалъ онъ недолго. Народъ былъ возмущенъ тѣмъ, что самозванецъ, самъ женатый на полькѣ, отдавалъ слишкомъ явное предпочтеніе полякамъ, которые получили лучшія мѣста и были самыми близкими самозванному царю людьми. Скоро произошелъ бунтъ, толпа ворвалась во дворецъ и самозванецъ былъ убитъ. Послѣ этого на престолъ былъ избранъ бояринъ Василій Ивановичъ Шуйскій, скоро, однако, умершій. Въ это время появился новый самозванецъ, а за нимъ еще другіе. Тутъ наступили самыя смутныя и тяжелыя времена. Народъ совсѣмъ сбился съ толку и не зналъ, кому вѣрить, кому нѣтъ. Выбрать изъ бояръ такого царя, который всѣмъ былъ бы по сердцу и который съумѣлъ бы водворить порядокъ, было очень трудно: всѣ наиболѣе способные и любимые народомъ бояре были истреблены еще Іоанномъ Грознымъ. Нѣсколько лѣтъ длилось у насъ междуцарствіе, когда дѣлами царства правили семеро выборныхъ изъ самыхъ богатыхъ и знатнѣйшихъ бояръ. Смутнымъ временемъ воспользовались наши сосѣди—поляки, которые завладѣли, было, русскою землею и хотѣли посадить намъ на царство своего королевича Владислава. Многіе рады были и польскому королевичу, лишь бы только онъ положилъ конецъ смутамъ. Но другая часть

народа, не желавшая не-русскаго царя, выбрала на престолъ боярина Михаила Ѳеодоровича Романова (въ 1613 году), положившаго начало и донынѣ царствующему у насъ Дому Романовыхъ. Михаилу Ѳеодоровичу пришлось выдержать тяжелую войну съ поляками, желавшими, во что бы то ни стало, посадить на престолъ королевича Владислава. Однажды поляки едва не захватили въ плѣнъ самого Михаила Ѳеодоровича, который спасся, благодаря только тому, что крестьянинъ Иванъ Сусанинъ, взявшійся проводить поляковъ къ тому мѣсту, гдѣ находился царь Михаилъ, нарочно отвелъ ихъ въ сторону и завелъ въ глухой непроходимый лѣсъ, за что и былъ убитъ поляками. Въ самое трудное время, когда поляки окончательно уже насъ одолѣвали, въ Нижнемъ Новгородѣ простой мясникъ, по имени Козьма Мининъ, поднялъ на ноги народъ, собралъ цѣлое ополченіе и передалъ начальство надъ нимъ князю Пожарскому. Съ помощью этого ополченія князю Пожарскому удалось изгнать поляковъ и упрочить престолъ за царемъ Михаиломъ. Въ Москвѣ на Красной площади сейчасъ стоитъ памятникъ, поставленный Минину и Пожарскому благодарнымъ потомствомъ за спасеніе Россіи.

Съ воцареніемъ Дома Романовыхъ русская земля понемногу оправилась отъ смутъ и стала вновь крѣпнуть и увеличиваться. Ко времени царя Михаила Ѳеодоровича царство состояло только изъ коренного великорусскаго населенія и завоеванной Сибири, но потомъ къ нему стали присоединяться и другія племена. Такъ, при сынѣ Михаила Ѳеодоровича, царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, присоединилась къ Россіи Малороссія, т. е. славянское населеніе юга Россіи, средняго теченія и низовьевъ Днѣпра и Дона, которое собственными силами не могло справиться съ тѣснившими его поляками и вмѣсто того,

чтобы подчиниться католикамъ - полякамъ, предпочло отдаться подъ покровительство и защиту единовѣрнаго съ нею Московскаго царства. Особаго могущества и силы достигло Московское царство при царѣ Петрѣ Великомъ, принявшемъ уже названіе не царя, а императора, какимъ именемъ зовутся русскіе государи и понынѣ; съ того же времени и все Московское царство именуется его теперешнимъ именемъ, т.е. Россіей или Русской имперіей. Петръ Великій перенесъ столицу, т. е. городъ, въ которомъ постоянно живетъ царь, изъ Москвы въ выстроенный имъ новый городъ Петербургъ, который, стоя близко отъ моря, былъ удобнѣе, чѣмъ Москва, для морской торговли съ иностранными государствами. Съ тѣхъ поръ русскіе цари живутъ всегда въ Петербургѣ, но короноваться на царство они и понынѣ пріѣзжаютъ въ Москву. При государынѣ Екатеринѣ Второй, получившей прозваніе Великой, къ Россіи была присоединена значительная часть Польши, переставшей быть къ тому времени отдѣльнымъ государствомъ и раздѣленной по частямъ между Россіей, Пруссіей и Австріей. При внукѣ Екатерины Великой Александрѣ Павловичѣ добровольно присоединилась къ намъ Финляндія. Въ царствованіе этого государя, въ 1812 году, произошло нашествіе на Россію французовъ, пришедшихъ подъ предводительствомъ самого ихъ императора Наполеона. Наполеонъ привелъ съ собою въ Россію не только французскія войска, но и войска многихъ другихъ, побѣжденныхъ имъ раньше того, народовъ. Наполеонъ дошелъ до самой Москвы, вступилъ въ нее, но русскіе зажгли городъ со всѣхъ концовъ, и французскія войска скоро должны были отступить изъ опустошеннаго края, не имѣя на зиму ни крова, ни пищи. Тогда русскіе стали преслѣдовать полчища Наполеона, раз-

сѣяли ихъ, послѣдовали за ними чрезъ всю Европу и чрезъ полтора года послѣ занятія французами Москвы сами заняли Парижъ, столицу Франціи, освободивъ такимъ образомъ отъ французскаго владычества не только себя, но и всѣ раньше покоренные Наполеономъ народы. Съ тѣхъ поръ ежегодно въ первый день Рождества у насъ въ церкви воспоминается объ освобожденіи насъ отъ нашествія двунадесяти языковъ, т. е. двѣнадцати народовъ, которые ввелъ съ собою въ Россію Наполеонъ. При императорѣ Николаѣ Павловичѣ былъ завоеванъ Кавказъ, при Александрѣ Николаевичѣ, дѣдѣ нынѣ царствующаго Императора, завоеваны Хива, Туркестанъ и другія области въ средней Азіи. Въ концѣ царствованія Николая Павловича и въ началѣ царствованія Александра Николаевича намъ пришлось выдержать тяжелую войну съ соединенными силами турокъ, французовъ и англичанъ, кончившуюся со взятіемъ города Севастополя неудачно для насъ. Впрочемъ, самый Севастополь намъ вернули въ обмѣнъ за взятую нами у турокъ сильную крѣпость Карсъ (въ Закавказьи). Царствованіе императора Александра Николаевича ознаменовалось цѣлымъ рядомъ великихъ событій, изъ которыхъ самыми крупными было освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Раньше мы говорили уже о томъ, что въ свое время прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ было необходимо. Но позднѣе весь распорядокъ жизни измѣнился, а между тѣмъ помѣщики (прежніе бояре) привыкли смотрѣть на крестьянъ, какъ на свою собственность, покупали ихъ, продавали, и семьями, и поодиночкѣ и, будучи въ большинствѣ случаевъ сами людьми грубыми и необразованными, обращались съ крестьянами очень жестоко. Конечно, наиболѣе образованные помѣщики относились къ крестьянамъ съ любовью,

заботились о нихъ и были справедливы; память о такихъ добрыхъ господахъ и до сихъ поръ живетъ въ народѣ, но за-то несправедливость и жестокость другихъ помѣщиковъ вызывали прямую необходимость покончить съ такимъ порядкомъ. Это великое дѣло освобожденія восьмидесяти-милліонной массы людей выпало на долю императора Александра Николаевича (въ 1861 году), прозваннаго за то Царемъ-Освободителемъ. Но земля принадлежала помѣщикамъ, освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и оставить ихъ безъ земли было невозможно; чѣмъ бы стала тогда кормиться эта многомилліонная масса? Поэтому-то императоромъ Александромъ Николаевичемъ, при содѣйствіи лучшихъ изъ дворянъ того времени, была придумана такая мѣра: часть земли была выкуплена у помѣщиковъ государствомъ и передана крестьянскимъ обществамъ съ тѣмъ, чтобы они выплачивали государству извѣстную сумму денегъ, разложенную на большое число лѣтъ; эти деньги шли на уплату того долга, который сдѣлало государство для того, чтобы выкупить землю у помѣщиковъ. Землей, отданной крестьянамъ, распоряжаются не отдѣльныя лица, а цѣлое крестьянское общество, которое и выплачиваетъ выкупныя деньги и дѣлитъ право пользованія землею между своими сообщественниками сообразно съ количествомъ всей земли и съ числомъ лицъ, составляющихъ каждое общество. Каждый общественникъ, получившій свой надѣлъ, пользуется землею, не имѣя, однако, права ее продавать; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выплачиваетъ и ту часть выкупныхъ денегъ, какая приходится по разверсткѣ на его долю. Кромѣ выкупныхъ денегъ, крестьянскія общества платятъ также подати на нужды государства сообразно съ количествомъ земли, которой они владѣютъ.

Кромѣ освобожденія крестьянъ, при Александрѣ Николаевичѣ было введено много другихъ улучшеній въ дѣлѣ правленія государствомъ, улучшеній, ведущихъ къ водворенію большей справедливости. Такъ, до Александра Николаевича солдаты набирались только изъ крестьянъ, при немъ же введена всеобщая воинская повинность. Вмѣстѣ съ тѣмъ прежняя двадцатилѣтняя солдатская служба сокращена до двухъ, трехъ или четырехъ лѣтъ, смотря по мѣрѣ образованія: чѣмъ большее образованіе получилъ человѣкъ, тѣмъ короче время его службы. Много улучшеній введено было Александромъ Николаевичемъ и въ судебномъ дѣлѣ, прежде полномъ всякихъ проволочекъ, а нерѣдко и болѣе милостивомъ къ состоятельнымъ и вліятельнымъ людямъ; новый же судъ по справедливости можетъ быть названъ судомъ скорымъ, правымъ и милостивымъ. Въ это же царствованіе было обращено вниманіе на распространеніе образованія среди народа, устраивалось много сельскихъ и городскихъ школъ, затѣмъ гимназій и высшихъ учебныхъ заведеній (университетовъ). Для завѣдыванія хозяйственными нуждами отдѣльныхъ уѣздовъ и губерній введены такъ называемыя земскія учрежденія,—словомъ, заведенъ тотъ порядокъ, который, съ нѣкоторыми лишь измѣненіями, существуетъ и понынѣ. При Александрѣ Николаевичѣ мы вели послѣднюю крупную войну съ турками за освобожденіе родственныхъ намъ славянъ, находившихся подъ турецкимъ владычествомъ (болгары, сербы).

Въ послѣдующія два царствованія—Александра Александровича и нынѣ царствующаго Николая Александровича мы не вели уже крупныхъ войнъ, если не считать недавняго китайскаго похода, въ которомъ мы не имѣли никакихъ завоевательныхъ цѣлей, и русское государство осталось въ томъ приблизительно составѣ, какой оно полу-

чило еще при Александрѣ Николаевичѣ, кромѣ нѣкоторыхъ мирныхъ пріобрѣтеній (безъ войны), сдѣланныхъ за послѣднее время въ нашихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ.

Въ настоящее время съ составъ Россійской имперіи входитъ множество различныхъ народовъ, но великоруссы составляютъ главное или господствующее племя, что произошло какъ отъ того, что великоруссовъ въ Россіи по числу больше, чѣмъ другихъ племенъ, такъ и оттого, что и самое начало русскаго царства пошло, какъ мы уже говорили раньше, отъ Рязанскихъ, Суздальскихъ, Новогородскихъ и другихъ земель, гдѣ съ самаго начала поселились тѣ славянскія племена, изъ которыхъ произошло позднѣе великорусское племя.

IV.

Настоящее (современное) устройство русскаго государства.—Сословія въ Россіи.—Военная служба.

Мы знаемъ теперь, какъ изъ полудикихъ, жившихъ небольшими кучками въ глуши лѣсовъ славянскихъ племенъ сложилось сильное и мощное русское государство съ главнымъ въ немъ племенемъ великоруссовъ. Много разныхъ порядковъ, разныхъ укладовъ жизни довелось пройти великоруссамъ болѣе чѣмъ за тысячу лѣтъ ихъ жительства на теперешнихъ русскихъ земляхъ. Сначала мы видѣли ихъ живущими отдѣльными родами, т. е. большими семьями, гдѣ глава семьи былъ единственнымъ начальникомъ, творившимъ судъ и расправу надъ всей семьей. Отдѣльныя семьи жили далеко другъ отъ друга, рѣдко видѣлись между собой, да и когда встрѣчались, чаще всего ссорились между собой за пастбища и охот-

ничьи угодья. Позднѣе семьи стали соединяться въ общины, которыми правили по общему совѣту большаки отдѣльныхъ семей. Такъ сложилось управленіе „міромъ“ или, какъ тогда его звали, „вѣчемъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ и излюбленное прежнее занятіе охотою и промыслами стало все больше и больше замѣняться земледѣліемъ. Ведя постоянныя войны съ сосѣдями, на югѣ—съ дикими, приходившими изъ Азіи, ордами, а сѣвернѣе—съ финскими племенами, общины должны были выбирать себѣ одно лицо, которое правило и распоряжалось бы войсками. Понемногу такіе военные начальники захватывали въ свои руки власть и въ мирное время. Такъ образовалась княжеская власть; ближайшіе же помощники князей, ихъ дружины образовали позднѣе боярское сословіе, захватившее вмѣстѣ съ князьями въ свои руки большую часть земель. Отдѣльныя княжества, по прошествіи долгаго времени, стали соединяться; великорусское племя оказалось въ этомъ случаѣ болѣе способнымъ, и московскіе князья сумѣли, какъ это мы уже знаемъ, собрать и подчинить своей власти другихъ князей, основавъ, наконецъ, съ освобожденіемъ отъ монгольскаго ига, сильное Московское царство. Московскіе цари правили народомъ при помощи князей, воеводъ и посадниковъ, избираемыхъ ими изъ бояръ и боярскихъ дѣтей; вѣче было уничтожено окончательно. При Петрѣ Великомъ, когда Московское царство стало уже называться Россійской имперіей, порядокъ управленія нѣсколько измѣнился. Государство стало велико, и для управленія имъ требовалось больше „служилыхъ людей“, нуженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ большій порядокъ управленія, для чего вмѣсто воеводъ и посадниковъ, правившихъ своими воеводствами, какъ только имъ хотѣлось, при Петрѣ Великомъ завелись уже особые чиновники, пра-

вившіе отдѣльными частями государства, названными губерніями, на основаніи установленныхъ законовъ, одинаковыхъ для всѣхъ губерній. При Петрѣ же Великомъ, вмѣсто сбора на время войны выводимыхъ боярами ополченій, было заведено постоянное войско, ничѣмъ другимъ, кромѣ обученія военному дѣлу, не занимавшееся и набираемое изъ крестьянъ (только при Александрѣ Николаевичѣ этотъ порядокъ измѣнился, и солдатъ, какъ мы уже это говорили, стали набирать изъ лицъ всѣхъ сословій).

Послѣ Петра Великаго число губерній было значительно увеличено, самыя губерніи сдѣланы меньше по количеству входящихъ въ нихъ земель; увеличено было и число чиновниковъ, вѣдающихъ каждый одну какую-нибудь часть дѣла въ губерніи. Съ тѣхъ поръ и понынѣ порядокъ управленія государствомъ постепенно, по мѣрѣ необходимости, мѣняется; особенно много измѣненій и улучшеній было введено, какъ это уже говорилось раньше, при Царѣ-Освободителѣ Александрѣ Николаевичѣ.

Въ настоящее время порядокъ управленія въ Россійской имперіи таковъ: во главѣ всего государства стоитъ Царь, носящій званіе Государя-Императора и Самодержца Всероссійскаго. Царь живетъ постоянно въ Петербургѣ, который и называется поэтому столицей Россіи. Второю столицей Россіи является Москва, гдѣ прежде, до Петра Великаго, жили русскіе цари и куда они до сихъ поръ пріѣзжаютъ короноваться, т. е. вѣнчаться на царство. Ближайшими помощниками царю по управленію государствомъ являются министры, живущіе также въ Петербургѣ и вѣдающіе по всей Россіи каждый свою отдѣльную часть и имѣющіе цѣлый рядъ своихъ старшихъ и младшихъ помощниковъ, или чиновниковъ, жи-

вущихъ какъ въ Петербургѣ, такъ и во всѣхъ другихъ городахъ и даже нѣкоторыхъ селахъ русскаго государства.

Всѣхъ министерствъ, а, слѣдовательно, и министровъ у насъ десять: 1) министерство внутреннихъ дѣлъ, вѣдающее порядокъ управленія въ государствѣ. Ближайшими помощниками министра внутреннихъ дѣлъ по губерніямъ являются начальники губерніи или губернаторы, блюдущіе порядокъ каждый у себя въ губерніи. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ среди русскихъ живетъ много инородцевъ, или же въ мѣстахъ особенно бойкихъ и безпокойныхъ назначаются еще генералъ-губернаторы, имѣющіе большую власть, чѣмъ губернаторы; одинъ генералъ-губернаторъ завѣдуетъ, обыкновенно, нѣсколькими губерніями, губернаторы которыхъ ему подчинены; самъ же генералъ-губернаторъ подчиняется послѣ Царя одному только министру внутреннихъ дѣлъ. Генералъ-губернаторы имѣются у насъ для Московскаго округа (живетъ въ городѣ Москвѣ), для Кіевской, Волынской и Подольской губерніи (живетъ въ Кіевѣ); въ земляхъ, составлявшихъ бывшее царство Польское, имѣется два генералъ-губернатора—одинъ изъ нихъ живетъ въ Варшавѣ, бывшей столицѣ царства Польскаго, другой—въ городѣ Вильно. Кромѣ того, вся Сибирь и Туркестанъ, гдѣ живетъ много инородцевъ, подѣлены на округа съ отдѣльными генералъ-губернаторами — приамурскимъ (Хабаровскъ), восточно-сибирскимъ (Иркутскъ), западно-сибирскимъ (Омскъ), туркестанскимъ (Ташкентъ). Каждая губернія дѣлится на уѣзды; въ уѣздахъ чиновниками министерства внутреннихъ дѣлъ являются исправникъ съ его помощникомъ и становыми приставами, вѣдающіе такъ называемую полицейскую часть (надзоръ за порядкомъ въ уѣздѣ) и земскіе началь-

ники, вѣдающіе крестьянскія дѣла. Каждый уѣздъ дѣлится въ свою очередь на волости, а каждая волость состоитъ изъ нѣсколькихъ сельскихъ обществъ. У крестьянъ есть свои, выбираемыя самими-же крестьянами, должностныя лица, также причисленныя къ министерству внутреннихъ дѣлъ, это—сельскіе старосты и волостные старшины, подчиненные непосредственно земскому начальнику и исправнику.

2) Министерство юстиціи (судебное), управляющее всѣми судами въ Россіи. А суды у насъ таковы: крестьяне для разбора дѣлъ между собою и не особенно важныхъ дѣлъ съ лицами другихъ сословій имѣютъ свои сельскіе и волостные суды, въ которыхъ старшими лицами (такъ называемыми предсѣдателями суда) являются въ сельскомъ судѣ—староста, а въ волостномъ—старшина; судьи избираются изъ крестьянъ самими же крестьянами. Для разбора какъ болѣе важныхъ денежныхъ дѣлъ (на болѣе крупныя суммы), такъ и болѣе важныхъ проступковъ существовали прежде, во время царствованія Александра Николаевича, выборные, такъ называемые мировые судьи, судившіе нетолько крестьянъ, но и лицъ другихъ сословій. Теперь мировые судьи оставлены лишь въ немногихъ городахъ, тамъ же, гдѣ ихъ нѣтъ, ихъ замѣняютъ земскіе начальники и городскіе судьи, на рѣшеніе которыхъ могутъ быть приносимы жалобы въ такъ называемые съѣзды земскихъ начальниковъ. Самые же крупные проступки и преступленія, за которыя полагаются тяжелыя наказанія, равно какъ и денежные и имущественные споры на большія суммы вѣдаются окружными судами, гдѣ судятся одинаково и крестьяне, и лица всякихъ другихъ сословій. Но недовольные рѣшеніемъ этихъ судовъ могутъ въ нѣкоторыхъ, указанныхъ закономъ, случаяхъ обжаловать это рѣшеніе въ такъ называемыя судебныя

палаты. Окружные суды имѣются въ каждомъ губернскомъ городѣ и въ нѣкоторыхъ изъ большихъ многолюдныхъ уѣздныхъ городовъ; судебныя же палаты существуютъ по одной на нѣсколько губерній. За дѣйствіемъ судебныхъ палатъ существуетъ, въ свою очередь, наблюденіе со стороны сената, единственнаго для всей Россіи, имѣющаго мѣстопребываніе въ Петербургѣ.

3) Министерство народнаго просвѣщенія, въ вѣдѣніи котораго находится большая часть учебныхъ заведеній, какъ низшихъ, такъ среднихъ и высшихъ. Къ такъ называемымъ низшимъ учебнымъ заведеніямъ принадлежатъ школы грамотности, сельскія и городскія училища, къ среднимъ— гимназіи и реальныя училища и, наконецъ, къ высшимъ— университеты. Не всѣ, впрочемъ, учебныя заведенія находятся у насъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, но существуетъ цѣлый рядъ какъ низшихъ и среднихъ, такъ и высшихъ учебныхъ заведеній другихъ вѣдомствъ. Такъ церковно-приходскія школы устраиваются на средства духовенства, духовныя же учрежденія ими и завѣдуютъ; многія ремесленныя школы, низшія и высшія техническія школы, т. е. такія школы, гдѣ учатъ какъ строить желѣзныя дороги, пароходы, мосты, разныя машины, дома и т. д., находятся подъ наблюденіемъ министерства путей сообщенія (о которомъ будетъ еще рѣчь впереди), школы торговыя (коммерческія) устраиваются и управляются тѣмъ министерствомъ, что вѣдаетъ торговыя дѣла (министерство финансовъ) и т. д.

4) Военное министерство, вѣдающее управленіе сухопутными войсками.

5) Морское министерство, вѣдающее управленіе военными кораблями (флотомъ) и служащими на нихъ морскими войсками.

6) Министерство финансовъ, занимающееся распредѣ-

леніемъ и сборомъ различныхъ налоговъ, пошлинъ, оброковъ въ пользу казны, расходованіемъ казенныхъ денегъ, а также и наблюденіемъ за всѣми заводами, фабриками и торговыми дѣлами въ Россіи.

7) Министерство путей сообщенія, занимающееся надзоромъ за состояніемъ всякихъ дорогъ, какъ простыхъ грунтовыхъ, такъ и шоссейныхъ, затѣмъ водяныхъ путей (углубленіе мелкихъ рѣкъ, надзоръ за правильностью движенія судовъ и пароходовъ), устройствомъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и наблюденіемъ за порядками на желѣзныхъ дорогахъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ или обществамъ.

8) Министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ, которое заботится объ улучшеніи обработки земли, лѣсоразведеніи и т. д. Подъ его же вѣдѣніемъ находятся всѣ тѣ земли, которыя не принадлежатъ частнымъ лицамъ или обществамъ, но составляютъ собственность государства.

9) Министерство иностранныхъ дѣлъ, въ которомъ вѣдаются всѣ дѣла по сношенію Россіи съ другими государствами.

10) Министерство Двора и удѣловъ, гдѣ занимаются управленіемъ царскими дворцами и имѣніями, принадлежащими Государю и другимъ особамъ изъ Царской Фамиліи.

Кромѣ того, у насъ существуютъ особыя учрежденія для управленія духовенствомъ. Надъ нѣсколькими священниками стоитъ старшій изъ нихъ, или благочинный. Начальникъ надъ благочинными и надъ всѣми остальными священниками въ цѣлой губерніи называется епископомъ или архіереемъ, при которомъ состоитъ совѣтъ изъ старшихъ священниковъ или, такъ называемая, духовная консисторія. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ боль-

шихъ городахъ (Петербургъ, Москва, Кіевъ) существуютъ еще митрополиты, стоящіе по своему положенію еще выше, чѣмъ архіерей; въ Тифлисѣ же живетъ еще экзархъ Грузіи, составляющій для грузинскаго духовенства то же, что для остальныхъ мѣстностей Россіи митрополитъ. Наконецъ, въ Петербургѣ существуетъ самое высшее духовное учрежденіе, такъ называемой Святѣйшій Синодъ, который составляется какъ изъ высшихъ духовныхъ лицъ, такъ и изъ особыхъ свѣтскихъ чиновниковъ (оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, его помощникъ и другіе).

До царствованія Царя-Освободителя Александра II заботы о всѣхъ дѣлахъ государства были поручаемы исключительно чиновникамъ, назначаемымъ прямо министрами или ихъ ближайшими помощниками, но въ царствованіе Александра II въ нѣкоторыхъ государственныхъ дѣлахъ допущено участіе самого народа, не всего, конечно, толпою, какъ это было во времена вѣчеваго порядка, но чрезъ отдѣльныхъ выборныхъ лицъ, избираемыхъ самимъ народомъ. Такъ, позднѣе, когда мы будемъ говорить о сословіяхъ, мы увидимъ, что каждое сословіе управляетъ своими сословными дѣлами чрезъ выборныхъ лицъ. Крестьянскій судъ, какъ мы уже видѣли, состоитъ изъ выбираемыхъ крестьянами судей, сельскаго старосты и волостного старшины. Но и въ окружномъ судѣ, который вѣдаетъ самыя крупныя имущественныя дѣла и важнѣйшія преступленія, также допущено участіе народа, такъ какъ самая важная часть судейскаго дѣла, а именно рѣшеніе вопроса о томъ, виноватъ или не виноватъ подсудимый (т.-е. тотъ, кто судится) предоставлена двѣнадцати присяжнымъ засѣдателямъ, которые призываются къ участію въ судебныхъ дѣлахъ поочереди (по жеребьевкѣ), причемъ присяж-

ные засѣдатели набираются изъ лицъ всѣхъ сословій. Наконецъ, для завѣдыванія хозяйственными дѣлами уѣздовъ и губерній со времени Александра II установлены особыя учрежденія, такъ называемыя, уѣздныя и губернскія земства. Участники въ дѣлахъ земства или такъ называемые гласные земства опять-таки выбираются отъ всѣхъ сословій, участвовать же въ избраніи гласныхъ могутъ всѣ домовладѣльцы или землевладѣльцы (въ томъ числѣ и крестьянскія общества) каждаго уѣзда. Равнымъ образомъ, и для веденія городского хозяйства существуютъ городскія думы, состоящія изъ гласныхъ, выбираемыхъ самыми горожанами.

Сословія. Всѣ великоруссы, составляя одно цѣлое племя, дѣлятся на нѣсколько отдѣльныхъ, такъ называемыхъ, сословій, а именно: 1) на дворянское сословіе, 2) духовное, 3) купеческое, 4) мѣщанское и 5) крестьянское. Сюда можно, пожалуй, прибавить еще и шестое сословіе—чиновниковъ. Прежде чиновники не составляли особаго сословія, а назначались обыкновенно изъ дворянъ, которые и служили государству и занимались вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ хозяйствомъ. Теперь же, когда образованію и знаніямъ стали придавать больше значенія, чѣмъ происхожденію, въ чиновники назначаются лица всякихъ сословій, лишь бы только они получили достаточно хорошее образованіе, позволяющее имъ служить съ пониманіемъ дѣла и съ пользою для государства. Въ чиновники стало попадать такимъ образомъ много людей, не обладающихъ земельною собственностью, и не дворянскаго происхожденія, такъ что ихъ близость съ помѣщиками-дворянами утратилась; въ большинствѣ случаевъ чиновники живутъ своимъ особымъ кругомъ, отдѣльно отъ другихъ сословій или, иначе говоря, мало-по-малу они обособились въ отдѣльное со-

Рис. 1. Великоруссъ Московской губ.

словіе. Отдѣльныя сословія ведутъ свое начало издавна, и начало ихъ можно уже видѣть еще въ то отдаленное время, когда русское государство только еще начало складываться. Начнемъ хоть съ дворянъ. Высшее наше дворянство — князья — прямые потомки удѣльныхъ князей; именитое же родовое дворянство произошло отъ бояръ и боярскихъ дѣтей, что составляли когда-то княжескія дружины. Позднѣе, у московскихъ царей, особенно же со времени Петра Великаго, вошло въ обычай жаловать за особыя услуги государству и за полезную государственную службу дворянскимъ званіемъ и даже княжескими титулами лицъ, не имѣющихъ этихъ званій по рожденію; ихъ награждали также и землями. Такимъ образомъ, кромѣ коренного родового дворянства, у насъ народилось еще дворянство служилое.

Въ рукахъ князей и бояръ скопились, какъ мы уже видѣли, почти всѣ земли, которыя обрабатывались, конечно, не самими боярами, но селившимися на ихъ земляхъ вольными хлѣбопашцами. Послѣ прикрѣпленія вольныхъ хлѣбопашцевъ къ землѣ (при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ) образовалось сословіе крѣпостныхъ крестьянъ; на-ряду съ крѣпостными помѣщичьими крестьянами существовали еще крестьяне монастырскіе и, такъ называемые, государственные крестьяне, т.-е. тѣ крестьяне, которыхъ прикрѣпленіе къ землѣ застало сидящими на земляхъ, принадлежащихъ монастырямъ и государству; къ государственнымъ крестьянамъ принадлежали также и тѣ изъ крестьянъ, которые были приписаны при Петрѣ Великомъ и при позднѣйшихъ государяхъ къ устраиваемымъ казною государственнымъ фабрикамъ и заводамъ. Теперешнее сословіе свободныхъ крестьянъ, въ которыхъ превратились и помѣщичьи, и монастырскіе и государственные крестьяне, существуетъ у насъ

съ 19-го февраля 1861 года, т.-е. съ того дня, какъ по манифесту (указу) Александра II объявлено было освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. При освобожденіи крестьяне были надѣлены землею и вмѣстѣ съ тѣмъ имъ дарованы права самимъ вѣдать свои ближайшія нужды, собираясь для этого на сельскіе и волостные сходы, на которыхъ участвуютъ всѣ домохозяева изъ крестьянъ (не только мужчины, но и женщины, если только онѣ являются по смерти мужа старшими въ семьѣ). На сельскихъ и волостныхъ сходахъ избираются также и сельскіе и волостные судьи, а также сельскіе старосты, волостные старшины и полицейскіе сотскіе и десятскіе, которые и блюдутъ за порядкомъ въ сельской жизни и творятъ судъ въ мелкихъ дѣлахъ крестьянъ между собою.

Духовенство появилось у насъ, понятно, со времени принятія нами православія. Сначала священнослужители призывались изъ грековъ, отъ которыхъ мы получили и самое православіе. Потомъ у насъ завелись и свои священнослужители изъ лицъ, обучавшихся грамотѣ и священному писанію въ школахъ, устраиваемыхъ обыкновенно при монастыряхъ; позднѣе же для подготовленія священниковъ и дьяконовъ во всѣхъ губернскихъ городахъ стали устраиваться особыя духовныя школы, или такъ называемыя семинаріи, гдѣ учатся, главнымъ образомъ, дѣти духовныхъ же лицъ. Хотя, какъ прежде, такъ и теперь, могли обучаться въ семинаріяхъ, а потомъ и итти въ священники дѣти не только лицъ духовнаго происхожденія, но и всякихъ другихъ сословій, тѣмъ не менѣе больше всего въ священники идутъ дѣти лицъ духовнаго же званія, отчего у насъ и образовалось особое сословіе—духовенство.

Купеческое сословіе завелось у насъ изстари; уже

въ самыя древнія времена славяне, изъ которыхъ позднѣе произошли великоруссы, вели торговлю по Днѣпру и Черному морю съ греками, а изъ Новгорода—съ нѣмцами. Теперь купцы составляютъ у насъ особое сословіе, въ которое принимается всякій торгующій человѣкъ, платящій извѣстный, такъ называемый, гильдейскій сборъ; купеческое сословіе имѣетъ также свое выборное управленіе.

Сословіе мѣщанъ образовалось изъ тѣхъ городскихъ жителей, которые не занимались хлѣбопашествомъ, но жили разнаго рода ремеслами, мелочной торговлей и т. д. Въ настоящее время мѣщанское сословіе состоитъ, какъ и прежде, главнымъ образомъ изъ горожанъ, занимающихся разными ремеслами и составляющихъ различные, такъ называемые, цехи (цехъ столярный, цехъ портняжескій, кожевенный и такъ далѣе), а также и изъ мелочныхъ торговцевъ, не платящихъ гильдейскихъ сборовъ. Мѣщане имѣютъ также свое выборное управленіе, которое вѣдаетъ общія ихъ сословныя дѣла, а именно мѣщанскую управу, членами которой служатъ выборные изъ мѣщанъ же представители отдѣльныхъ цеховъ, старшимъ же лицомъ является выборный мѣщанскій староста. Мѣщанская управа занимается сборомъ повинностей, причитающихся съ мѣщанъ въ пользу казны, выдаетъ права и свидѣтельства на право занятія разными ремеслами, заботится объ устройствѣ школъ, богадѣленъ, больницъ и другихъ благотворительныхъ учрежденій для престарѣлыхъ и больныхъ мѣщанъ и т. д., — словомъ, какъ и управленіе всѣхъ другихъ сословій, вѣдаетъ ближайшія нужды своего сословія.

Военные у насъ не составляютъ особаго сословія, потому что въ офицеры могутъ итти всѣ лица, обу-

чившіяся въ особыхъ военныхъ школахъ, куда могутъ поступать лица всѣхъ сословій, быть же солдатомъ составляетъ со времени введенія при Императорѣ Александрѣ II всеобщей (или иначе—всесословной) воинской повинности обязанность каждаго русскаго. Каждый русскій мужчина, доживая до двадцать перваго года, обязанъ явиться въ особое воинское присутствіе для вынутія жребія. Отъ жеребьевки освобождаются только лица духовнаго званія (не происходящія только изъ духовнаго сословія, но дѣйствительно состоящія въ духовномъ званіи, т.-е. священники, дьякона, монахи, псаломщики). Затѣмъ призываются въ воинское присутствіе для вынутія жеребія, но освобождаются отъ военной службы лица, занимающія должности врачей, учителей и, наконецъ, лица хилыя, больныя, признанныя негодными къ службѣ по состоянію здоровья. Не всѣ, однако, изъ вынимающихъ жеребій идутъ на военную службу. Въ военномъ министерствѣ подсчитываютъ число новобранцевъ, которое должно быть взято въ солдаты на каждый годъ; это общее число расписывается по воинскимъ присутствіямъ всей Россіи. Если же число лицъ, приписанныхъ къ какому-нибудь воинскому присутствію и достигшихъ двадцати одного года, оказывается больше, чѣмъ число новобранцевъ, причитающихся на долю этого присутствія, тогда часть призывныхъ въ солдаты не идетъ. Освобождаются въ такомъ случаѣ отъ службы прежде всего лица, пользующіяся такъ называемыми льготами по своему семейному положенію, т.-е. одинъ сынъ при престарѣлыхъ родителяхъ (льгота перваго разряда), затѣмъ одинъ взрослый сынъ при другихъ сыновьяхъ, не достигшихъ еще шестнадцатилѣтняго возраста, дѣти тѣхъ родителей, одинъ сынъ которыхъ уже пошелъ въ солдаты, а другіе, кромѣ при-

зываемаго, не перешли еще за 16 лѣтъ или совсѣмъ малолѣтни и т. д. (льготы второго и третьяго разрядовъ). Если призываемыхъ много, то не идутъ на службу всѣ льготные, если же излишекъ призываемыхъ противъ необходимаго числа солдатъ невеликъ, не идутъ на службу только льготные по первому разряду, потомъ и по второму. При значительномъ избыткѣ призываемыхъ освобождаются не только льготные по всѣмъ тремъ разрядамъ, но и часть не имѣющихъ льготы, а именно тѣ изъ нихъ, которые вынули при жеребьевкѣ дальній нумеръ. Всѣ непопавшіе на военную службу, а равно какъ и отбывшіе уже воинскую повинность зачисляются въ запасъ или въ ратники ополченія и могутъ быть все-таки призваны на службу въ томъ случаѣ, если произойдетъ война, требующая много солдатъ. Тогда призываются сначала запасные, а потомъ и ратники ополченія.

V.

Наружный видъ великоруссовъ. — Языкъ.—Одежда.—Жилища.—Пища.

До монгольскаго ига великоруссы часто видѣлись съ своими иноземными сосѣдями, торгуя то съ греками, то съ нѣмцами. Но съ паденіемъ могущества Новгорода и съ наступленіемъ монгольскаго ига торговля наша прекратилась; земля обрабатывалась мало, не было нашего главнаго богатства—хлѣба, и ни мы не могли возить къ сосѣдямъ своихъ товаровъ, ни они—ѣздить къ намъ съ своими товарами, и жили мы сами по себѣ, не видя, какъ живутъ наши сосѣди. Но въ то время, какъ всѣ наши силы уходили на борьбу съ монгольскимъ игомъ, нѣмцы, французы, голландцы, англичане и другіе евро-

пейскіе народы жили гораздо свободнѣе и спокойнѣе, у нихъ на досугѣ сложилось много хорошихъ обычаевъ и привычекъ, появились хорошіе ремесленники, отдѣлывавшіе разныя необходимыя для жизни вещи гораздо лучше, чѣмъ это дѣлалось у насъ; больше было у нихъ и образованія, а съ нимъ, понятно, и знаній, какъ можно лучше устроить свою жизнь, жить чище, спокойнѣе, богаче и справедливѣе. Всѣ эти знанія были бы очень полезны для насъ, но неоткуда намъ было взять ихъ, пока мы жили, сторонясь отъ своихъ сосѣдей. Съ освобожденіемъ отъ монгольскаго ига мы стали дѣлать кое-какія попытки познакомиться съ нашими сосѣдями; такъ, при царѣ Іоаннѣ Грозномъ у насъ началась, было, торговля съ англичанами. Затѣмъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и послѣ него стали мы выписывать къ себѣ иноземныхъ мастеровъ военнаго дѣла, ремесленниковъ. Но все это были отдѣльныя случайныя попытки знакомства съ иноземною жизнью. Только Петръ Великій вполнѣ понялъ, какъ много пользы можемъ извлечь мы изъ знакомства съ жизнью другихъ, болѣе образованныхъ народовъ. Поэтому Петръ Великій началъ заводить у насъ школы по образцамъ школъ другихъ европейскихъ народовъ, выписывалъ къ намъ въ Россію много иностранныхъ мастеровъ и посылалъ боярскихъ дѣтей учиться въ чужія земли. Желая заставить нашихъ бояръ скорѣе принять чужеземную науку и полезные чужеземные обычаи и привычки, Петръ Великій заботился объ устраненіи у нихъ непривычки ко всему чужому, а съ нею и нелюбви къ чужестранцамъ. Для этого онъ прежде всего хотѣлъ уничтожить разницу между иностранцами и русскими боярами даже и во внѣшнемъ обличіи, а потому онъ и требовалъ, чтобы русскіе бояры носили такія же одежды, какъ и ино-

странцы (европейцы). Многіе изъ бояръ упирались и ни за что не хотѣли надѣвать одежду европейскаго или нѣмецкаго покроя, какъ говорили тогда, не отличая французовъ, голландцевъ, нѣмцевъ, англичанъ и другихъ европейцевъ и называя всѣхъ ихъ однимъ общимъ именемъ—нѣмцевъ. Но Петръ Великій былъ настойчивъ и частью лаской, а больше даже угрозою заставлялъ бояръ одѣваться въ платье нѣмецкаго покроя, брить бороды и вводить у себя много иноземныхъ обычаевъ и привычекъ, какія казались царю особенно полезными для насъ. Такимъ образомъ бояре мало-по-малу привыкли къ чужому для нихъ платью и къ чужимъ обычаямъ. Крестьянъ же Петръ Великій оставилъ въ покоѣ, и у нихъ-то, а отчасти и у купцовъ и сохранились до сихъ поръ исконныя старинно-великорусскія одежды, обычаи и привычки. Желая знать внѣшнее обличіе, привычки и обычаи великоруссовъ, мы должны, поэтому, изучать ихъ не у дворянъ, ни у какого другого сословія, а именно у крестьянъ. Надо къ тому же сказать, что крестьяне больше другихъ сословій сохранили и чистую, не смѣшанную великорусскую кровь. Въ самомъ дѣлѣ, древнерусскіе князья не всегда даже были чистыми славянами, но часть ихъ происходила отъ норманскихъ, или, какъ ихъ у насъ называли, варяжскихъ завоевателей, приходившихъ съ своими дружинами къ мирнымъ славянамъ и насильно захватывавшихъ у нихъ княженіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ и княжескія дружины, изъ которыхъ сложилось позднѣе наше дворянство, набирались нерѣдко изъ тѣхъ же варяговъ, а варяги, или норманны принадлежали совсѣмъ даже не къ славянскимъ, а къ такъ называемымъ германскимъ племенамъ. Такимъ образомъ въ жилахъ нашего дворянства течетъ не чисто великорусская кровь, но кровь, смѣшанная съ германскою. Замѣ-

тивъ теперь, что у насъ въ Россіи наибольшее число жителей приходится на долю крестьянъ (на каждые 100 человѣкъ приходится 87 крестьянъ и только 13 человѣкъ—всѣхъ остальныхъ сословій), мы поймемъ, что, желая познакомиться съ истымъ великорусскимъ населеніемъ, мы должны имѣть въ виду главнымъ образомъ крестьянъ, какъ сословіе и болѣе многочисленное, и больше другихъ сохранившее чистоту крови и исконные великорусскіе обычаи, привычки и одежды. Разселившись на большомъ пространствѣ Россіи, великоруссы однихъ мѣстностей сдѣлались со-временемъ не совсѣмъ похожими на великоруссовъ другихъ мѣстностей, тѣмъ не менѣе и за мѣстными или, такъ называемыми, областными отличіями можно все-таки найти много между ними сходнаго, можно, слѣдовательно, описывать такъ называемый общій великорусскій типъ.

На видъ большая часть коренныхъ великоруссовъ кажется роста средняго или немного повыше средняго, съ широкими плечами и крѣпкимъ коренастымъ сложеніемъ, давшимъ имъ силу вынести въ своей долгой, болѣе чѣмъ тысячелѣтней, жизни и монгольское иго, и многое множество всякихъ бѣдъ и невзгодъ. Мягкіе, нерѣдко волнистые русые волосы на головѣ расчесаны обыкновенно (у крестьянъ) на обѣ стороны съ проборомъ по серединѣ головы, на затылкѣ они нерѣдко подстригаются „въ кружокъ“; лицо обрастаетъ усами и бородой; борода обыкновенно не стрижется и отростаетъ, особенно у пожилыхъ, длинною, иногда же подстригается „лопатою“, но никогда истый великорусскій крестьянинъ не станетъ брить бороду или даже хоть подстригать ее клинышкомъ, пучкомъ и т. д. Глаза у великоруссовъ чаще всего сѣрые или сѣро-голубые, нерѣдко и свѣтло-каріе, темные же (почти черные и черные) глаза, какъ и волоса,—въ

рѣдкость. Лицо — широкое, но и длинное, открытое, носъ часто нѣсколько вздернутый, на кончикѣ слегка приплюснутый. Эти примѣты, равно какъ и цѣлый рядъ другихъ мелкихъ, мало сразу замѣтныхъ примѣтъ, взятыхъ вмѣстѣ, отличаютъ великорусса отъ другихъ народовъ настолько, что пусть даже человѣкъ молчитъ, пусть будетъ онъ и безъ одежды—въ банѣ или на рѣкѣ во время купанья, сразу можно все-таки сказать, что предъ вами стоитъ великоруссъ, а не нѣмецъ, еврей или французъ. Мы отличаемъ, слѣдовательно, отдѣльные народы не только по ихъ рѣчи, по одеждѣ, но также и по всему внѣшнему обличью человѣка, или, какъ это принято говорить, по типу его строенія. Существуетъ, такимъ образомъ, особый типъ строенія и для великоруссовъ; главнѣйшія его примѣты только-что передъ этимъ были уже указаны. Но можно также отличать одни народы отъ другихъ по языку, одеждѣ, а если мы приглядимся къ нимъ ближе, то и по ихъ вѣрѣ, привычкамъ, обычаямъ, забавамъ и пр. Всѣ великоруссы говорятъ однимъ и тѣмъ же русскимъ языкомъ, хотя по разнымъ мѣстамъ жительства и существуютъ особые говоры или нарѣчія, такъ что человѣкъ бывалый, слыша, какъ великоруссъ говоритъ, можетъ нерѣдко сказать, изъ какихъ онъ мѣстъ родомъ. Владимірцы, костромичи, ярославцы, напримѣръ, говорятъ отрывисто, сильно напираютъ на букву *о*, или „окаютъ“; у нихъ выходитъ ясно „молодецъ“, „хорошо“ и т. д., тогда какъ у москвичей или у рязанцевъ тѣ же слова говорятся иначе: говоръ у нихъ протяжный, поющій, они не „окаютъ“, а „акаютъ“, то-есть у нихъ повсюду слышится *а* вмѣсто *о*; „маладецъ“, „харашо“—скажетъ москвичъ или рязанецъ. Въ другихъ мѣстахъ говорятъ опять-таки иначе. Если внимательно прислушаться, какъ какія слова говорятъ въ

Рис. 2. Великоруссъ Московской губ.

разныхъ мѣстахъ, можно замѣтить много такихъ отличій говора или много мѣстныхъ говоровъ. Лучшимъ, болѣе по крайней мѣрѣ принятымъ, считается говоръ московскій, которымъ говорятъ не только московскіе и подмосковные жители, но и всѣ русскіе, получившіе образованіе. Это—такъ называемый говоръ образованныхъ людей, или книжная рѣчь.

Въ великорусскихъ одеждахъ такъ же, какъ и въ внѣшнемъ обычаѣ, какъ и въ рѣчи, существуетъ много мѣстныхъ отличій; мы будемъ, поэтому, говорить только о болѣе употребительныхъ, носимыхъ большею частью великоруссовъ, одѣяніяхъ. Великорусскія одежды сохранились, какъ мы уже говорили о томъ, почти исключительно у крестьянъ; остальныя же сословія носятъ или платье нѣмецкаго покроя, т. е. то платье, которое носятъ теперь образованные люди во всемъ мірѣ, или же смѣшанное—свое великорусское, слегка измѣненное на нѣмецкій ладъ, или же нѣмецкое платье, измѣненное и приспособленное къ великорусскому ладу. Такое смѣшанное платье у насъ носятъ отчасти купцы и мѣщане, но главнымъ образомъ городскіе фабрично-заводскіе рабочіе изъ крестьянъ. Въ прежнее время бояре носили платье совершенно такого же покроя, что и крестьяне, только сдѣланное изъ болѣе дорогихъ матерьяловъ. Теперь дворяне носятъ общеевропейское платье (т. е. платье нѣмецкаго покроя), у крестьянъ же сохранились свои настоящія великорусскія одежды. Мужчины одѣваются лѣтомъ въ рубашки „косоворотки“ или съ прямымъ воротомъ, сдѣланныя изъ грубаго, домашняго приготовленія, холста; эти рубашки носятся „на выпускъ“, т. е. нижняя часть рубашки не прячется въ панталоны, какъ при платьѣ нѣмецкаго костюма, но ложится поверхъ панталонъ и опоясывается узкимъ тесемчатымъ

пояскомъ, а за неимѣніемъ его и просто лыкомъ или веревочкою. Панталоны, или, по народному названію, „порты“—изъ такого же матерьяла, что и рубашка, широкіе, короткіе (выше щиколотокъ). На головѣ—шляпа формою въ видѣ опрокинутаго ведерка (вверху поуже, книзу—пошире), иногда съ отогнутымъ отворотомъ (полями), иногда безъ полей; дѣлается такая шляпа изъ лыка, изъ соломы или изъ войлока и другихъ дешевыхъ матерьяловъ. На ногахъ или ничего (босикомъ), или же лапти, плетенные изъ лубка и мочала, прикрученные къ ногѣ мочальной веревкой или обыкновенной бичевкой. Лапти надѣваются не на голую ногу, а на „онучи“—холщевыя тряпки, которыми обертывается нога; порты обыкновенно при этомъ также обертываются вокругъ ноги и прихватываются онучами, которыя навертываются на ногу высоко, обыкновенно до колѣна. Только наиболѣе богатые и франтоватые крестьяне носятъ лѣтомъ и то чаще въ праздничные дни высокіе до колѣнъ сапоги со складками на голенищахъ (голенища „гармоникой“), иногда еще и съ красными отворотами вверху. Весь нехитрый лѣтній костюмъ великорусса приготовляется дома: холсты для рубахъ и панталонъ ткутся крестьянками изъ собственной пеньки или льна; шляпа изъ лыка, лыковые же лапти готовятся крестьянами въ свободное время, въ долгіе зимніе вечера. Для болѣе холоднаго времени (весною и осенью) поверхъ рубашки надѣвается особаго покроя длинный кафтанъ изъ сукна, съ открытымъ воротомъ или такъ называемая „поддевка“, или же „опашень“—длинное, почти до земли, широкое пальто, которое или просто накидывается сверху, или же (особенно въ вѣтеръ и дождь) надѣвается въ рукава и подпоясывается кушакомъ, т. е. длиннымъ поясомъ, обматывающимся вокругъ тѣла въ два раза и

даже болѣе. Зимой великорусскій крестьянинъ надѣваетъ поверхъ рубашки тотъ же кафтанъ, что носится въ холодное время, весной и осенью; на ногахъ тѣ же лапти, только онучи навертываются на ногу уже не холщевыя, а шерстяныя; онѣ не покупаются, прядутся, обыкновенно, дома изъ овечьей шерсти; иногда на ногахъ носятъ сапоги; употребленія калошъ крестьяне не знаютъ. Выходя на дворъ, одѣваются, конечно, потеплѣе: на головѣ—шерстяная или мѣховая шапка, на тѣлѣ—поверхъ кафтана овчинный полушубокъ, т. е. короткая до колѣнъ шубка безъ воротника, застегивающаяся сбоку на крючкахъ. Обыкновенно полушубокъ ничѣмъ не кроется, а шьется прямо изъ особымъ образомъ приготовленныхъ (дубленыхъ) овечьихъ шкуръ — мѣхомъ кнутри, дубленою шкурою кнаружи; на груди для красоты иногда нашиваются тесьмой по овчинѣ узоры, полы же полушубка обшиваются болѣе мелкой, обыкновенно сѣрой (романовской), овчинкою. Только самые богатые и франтоватые крестьяне кроютъ полушубокъ поверхъ дубленой кожи сукномъ. Въ полушубкѣ крестьяне ходятъ у себя по двору, по деревнѣ, выходятъ въ немъ на зимнія работы. Если же надо ѣхать куда-нибудь далеко, а морозъ силенъ, тогда надѣвается обыкновенно прямо сверхъ полушубка тулупъ. Тулупъ—это овчинная же, также некрытая (нагольный тулупъ), шуба съ овчиннымъ же длиннымъ воротникомъ, длинная—почти до полу и широкая, безъ застежокъ; полы тулупа далеко заходятъ одна на другую, плотно запахиваются и опоясываются кушакомъ; въ сильные морозы для защиты ушей и лица поднимается воротникъ тулупа, а чтобы онъ не отгибался назадъ, его прихватываютъ тѣмъ же кушакомъ, которымъ подпоясана и шуба. Кушакъ для этого надѣвается сначала на шею, окружаетъ

ее, потомъ спускается внизъ и подпоясываетъ шубу. На ноги въ это время надѣваютъ обыкновенно валенки—просторные изъ войлока сапоги. Крестьяне очень любятъ валенки,—ногѣ въ нихъ тепло и просторно, такъ что нерѣдко валенки, надѣтыя прямо на босую ногу, носятся и въ избѣ. На руки надѣваются особыя перчатки, отличающіяся тѣмъ, что только одинъ большой палецъ руки имѣетъ для себя особое помѣщеніе, остальные же четыре пальца помѣщаются въ одномъ общемъ мѣшкѣ; такія перчатки, если онѣ связаны изъ шерсти, называются варежками; сдѣланныя же изъ овечьей шкуры (мѣхомъ внутрь) носятъ названіе рукавицъ.

Женщины одѣваются въ длинныя холщевыя рубашки съ низкимъ воротникомъ, оставляющимъ открытою всю шею и даже верхнюю часть груди, съ длинными рукавами, застегивающимися около ручной кисти. Поверхъ такой рубашки надѣвается сдѣланная изъ домашней крашенины (крашеный холстъ), а теперь чаще изъ ситца длинная юбка, отличающаяся отъ юбокъ горожанъ (т. е. платья нѣмецкаго кроя) тѣмъ, что кончается такая юбка не у пояса, а гораздо выше, прикрывая грудь почти до плечей; чрезъ плечи перекинуты широкія тесемки (помочи), пришитыя къ юбкѣ спереди и сзади и удерживающія юбку на плечахъ. Прежде вмѣсто такихъ юбокъ носили сарафаны—длинное платье безъ рукавовъ, съ блестящими стеклянными или металлическими пуговками, идущими въ одинъ рядъ сверху и донизу по всему платью. Прежде эти сарафаны составляли любимое народное платье, его носили и боярыни и крестьянки, и женщины и дѣвушки. Теперь сарафанъ постепенно выходитъ изъ употребленія даже и у крестьянъ, и въ средней, земледѣльческой Россіи еще только кое-гдѣ носятъ его въ память прежнихъ временъ старушки; молодая же женщина или дѣвушка

не надѣнетъ его ни за что. Надо, впрочемъ, объ этомъ пожалѣть, такъ какъ сарафанъ представляетъ изъ себя красивую и вмѣстѣ съ тѣмъ удобную старо-русскую одежду. Свои ноги крестьянки обуваютъ въ такіе же, что и у крестьянъ, лапти или же въ особые простого покроя башмаки, носящіе названіе кóтовъ. Такая одежда носится крестьянками и зимою, и лѣтомъ. Въ зимнее время сверху женщины надѣваютъ такія же, какъ и мужчины, шубы, а когда не такъ холодно,—короткія кофты, стеганныя на ватѣ или на заячьемъ и бѣличьемъ мѣху. Иногда (теперь уже рѣдко) вмѣсто тулуповъ надѣваютъ широкія шубки на томъ же заячьемъ или бѣличьемъ мѣху, крытыя сукномъ, такъ называемые салопы. Голову покрываютъ крестьянки въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи самымъ различнымъ образомъ. Замужнія женщины чаще всего покрываютъ голову зимою шерстяными, лѣтомъ—ситцевыми платками; въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ, напримѣръ въ Курской губерніи, онѣ надѣваютъ на голову особый сложный головной уборъ, очень страннаго вида; существуютъ свои особые уборы для головы и въ Калужской, и въ Орловской, и въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ. Почти по всѣмъ мѣстамъ Россіи замужнія женщины даже и въ избѣ ходятъ всегда съ покрытою головою, то надѣвая на голову цвѣтной платокъ, съ концами, завязанными спереди, то особую повязку или повойникъ, которыми прикрываютъ собранные вмѣстѣ волоса. Крестьянскія же дѣвушки, наоборотъ, ходятъ въ избѣ съ непокрытой головой, волосъ не заворачиваютъ и не прячутъ подъ повязку, какъ замужнія женщины, но плетутъ ихъ въ одну косу (женщины заплетаютъ волоса въ двѣ косы), въ которую, особенно въ праздничные дни, вплетаютъ яркія ленты. Въ старину же дѣ-

вушки украшали себѣ голову особыми повязками съ блестящими стеклышками и обшитыми золотымъ позументомъ, такъ называемыми, кокошниками, которые теперь также перестаютъ уже носить.

Вообще, тѣ обычныя крестьянскія одежды, о которыхъ мы только-что говорили, сохранились далеко не вездѣ. Все больше и больше начинаютъ входить въ употребленіе обычные городскіе костюмы—пиджакъ, панталоны, выпущенные поверхъ сапогъ, фуражка съ козырькомъ, а сверху—пальто; равнымъ образомъ и женщины начинаютъ носить городское платье. Въ деревню такая мода заносится главнымъ образомъ молодежью, работающею въ городахъ, на фабрикахъ и заводахъ.

Жилища. Побывавъ въ любомъ большомъ городѣ, а тѣмъ болѣе въ обѣихъ нашихъ столицахъ, мы увидимъ тамъ тысячи домовъ различной величины, самаго различнаго устройства и формы. Если же мы пріѣдемъ въ Лондонъ, Парижъ, Берлинъ или другой какой-либо большой иноземный городъ, и тамъ мы увидимъ приблизительно такія же постройки, что въ нашихъ большихъ городахъ. Казалось бы, что про наши жилища, при ихъ разнообразіи, и разсказать-то очень уже мудрено, да и не отличаются они ничѣмъ отъ жилищъ другихъ народовъ. Все это правда, пока мы говоримъ о городахъ, иное же дѣло сельскія и деревенскія постройки, т. е. жилища нашихъ крестьянъ; эти и устроены проще, и однообразнѣе, и значительно отличаются отъ жилищъ нѣмецкаго, французскаго или англійскаго крестьянина.

Жилища великорусскаго крестьянина своимъ устройствомъ отличаются даже отъ жилищъ ближайшихъ его родичей—крестьянъ изъ малороссовъ и носятъ свое особенное обличье. Жилище великорусскаго крестьянина сохранило, за малыми исключеніями, тотъ видъ, какой

имѣли прежде всѣ великорусскія жилища—и крестьянскія, и купеческія, и боярскія, разница между которыми была лишь въ величинѣ, въ богатствѣ убранства, да въ томъ, что и матерьялъ, изъ котораго они сдѣланы, у однихъ былъ получше, у другихъ похуже. По деревнямъ, у богатыхъ помѣщиковъ сохранились еще кое-гдѣ такіе старинные дома, про которые и до сихъ поръ говорятъ, что они построены въ настоящемъ великорусскомъ духѣ, или, какъ это принято называть, въ великорусскомъ стилѣ. Да и въ нашихъ городахъ, а изрѣдка, изъ подражанія намъ, и въ большихъ иноземныхъ городахъ можно также встрѣтить дома, построенные въ старовеликорусскомъ духѣ. Такіе дома сильно, конечно, отличаются отъ домовъ нашихъ крестьянъ; они могутъ быть построены и изъ кирпичей, а не изъ дерева, какъ большинство крестьянскихъ домовъ; крыши у нихъ, конечно, уже не соломенныя и даже не деревянныя, а изъ черепицы или изъ желѣза; они могутъ быть выстроены въ два, три и больше этажей, и все-таки, при такомъ несходствѣ съ крестьянскимъ домомъ, про эти городскіе дома говорятъ, что они построены въ великорусскомъ вкусѣ. Въ чемъ же тутъ дѣло, что дѣлаетъ ихъ похожими другъ на друга? Объяснить это въ точности такъ, чтобы человѣкъ несвѣдущій въ строительномъ искусствѣ (въ архитектурѣ) понялъ, дѣло довольно мудреное; поэтому мы не станемъ толковать объ общемъ сходствѣ всей постройки (о сходствѣ такъ называемаго архитектурнаго стиля), но ограничимся лишь указаніемъ на украшеніе дома. Богатый помѣщичій домъ въ деревнѣ или городской домъ въ великорусскомъ вкусѣ зачастую бываетъ сверху донизу изукрашенъ узорною рѣзьбою, съ разными фигурами, съ изображеніями пѣтуховъ, коньковъ и т. д. Эти-то фигуры и составляютъ одну изъ искон-

ныхъ особенностей великорусскаго жилища, и во многихъ крестьянскихъ избахъ мы и сейчасъ можемъ встрѣтить такіе рѣзные узоры, не такъ только обильные (вѣдь они стоятъ дорого), съ излюбленными русскимъ человѣкомъ разными и фигурками, а особенно съ пѣтухами и коньками. Помѣщать на верху крыши рѣзныя лошадиныя головы было прежде настолько обычно, что и сейчасъ вся верхняя часть крыши называется по-русски конькомъ. Не менѣе часто встрѣчается въ крестьянскихъ домахъ обычай устраивать передъ входными въ домъ дверями небольшое крылечко съ навѣсомъ, а иногда и особой крышей, также украшенными рѣзьбою; эти крылечки устраиваются также почти во всѣхъ городскихъ домахъ, построенныхъ въ настоящемъ великорусскомъ вкусѣ. Въ такихъ домахъ посреди обыкновенной крыши устраиваются нерѣдко еще болѣе высокія башенки съ другой крышей, напоминающей купола въ нѣкоторыхъ изъ самыхъ старинныхъ нашихъ церквей. Такія башеньки составляли прежде одно изъ любимѣйшихъ украшеній богатыхъ старо-боярскихъ домовъ или такъ называемыхъ теремовъ, въ теперешнихъ же крестьянскихъ домахъ онѣ почти не дѣлаются и прежде всего потому, что башенки съ крышами въ видѣ куполовъ можно устраивать только на большихъ домахъ, какихъ не могутъ строить наши небогатые крестьяне. Теперешніе крестьянскіе дома или избы устраиваются гораздо проще. Обыкновенно они одноэтажные; срубъ ихъ дѣлается изъ дерева, крыша кроется соломою, а въ избахъ побогаче— и деревомъ, а то такъ и желѣзомъ. Весь срубъ составляетъ чаще одну комнату, только болѣе богатая изба дѣлится на двѣ половины—на жилую и чистую, гдѣ принимаютъ гостей; надъ входной дверью устраивается, обыкновенно, крылечко съ навѣсомъ. Кромѣ того къ са-

мому срубу пристраивается подъ одною съ нимъ крышею особая коморка, стѣны которой выведены изъ плетня, иногда обмазаннаго глиною. Это—лѣтнее помѣщеніе; тамъ же устраиваются и чуланчики для храненія запасовъ. Со стороны противуположной входной съ улицы двери расположенъ дворъ, обнесенный, обыкновенно, плетнемъ; на дворѣ располагаются хозяйственныя постройки: навѣсъ для телѣгъ и земледѣльческихъ орудій, стойла для лошадей и коровъ, иногда хлѣвъ для овецъ и свиней и т. д. Внутреннее убранство избы не хитрое. Большое мѣсто въ избѣ занимаетъ широкая печь съ полатями, то-есть съ пристроеннымъ между печкой и противоположной стѣною какъ бы вторымъ потолкомъ; эти полати составляютъ зимою любимое теплое мѣстечко, гдѣ спитъ или просто лежитъ и грѣется въ свободное отъ работы время все семейство. Печи только въ послѣднее время стали устраиваться съ трубами, въ которыя во время топки выходитъ дымъ; въ старину же дѣлались, да и теперь дѣлаются кое-гдѣ въ бѣдныхъ и глухихъ деревушкахъ такъ называемыя курныя избы, въ которыхъ вмѣсто печи съ трубой устраивался простой очагъ, гдѣ горятъ дрова, а надъ нимъ дыра въ потолкѣ, закрываемая по окончаніи топки особой задвижкой. Во время топки дымъ только частью уходитъ въ эту дыру, часть же его расходится по избѣ, гдѣ и во время топки и долго послѣ нея стоитъ такой дымъ и чадъ, что глаза выѣдаетъ. Полъ только въ богатыхъ избахъ дѣлается досчатый, чаще же вмѣсто пола—просто утоптанная земля. Вдоль стѣнъ избы тянутся обыкновенно простыя некрашеныя скамьи. Въ углу, что прямо противъ входа, вѣшаются образа, а самый уголъ носитъ названіе краснаго угла; подъ красный уголъ подставленъ простой досчатый столъ. За столомъ во время

Рис. 3. Великорусское село Казанской губ.

ѣды не всѣ мѣста считаются одинаковыми, но тотъ уголъ стола, что ближе къ образамъ, считается почетнымъ, и за нимъ усаживается старшій въ семьѣ или, если случится, то почетный гость. Кромѣ стола и скамеекъ, въ обыкновенной крестьянской избѣ никакой другой мебели не полагается, нѣтъ даже и кроватей, а спятъ на полатяхъ или на тѣхъ же скамьяхъ, что вокругъ стѣнъ, а то такъ и просто въ растяжку на полу. Надо сказать при этомъ, что грязно живетъ нашъ великорусскій крестьянинъ; изба, скамьи и столъ моются не часто, а на земляномъ полу, который и мыть-то нельзя, грязь невообразимая, увеличивающаяся еще и тѣмъ, что на зиму тутъ же въ избѣ вмѣстѣ съ людьми помѣщаются и телята, и поросята, которымъ трудно еще выносить зимній холодъ на дворѣ. Во многомъ, конечно, такая грязь зависитъ отъ нужды, отъ тѣсноты, но еще больше виновата въ ней дурная привычка и отсутствіе сознанія, что грязь въ домѣ и непріятна, и очень вредна для здоровья. Простой и бѣдной обстановкѣ избы соотвѣтствуетъ и простая, незатѣйливая посуда: для ѣды имѣется нѣсколько большихъ деревянныхъ, рѣже глиняныхъ чашекъ; такая чашка ставится на столъ одна на всѣхъ ѣдоковъ, и каждый черпаетъ изъ нея похлебку своею деревянною же ложкою, а если щи сварены съ мясомъ, что бываетъ далеко не часто, тогда оно рѣжется хозяйкою на мелкіе кусочки и опускается въ ту же чашку, изъ которой его и вылавливаютъ ложкою. На столъ кладется и коврига чернаго хлѣба и ножикъ, которымъ каждый отрѣзаетъ себѣ столько хлѣба, сколько ему нужно; тутъ же стоитъ, обыкновенно, и большая деревянная солонка. Для варки пищи употребляются, обыкновенно, глиняные горшки, чугунные же горшки и котлы составляютъ рѣдкость, такъ же

рѣдка у крестьянъ и фарфоровая и стеклянная посуда (чашки, стаканы и т. д.). Самоваръ, а съ нимъ и чайная посуда встрѣчаются только у болѣе зажиточныхъ, большинство же крестьянъ не имѣетъ возможности „побаловаться чайкомъ". Въ тѣхъ же крестьянскихъ домахъ, гдѣ больше достатку и порядку, во время ѣды по краю стола укладывается длинное, одно на всѣхъ, полотенце, которымъ вытираютъ руки и ротъ; иногда на этомъ полотенцѣ вышиты по концамъ красными нитками тѣ же узоры и коньки и пѣтушки, какими украшается изба снаружи.

Къ крестьянской избѣ примыкаетъ обыкновенно и огородъ, гдѣ сажаютъ капусту, огурцы и всякія другія овощи. Желаніемъ имѣть огородъ сейчасъ же у себя подъ бокомъ и объясняется та особенность, что въ деревнѣ дома располагаются обыкновенно всего въ два ряда, образуя одну длинную улицу: при другомъ расположеніи нельзя было бы имѣть позади каждаго дома огородъ. Большія деревни, въ которыхъ имѣется церковь, называются уже селомъ; маленькія деревушки, если онѣ стоятъ близъ большой деревни или села и состоятъ изъ домовъ крестьянъ, выселившихся изъ этихъ деревень и селъ, называются выселками; если же нѣсколько домохозяевъ селятся вмѣстѣ вдали отъ другихъ селеній, ихъ поселеніе носитъ уже названіе хутора.

Пища. Пищу человѣкъ выбираетъ себѣ прежде всего такую, какую ему легче добыть, а потомъ, при обиліи пищи, возможенъ и выборъ, т. е. человѣкъ ѣстъ уже то, что больше ему нравится. Поэтому пища людей со средствами, особенно въ городахъ, разнообразна и обильна, у бѣдныхъ же, особенно по селамъ и деревнямъ, она гораздо проще и однообразнѣе. Люди со средствами въ Россіи ѣдятъ такія же приблизительно кушанья, какія ѣдятъ

богатые люди во Франціи, Германіи и другихъ странахъ. Но у французовъ или нѣмцевъ есть свои, а у великоруссовъ свои излюбленныя кушанья, которыхъ въ другихъ странахъ, пожалуй, и не встрѣтишь. Къ такимъ излюбленнымъ великорусскимъ блюдамъ принадлежатъ прежде всего щи, почти неизвѣстныя въ другихъ странахъ, и отчасти какъ приправа къ нимъ, отчасти какъ отдѣльное блюдо, гречневая и пшенная каша; излюбленными, исконными великорусскими блюдами считаются также пироги съ различною начинкою и блины; любитъ также великоруссъ поѣсть жирнаго поросеночка, гуся и т. д. Всѣ только-что указанныя кушанья составляли излюбленную ѣду и бояръ и крестьянства. Для великорусскаго крестьянина и теперь праздникъ не въ праздникъ, если его хозяйка не можетъ ему приготовить жирныхъ щей съ говядиной (или съ убоиной, какъ се чаще называютъ въ народѣ) и напечь пироговъ; а такіе большіе праздники, какъ Пасха или Рождество, никакъ нельзя встрѣтить безъ жаренаго гуся или хоть уточки, безъ свинины, а на Пасху еще и безъ куличей и творожной пасхи; на масляницѣ же, какъ ни какъ, а надо поѣсть горячихъ блиновъ съ маслицемъ, а если достатокъ позволяетъ, такъ и со сметанкою; блинами же слѣдуетъ помянуть и покойника. Но въ обыкновенное будничное время народная великорусская ѣда не очень-то разнообразна. Мясо, которымъ главнымъ образомъ питается горожанинъ, у крестьянъ въ рѣдкость; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ловится много рыбы, ее варятъ, пекутъ и жарятъ на обѣдъ, а гдѣ ея нѣтъ, ѣдятъ больше пищу растительную: для обѣда чаще всего варится похлебка изъ капусты или изъ картофеля, сдобренная немножко мукой, къ похлебкѣ или къ щамъ часто подается гречневая или же пшенная каша; подаются, если есть, осенью

свѣжіе, а зимою соленые огурцы, иногда печеный картофель, соленая капуста, но самую главную ѣду составляетъ черный хлѣбъ. Въ урожайные годы, когда своего хлѣба хватаетъ, хлѣбъ дѣлается изъ чистой ржаной муки, а въ плохой годъ къ ней подмѣшиваютъ и сѣмена различныхъ травъ, и муку изъ высушенныхъ сочныхъ волоконъ, что лежатъ сейчасъ же подъ корою у молодой ивы (такъ называемая заболонь), и разныя другія примѣси, отъ которыхъ пользы большой нѣтъ, да все-таки, какъ набьешь животъ такимъ хлѣбомъ, такъ будто и сытъ. Надо признаться, что очень невкусенъ, а подчасъ даже и вреденъ такой голодный хлѣбъ, но какъ не уродитъ зерна кормилица-земля, приходится ѣсть и такой хлѣбъ.

Скудный свой обѣдъ великорусскій крестьянинъ любитъ запить квасомъ, который приготовляется изъ ржаной же муки; тотъ же кисленькій квасокъ въ лѣтнее время выносится и на ниву, чтобы было чѣмъ промочить горло послѣ тяжелой работы на горячемъ, жгучемъ солнцѣ. Въ былое время, а кое-гдѣ и сейчасъ, варили еще изъ ржаного тѣста особый немножко хмѣльной напитокъ—брагу, а кто побогаче, тотъ варилъ изъ ячменя и домашнее пиво.

Каждый, хоть сколько-нибудь зажиточный, хозяинъ изъ крестьянъ держитъ коровенку, а то и двѣ, и три; у хозяйки выводятся куры, иногда утки, гуси. Но молоко взрослымъ почти не достается,—его выпиваютъ главнымъ образомъ малолѣтніе ребятишки, которые не могутъ еще ѣсть ту пищу, что ѣдятъ взрослые; излишекъ же молока идетъ на творогъ, на масло, сметану, которые частью идутъ на пищу самимъ крестьянамъ, частью же продаются въ городъ; въ деревняхъ и селахъ, расположенныхъ близъ городовъ, идетъ на продажу и

самое молоко. Яйца тоже ѣдятъ крестьяне не часто, развѣ что въ праздники, а всякое лишнее яичко бережется на продажу. Какъ ни просто крестьянское хозяйство, все-таки много въ немъ нужно такого, чего не добудешь своимъ трудомъ, а надо купить на деньги, надо, наконецъ, уплатить и подати, а денегъ у нашихъ крестьянъ далеко не много; вотъ и приходится все, что только можно, везти на продажу въ городъ или продавать скупщикамъ, что разъѣзжаютъ время отъ времени по селамъ и деревнямъ. Для своей же ѣды великорусскій крестьянинъ кромѣ соли, а кто побогаче—чаю и сахару, почти ничего не покупаетъ, но ѣстъ все свое, добытое тяжелымъ трудомъ отъ пашни, отъ огорода и своего маленькаго скотнаго двора и птичника. Но земля даетъ обильные урожаи далеко не по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ поселился великорусскій крестьянинъ, не вездѣ, къ тому же, крестьянскій надѣлъ достаточно великъ для того, чтобы пропитать цѣлую семью, а потому въ такихъ обдѣленныхъ землею мѣстахъ и пищу приходится покупать. Для добычи же денегъ на покупку всего необходимаго приходится заниматься какими-либо ремеслами, ловлей рыбы, охотой на птицу, звѣря, работой на фабрикахъ и заводахъ и другими различными работами и занятіями, о которыхъ мы еще поговоримъ въ слѣдующей главѣ.

VI.

Занятія.

Каждое животное, каждая птица, каждая букашка сами устраиваютъ и добываютъ себѣ все необходимое для ихъ жизни: они устраиваютъ себѣ норы, гнѣзда и логовища, гдѣ они могли бы выводить своихъ дѣтей и укрываться

отъ непогоды, отыскиваютъ необходимую для нихъ пищу и т. д. Но для существованія человѣка требуется множество самыхъ разнообразныхъ вещей. Для того, чтобы напитаться, человѣку мало добыть себѣ пищу, но надо еще привести ее въ такой видъ, чтобы она была пригодна для ѣды: мясо надо сварить или сжарить, зерно надо превратить въ муку, а потомъ сдѣлать изъ нея хлѣбъ; для того, чтобы устроить домъ, надо приготовить и дерево, и кирпичи, и стекла, и гвозди, и много другихъ вещей и т. д. Нѣтъ такого человѣка, который умѣлъ бы самъ дѣлать всѣ эти вещи, да часто бываетъ такъ, что ихъ и нельзя дѣлать въ одномъ и томъ же мѣстѣ: тамъ, гдѣ земля плодородна и хорошо родитъ хлѣбъ, можетъ не быть желѣза, чтобы изъ него надѣлать гвоздей, ножей, сохъ и другихъ необходимыхъ для жизни предметовъ; въ лѣсахъ, гдѣ много звѣрей, можетъ не быть нужныхъ матерьяловъ, чтобы надѣлать пороху и пуль для того, чтобы стрѣлять этихъ звѣрей. Поэтому-то никто не дѣлаетъ всего самъ, а одни обрабатываютъ землю, другіе добываютъ желѣзо, третьи дѣлаютъ кирпичи, четвертые разрабатываютъ лѣсъ на доски и дрова, пятые работаютъ на фабрикахъ и заводахъ, гдѣ выдѣлываются самыя различныя вещи и т. п. Для того же, чтобы можно было сбывать то, что каждый выдѣлываетъ въ количествѣ большемъ, чѣмъ нужно для него самого, и добывать себѣ то, чего онъ самъ сдѣлать не можетъ, существуетъ купля и продажа, то-есть торговля, причемъ торговать приходится не только съ жителями своей страны, но и съ другими государствами, такъ какъ есть много такихъ вещей, какихъ у насъ нѣтъ, а есть въ другихъ государствахъ, или такихъ, какія у насъ дѣлаются лучше или дешевле, чѣмъ въ другихъ государствахъ.

Существуетъ, слѣдовательно, очень много различныхъ занятій, которыми люди кормятся; ихъ такъ много, что всѣ ихъ трудно даже и пересчитать; мы поговоримъ, поэтому, только о немногихъ, о самыхъ главныхъ работахъ, которыми занимаются великоруссы.

Пользованіе богатствами земли: земледѣліе.—Лѣсоводство.—Скотоводство.—Охота и промыслы.—Добываніе богатствъ, скрытыхъ въ землѣ.

Земледѣліе. Земледѣліе составляетъ одно изъ главныхъ занятій великоруссовъ, такъ какъ имъ занимаются почти поголовно всѣ наши крестьяне, а мы уже говорили, что крестьяне составляютъ самую большую часть великорусскаго населенія; кромѣ того, земледѣліемъ занимаются помѣщики, которыхъ, правда, много (разъ въ 80) меньше, чѣмъ крестьянъ, но они владѣютъ очень большими количествами земли.

Воздѣлываютъ великоруссы землю главнымъ образомъ подъ хлѣбное зерно—пшеницу, рожь, овесъ, ячмень, затѣмъ подъ гречиху, просо, подъ овощи (картофель, капуста, рѣпа, огурцы и т. д.), подъ кленъ и коноплю, немного подъ кормовыя травы для скота; въ мѣстахъ, гдѣ потеплѣе, на югѣ, развито бахчеводство; на бахчахъ сѣютъ главнымъ образомъ арбузы, дыни, тыквы, подсолнечники; на югѣ же воздѣлываютъ у насъ виноградъ, табакъ; въ нашихъ азіатскихъ владѣніяхъ—рисъ и т. д.; въ нѣкоторыхъ губерніяхъ развито кромѣ того садоводство съ разведеніемъ различныхъ плодовыхъ деревьевъ. Но самая большая часть земледѣльцевъ занята все-таки воздѣлываніемъ хлѣбнаго зерна, гречихи, проса, а также льна и конопли. Эти виды пищи добываются у насъ въ такомъ количествѣ, что ими кормятся не только сами великоруссы, но излишки продаются въ другія государства, особенно въ Германію, гдѣ своего

хлѣба не хватаетъ. При обработкѣ земли великоруссы держатся такъ называемой трехпольной системы, которая состоитъ въ томъ, что вся пригодная къ обработкѣ земля дѣлится на три поля, или участка, изъ которыхъ ежегодно засѣваются только два, третье же поле остается безъ посѣва или находится, какъ это принято говорить, подъ паромъ. Оставлять землю чрезъ каждые два года въ третій подъ паромъ необходимо потому, что иначе земля истощается и перестаетъ родить хлѣбъ,—ей надо отдохнуть. Земля, простоявшая цѣлое лѣто подъ паромъ, зарастаетъ травою, на нее пускаютъ, обыкновенно, пастись скотъ; остатки травы вмѣстѣ съ пометомъ скота за это время перегниваютъ и улучшаютъ землю. Къ осени же землю, находившуюся подъ паромъ, распахиваютъ и засѣваютъ, обыкновенно рожью или же пшеницею. Зерно прорастаетъ и даетъ молодую зелень еще съ осени; пролежавъ же всю зиму подъ снѣгомъ, весною, едва только снѣгъ стаетъ, молодая зелень оживаетъ, и въ то время, какъ весенній посѣвъ еще только пробивается, поля, засѣянныя съ осени, начинаютъ уже давать колосъ. Посѣвы, сдѣланные съ осени, называютъ озимыми посѣвами или просто озимью, посѣвъ же, сдѣланный весною, носитъ названіе ярового посѣва. Приблизительно въ серединѣ іюля (около 15-го іюля въ средней полосѣ Россіи, числа около 8-го въ болѣе южныхъ губерніяхъ) озимые хлѣба поспѣваютъ и ихъ жнутъ серпами или косятъ косами и убираютъ съ полей. Опустѣвшее поле оставляется въ покоѣ до весны (заботливые хозяева перепахиваютъ его съ осени, чтобы земля „переболѣла“, т. е. чтобы остатки соломы лучше перемѣшались съ землей, перегнили и удобрили бы тѣмъ землю); весною же такое поле называется уже яровымъ. Яровое поле засѣвается овсомъ, ячменемъ, гречихою, горохомъ, просомъ или

же льномъ. Когда посѣянный на яровомъ полѣ хлѣбъ поспѣетъ, и его уберутъ съ поля, поле оставляется подъ паръ на весь годъ — до осени слѣдующаго года, когда его засѣваютъ снова озимымъ посѣвомъ. Картофель, капусту и другія овощи, а также и коноплю крестьяне сажаютъ обыкновенно не въ полѣ, а на огородахъ, которые устраиваются поближе къ дому, чтобы легче ихъ было оберегать; огороды, чтобы овощи хорошо родились, надо обильно удобрять навозомъ; требуютъ также удобренія и поля, засѣваемыя хлѣбомъ, но на хлѣбныя поля удобренія кладутъ меньше, чѣмъ на огороды. Конечно, этого не слѣдовало бы дѣлать, такъ какъ на тучной, хорошо удобренной землѣ хлѣбъ родится гораздо лучше, но хлѣба засѣвается гораздо больше, чѣмъ овощей, и хлѣбныя поля находятся дальше отъ дома, такъ что и возить туда удобреніе дальше и труднѣе, да и самаго удобренія (навоза) не хватаетъ. Послѣдней бѣдѣ было бы легко помочь, такъ какъ теперь вездѣ продаются особыя, приготовленныя на заводахъ, удобренія, которыя и лучше навоза, и меньше занимаютъ мѣста (значитъ, и возить ихъ на поле легче). Многіе (хотя далеко не всѣ) помѣщики, дѣйствительно, и удобряютъ свою землю этими искусственными удобреніями, но большинство крестьянъ ими не пользуется частью потому, что удобренія хоть и не дороги, да все же ихъ купить надо, а денегъ у нашихъ крестьянъ не всегда и на самыя неотложныя потребности хватаетъ, частью же и потому, что нашъ крестьянинъ, надо признаться, очень не падокъ на всякую новинку и не любитъ дѣлать иначе, чѣмъ еще дѣды дѣлывали, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда сдѣлать не по-дѣдовски, а по новому—прямо выгоднѣе. Виновато въ этомъ прежде всего невѣжество, отсутствіе у народа образованія; будетъ крестьянинъ

пограмотнѣе, пообразованнѣе, онъ лучше пойметъ свою выгоду и будетъ дѣлать все не такъ, какъ его дѣды дѣлывали, но такъ, какъ лучше, какъ люди умные и знающіе сами своимъ умомъ дошли и въ книжкахъ о томъ написали, чтобы всякій могъ прочитать, попробовать и на дѣлѣ убѣдиться, что это хорошо. Надо вообще сказать, что хотя земледѣліе и составляетъ главное занятіе великоруссовъ, но ведется оно у насъ далеко не хорошо. Въ другихъ странахъ, особенно у нашихъ сосѣдей—нѣмцевъ, гдѣ и земли годной подъ посѣвы меньше, а народъ живетъ тѣснѣе, гдѣ и сама земля будетъ похуже нашей, земледѣліе ведется лучше, и земля даетъ большіе, чѣмъ у насъ, урожаи. Если же нѣмцамъ все-таки не хватаетъ своего хлѣба, и они покупаютъ его у насъ, то только потому, что они живутъ много тѣснѣе нашего и годной для посѣва земли приходится у нихъ на каждаго человѣка гораздо меньше, чѣмъ у насъ. Нѣмецъ обрабатываетъ землю хорошимъ плугомъ, который глубоко распахиваетъ землю, а нашъ крестьянинъ (а частью даже и помѣщикъ)—сохою, которая, хоть много дешевле стоитъ и скорѣе и легче ею работать, да очень ужъ мелко она землю беретъ, а чрезъ то земля хуже родитъ; нѣмецъ и сѣетъ, и жнетъ, и зерно молотитъ машинами, а у насъ сѣютъ отъ руки, жнутъ и косятъ хлѣбъ серпами или косами, молотятъ цѣпами, отчего все дѣло идетъ медленнѣе, требуетъ больше времени и силы и не такъ чисто выходитъ, какъ при машинной работѣ. Кромѣ того, заведя трехпольное хозяйство, мы пользуемся ежегодно только двумя частями всей земли, а третья часть отдыхаетъ подъ паромъ. Если не дать отдохнуть землѣ, говорили наши дѣды, такъ она и родить не станетъ, для этого и придумали они оставлять часть земли подъ паромъ. Дѣды

наши были правы и безъ пару земля точно не родитъ. Да только малоземельный нѣмецъ на этомъ не успокоился и сталъ доискиваться, какъ бы горю помочь, какъ бы устроить такъ, чтобы земля не пустовала подъ паромъ, да и хорошо родить хлѣбъ не перестала. Нѣмцы—народъ образованный, думали они, думали, и такъ, и сякъ прилаживали, примѣчали, да и додумались, наконецъ: земля истощается и перестаетъ родить только тогда, когда на ней все одинъ зерновой хлѣбъ (т. е. пшеница, рожь, овесъ, ячмень) сѣется, а если одинъ годъ сѣятъ зерновой хлѣбъ, а другой годъ такія растенія, у которыхъ въ пищу идутъ коренья, а не зерно (картофель, морковь, свекла), а потомъ замѣнять ихъ горохомъ или травой на кормъ скоту, тогда земля не истощается. Замѣтивъ это, нѣмецъ и все свое хозяйство передѣлалъ,—паровой земли у него нѣтъ, вся земля засѣяна, только посѣвы каждый разъ мѣняются: то зерновой хлѣбъ, то корнеплоды (такъ называются растенія, у которыхъ идетъ въ пищу корень), то горохъ, то трава кормовая, то еще что.

Трудно, не зная хорошо грамоты, узнать, что у другихъ народовъ хорошо и чѣмъ слѣдуетъ позаимствоваться, да и узнавъ, нелегко сразу все устроить такъ, какъ надо. Но въ послѣднее время само государство чрезъ министерство земледѣлія и чрезъ земства приходитъ на помощь великорусскому крестьянину. Во многихъ мѣстахъ назначены теперь особыя лица, такъ называемые ученые агрономы, которые много учились и знаютъ, какъ въ какихъ странахъ всякое хозяйство ведется, и которые каждаго, желающаго и спрашивающаго ихъ совѣта, могутъ научить, какъ и что дѣлать, или грамотному дать подходящую книгу; кромѣ того, сами они за счетъ казны или за счетъ земства устраиваютъ осо-

бья такъ называемыя „опытныя“ поля, на которыхъ дѣлаются посѣвы по всякимъ способамъ съ цѣлью узнать, подходитъ ли чужеземный способъ обработки или какая другая еще недостаточно испытанная новинка къ нашему климату, къ нашей землѣ. Глядя на ихъ хозяйство, можно воочію убѣдиться въ томъ, какіе способы обработки точно хороши и стоятъ того, чтобы имъ подражать. Здѣсь же примѣняютъ, обыкновенно, и всякія машины для обработки земли и уборки урожая. Для того же, чтобы эти дорогія машины можно было бы покупать и небогатымъ хозяевамъ (хотя бы въ складчину или цѣлымъ обществомъ—на общественное поочередное пользованіе), многія земства устраиваютъ особые склады земледѣльческихъ орудій и машинъ, изъ которыхъ продаютъ по удешевленнымъ цѣнамъ, съ разсрочкой платежа и т. д. А для того, чтобы научить нашихъ крестьянъ не бояться новшествъ, если они полезны, чтобы научить ихъ понимать книжку и умѣть пользоваться ея совѣтомъ, и министерство народнаго просвѣщенія и земство устраиваютъ школы. Пусть же въ нихъ учится великорусскій крестьянинъ съ охотою и усердіемъ; только получивъ образованіе, онъ пойметъ, какъ можно прожить и чище, и справедливѣе, какъ можно при всей скудости средствъ устроиться такъ, чтобы жить безъ слишкомъ большой нужды, безъ такихъ тяжелыхъ голодовокъ при неурожаяхъ, какія бываютъ только у насъ при плохой обработкѣ земли, при неумѣломъ хозяйничаніи на ней „по старинѣ“, „по дѣдовскимъ завѣтамъ“, а не по велѣнію разума!

Звѣровой и рыбный промыслы. Земля богата; она кормитъ человѣка не только въ томъ случаѣ, когда онъ потрудился надъ ея обработкой, но даетъ иногда пищу, приготовленную самой природой: въ лѣсахъ и поляхъ

произрастаютъ орѣхи, различныя ягоды, грибы, многіе изъ которыхъ составляютъ при питаніи значительное подспорье или продаются въ городахъ, гдѣ они составляютъ лакомство. Въ лѣсахъ и поляхъ водится много всякаго звѣря и птицы, часть которыхъ идетъ въ пищу, часть же даетъ мѣхъ на шубы и перо и пухъ на перины и подушки. Охота за звѣрями и птицами, которыхъ бьютъ изъ ружей или ловятъ въ западни, силки, петли и разныя другія ловушки, составляетъ во многихъ мѣстностяхъ обитанія великоруссовъ главное занятіе, дающее средства къ существованію. Особенно распространены звѣровые и птичьи промыслы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сохранилось много лѣсовъ и болотъ, гдѣ, слѣдовательно, много и звѣря и птицы, а земли удобной для пахотъ немного, а также и въ холодныхъ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ лѣто коротко и недостаточно тепло для того, чтобы хлѣбъ хорошо вызрѣвалъ. Такъ, въ Архангельской, Вологодской, Олонецкой губерніяхъ, по Уралу и почти по всей Сибири множество народу существуетъ почти исключительно охотою (и рыбной ловлей). Осенью тамъ бьютъ много птицы, особенно рябчиковъ и тетеревовъ, которыхъ и отправляютъ въ свѣжемъ или замороженномъ видѣ сначала возами до желѣзной дороги а потомъ по желѣзной дорогѣ въ большіе города, особенно въ обѣ наши столицы, т. е. въ Петербургъ и Москву. Осенью же, а частью и зимой бьютъ и отправляютъ въ города множество зайцевъ. Зимою же идетъ главнымъ образомъ охота за пушнымъ звѣремъ, т. е. за такимъ звѣремъ, который даетъ мѣхъ на шубы. Въ тѣхъ же сѣверныхъ губерніяхъ и въ Сибири охотятся главнымъ образомъ за бѣлкой, лисицей, песцомъ (сѣверная бѣло-голубая лисица), сѣвернымъ—бѣлымъ и лѣснымъ—бурымъ медвѣдемъ, а въ Сибири и за куницей, соболемъ,

мѣха которыхъ, какъ очень легкіе, теплые и красивые, цѣнятся очень дорого, а также и за многими другими пушными звѣрями. Кромѣ того, въ лѣсахъ водятся различные виды оленей, лосей, мясо которыхъ идетъ въ пищу, а шкуры—на выдѣлку такъ называемой замши, изъ которой дѣлаются кошельки, перчатки и т. д. Не даютъ, наконецъ, спуску и сѣрому волку, шкура котораго хоть и не очень дорога, но все же покупается въ городахъ, гдѣ ее употребляютъ на особыя одѣяла, которыми зябкіе горожане зимой закрываютъ ноги, когда ѣдутъ въ саняхъ. Не меньше, чѣмъ лѣса, если еще не больше, пищи и другихъ цѣнныхъ вещей добывается изъ глубины воды. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ плохо родится хлѣбъ, рыба вмѣстѣ съ лѣснымъ звѣремъ и птицей составляетъ и главную пищу народа, и главное средство для добыванія денегъ, нужныхъ на покупку всего необходимаго для себя и на уплату податей и разныхъ другихъ повинностей. Особенно много ловятъ рыбы, питаясь ею и отправляя избытки на продажу, по рѣкамъ и озерамъ сѣверныхъ нашихъ губерній (Архангельской, Вологодской, Олонецкой), затѣмъ по Волгѣ, особенно близъ впаденія ея въ Каспійское море (въ Астраханской губерніи), а также по рѣкамъ Сибири. Не меньшимъ, если не большимъ, рыбнымъ богатствомъ отличаются моря. Въ пользованіи великоруссовъ находятся моря: Каспійское, Азовское, Черное, Балтійское, Бѣлое и Сѣверный или Ледовитый океанъ. Въ Балтійскомъ морѣ ловится не мало рыбы, особенно мелкой — салаки, кильки, отчасти сельди, но главнымъ образомъ занимаются здѣсь рыболовствомъ не великоруссы, а живущіе по берегу моря нѣмцы (русскіе подданные), собственно же великоруссы ловятъ рыбу въ Балтійскомъ морѣ лишь въ небольшихъ сравнительно

количествахъ недалеко отъ Петербурга — на южной сторонѣ той части Балтійскаго моря, которая носитъ названіе Финскаго залива. Значительно богаче рыбный ловъ въ Черномъ морѣ, но особымъ обиліемъ рыбы славятся Каспійское, Азовское, Бѣлое море и Сѣверный океанъ. Въ Каспійскомъ морѣ ловится очень вкусная и дорогая, такъ называемая, красная рыба: осетеръ, севрюга, стерлядь и громадная (иногда до 75 пудовъ вѣсомъ) бѣлуга, потомъ хоть мелкая и болѣе дешевая, но ловящаяся въ большомъ количествѣ, а потому и имѣющая очень важное значеніе, какъ народная пища,— селедка, вобла, тарань, чухонь и другая мелкая рыба.

Селедка и вобла ловятся въ Астраханской губерніи главнымъ образомъ весною, когда рыба идетъ изъ моря въ рѣки, чтобы тамъ выметывать свою икру (изъ которой ими выводятся потомъ молодыя рыбки). Время лова длится всего 3—4 недѣли, рыба идетъ дружно, массою; каждый спѣшитъ воспользоваться временемъ и захватить въ свои сѣти какъ можно больше рыбы; шумъ, гамъ, движеніе въ это время (въ апрѣлѣ) въ послѣднихъ развѣтвленіяхъ Волги, близъ Каспійскаго моря, стоитъ невообразимый. Чтобы управиться съ громаднымъ количествомъ рыбы, которая ловится въ это время, поймать ее, вычистить, засолить ее, чтобы она не испортилась и могла долго сохраняться, не хватаетъ мѣстнаго населенія, и сюда собираются рабочіе изъ далекихъ мѣстъ, отовсюду, гдѣ только тѣсно живется народу, гдѣ не хватаетъ своего хлѣба и откуда народъ бѣжитъ на сторонніе заработки. Другіе, кому это будетъ поближе, собираются также на рыбные ловы на сѣверъ, къ Бѣлому морю и Ледовитому океану. Въ этихъ моряхъ ловится та же селедка, потомъ треска, а изъ болѣе цѣнныхъ рыбъ, составляющихъ для городскихъ жителей

большое лакомство, семга, лососи, сиги и т. д.; эти послѣднія рыбы ловятся, впрочемъ, не столько въ моряхъ, сколько по рѣкамъ, близъ впаденія ихъ въ море. Въ Бѣломъ морѣ и въ Ледовитомъ океанѣ кромѣ рыбнаго промысла занимаются также еще боемъ тюленей, моржей и такъ называемыхъ бѣлугъ—звѣрей, за которыми охотятся не столько изъ-за мяса, которое не очень-то вкусно и мало кто его ѣстъ, но изъ-за шкуръ, идущихъ на выдѣлку разныхъ погребцовъ, ранцевъ, ноженъ для ножей и т. д., изъ-за жира, который идетъ на выдѣлку мазей для смазки кожи и на разныя другія подѣлки; у моржей же еще идутъ въ дѣло ихъ два длинныхъ зуба въ верхней челюсти, такъ называемые бивни или клыки, крѣпкая и желтовато-бѣлая кость которыхъ очень удобна для выдѣлки мелкихъ костяныхъ предметовъ: запонокъ, ложечекъ и т. д. Бой тюленей производится также и въ Каспійскомъ морѣ, но тамъ добываютъ ихъ не очень много.

Скотоводство и птицеводство. Для своего питанія человѣкъ пользуется какъ растительной, такъ и животною пищей. Но дикорастущихъ растеній и звѣрей, живущихъ на свободѣ, было не такъ много, чтобы размножившійся людъ могъ ими кормиться, и съ очень уже давнихъ поръ человѣкъ научился воздѣлывать землю и сѣять на ней полезныя ему растенія, а также и приручать къ себѣ нѣкоторыхъ звѣрей и птицъ. Человѣкъ сталъ объ нихъ заботиться, кормить ихъ, защищать отъ хищныхъ звѣрей, пользуясь взамѣнъ того ихъ шкурою, мясомъ, молокомъ, яйцами, шерстью и пухомъ. Въ большинствѣ великорусскихъ владѣній земля или занята лѣсомъ, гдѣ не очень-то удобно скотоводство, или же почти вся цѣликомъ распахана подъ пашни, а гдѣ пашни, тамъ и вовсе трудно пасти скотъ такъ, что-

бы уберечь свои посѣвы. Поэтому скотоводство въ большихъ размѣрахъ, т.-е. разведеніе стадъ въ сотни и тысячи головъ, въ Россіи встрѣчается главнымъ образомъ въ южныхъ губерніяхъ, гдѣ много степей, удобныхъ для пастбищъ, но не удобныхъ для пашни. Но въ южныхъ губерніяхъ живутъ больше не великоруссы, а малороссы; сильно развито у насъ скотоводство и на Кавказѣ (въ сѣверной его части), въ Астраханской губерніи, а также и въ Средне-азіатскихъ нашихъ владѣніяхъ и въ Сибири. Но во всѣхъ этихъ мѣстахъ живутъ и занимаются скотовотствомъ преимущественно не велиликоруссы, а инородцы; равнымъ образомъ и на крайнемъ сѣверѣ Россіи, гдѣ разводятъ большія стада сѣверныхъ оленей, этимъ дѣломъ занимаются опять-таки не великоруссы, а лопари, самоѣды, зыряне и другіе сѣверные инородцы, преимущественно изъ финскихъ племенъ. Великоруссы же занимаются скотоводствомъ не какъ главнымъ, а какъ побочнымъ занятіемъ, составляющимъ въ ихъ хозяйствѣ лишь подспорье. Каждый хозяинъ изъ крестьянъ держитъ одну, двѣ, много три лошади, необходимыя ему для обработки земли, одну-двѣ коровы—для молока, а кто позажиточнѣе—нѣсколько барановъ, свиней; у помѣщиковъ встрѣчается еще иногда болѣе крупные скотные дворы: иные изъ нихъ держатъ цѣлые конскіе заводы, другіе—много коровъ, изъ молока которыхъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, особенно Смоленской и Калужской, выдѣлываютъ сыръ; у другихъ ведется болѣе широко свиноводство и т. д. Но все это не главное занятіе хозяевъ, оно ведется между прочимъ, при другихъ хозяйственныхъ работахъ, т.-е. главнымъ образомъ при обработкѣ земли. Изъ птицъ великоруссы разводятъ куръ, гусей, утокъ, индюшекъ. Такихъ хозяйствъ, гдѣ бы занимались исключительно птицеводствомъ

и отъ него одного кормились, у насъ почти не встрѣчается, но зато рѣдко гдѣ можно найти такой дворъ, гдѣ бы не водилось хоть нѣсколько насѣдокъ съ цыплятами, а по деревнямъ, особенно гдѣ близко есть большой прудъ или рѣчка, водятся въ большомъ количествѣ и гуси и утки; индюшекъ разводятъ меньше,—это птица капризная, трудно выводится, а выводки часто гибнутъ. Хоть великорусское птичье хозяйство и кажется не очень большимъ, однако рѣдкая крестьянка не продастъ за годъ хоть съ полсотенки, а то и болѣе яичекъ, такъ что нашими яйцами кормимся не только мы—русскіе, но ихъ вывозятъ въ другія государства, особенно въ Германію и въ Англію. Въ Петербургѣ, Ревелѣ, Ригѣ и въ другихъ приморскихъ городахъ грузятся каждое лѣто нашими яйцами англійскіе пароходы; въ Германію, къ нѣмцамъ, везутъ наши яйца вагонами по желѣзнымъ дорогамъ. Изъ скота же вывозятъ (больше въ Германію) нашихъ свиней и немного рогатаго скота, большая же часть рогатаго скота, идущаго на убой, съѣдается у насъ же, въ Россіи; особенно много мяса идетъ въ Петербургъ и Москву, а также и въ другіе большіе города, потому что горожане живутъ богаче сельскихъ жителей и по преимуществу питаются мясомъ.

Лѣсное дѣло. Въ сѣверныхъ великорусскихъ губерніяхъ, а частью и въ Сибири, гдѣ сохранилось еще много лѣсовъ, лѣса даютъ большое подспорье, а подчасъ и главныя средства къ жизни. Крупные старинные лѣса идутъ на мачты для кораблей, на выдѣлку досокъ и брусьевъ для разныхъ построекъ, лѣсъ помельче идетъ на дрова. Люди богатые раздѣлываютъ свои собственные лѣса или покупаютъ лѣсъ на срубъ у казны, которой принадлежитъ много лѣсныхъ угодій. Но для того, чтобы привести лѣсъ въ такой видъ,

чтобы онъ годился на продажу, т. е. надѣлать изъ него досокъ или дровъ, требуется много работы. Прежде всего надо срубить деревья; рубкой деревьевъ кормится у насъ много народу; срубленныя деревья надо распилить на дрова и отвезти къ желѣзной дорогѣ или къ рѣкѣ, отправляютъ ихъ въ городъ; большія же деревья, идущія на брусья, на доски, требуютъ еще больше хлопотъ. У нихъ обрубаютъ сучья, доставляютъ ихъ ввидѣ бревенъ къ ближайшимъ рѣкамъ; на рѣкахъ отдѣльныя бревна вяжутся въ плоты и въ такомъ видѣ сплавляются по теченію рѣкъ до городскихъ или загородныхъ лѣсопильныхъ заводовъ, гдѣ ихъ сушатъ и распиливаютъ уже на доски; доски опять-таки надо доставить по рѣкѣ на пароходахъ или по желѣзной дорогѣ до мѣстъ ихъ продажи. Всѣ эти занятія требуютъ множества рабочихъ рукъ и кормятъ, слѣдовательно, не однихъ владѣльцевъ лѣса, но и тысячи рабочаго люда. Впрочемъ, лѣсъ даетъ много небезвыгодныхъ занятій и для людей небогатыхъ. Такъ изъ сучьевъ, что остаются по раздѣлкѣ лѣса, жгутъ уголь, пни, оставшіеся въ землѣ по срубкѣ дерева, вынимаются изъ земли (или, какъ это принято называть, „выкарчевываются") и идутъ на уголь же или же еще чаще на выкуриваніе изъ нихъ смолы и дегтя. Идетъ въ дѣло также и кора нѣкоторыхъ деревьевъ, особенно дубовая, нужная при выдѣлкѣ кожъ (при такъ называемомъ „дубленіи кожи"); еще нужнѣе тѣ мягкія волокна, что находятся въ деревѣ между самой древесиною и корою, или такъ называемое лыко; изъ этого лыка, особенно изъ липоваго, плетутся лапти, выдѣлываются рогожи и т. д. Во многихъ мѣстахъ у насъ занимаются также выдѣлкою изъ молодыхъ деревьевъ дугъ и полозьевъ, обручей на бочки, а изъ совсѣмъ молодыхъ тонкихъ побѣговъ ивы плетутъ корзинки, кузова для телѣ-

Рис 4. Великоруссъ Тульской губ

жекъ и т. д. Въ нѣкоторыхъ изъ лѣсистыхъ нашихъ губерній крестьяне занимаются во время длиннаго зимняго досуга вырѣзываніемъ и вытачиваніемъ изъ дерева разныхъ мелкихъ предметовъ: ложекъ, чашекъ, табакерокъ, гребней, веретенъ и т. д.; изъ бересты, т-е. изъ березовой коры, выдѣлываются особыя коробки для храненія яицъ, зерна и другихъ мелочей,—это такъ называемые „бураки". Словомъ, всѣхъ подѣлокъ изъ дерева сразу и не перечтешь. Въ мѣстахъ лѣсистыхъ, гдѣ мало и пахотной земли, мало и рыбныхъ озеръ и рѣкъ, различныя лѣсныя работы и подѣлки изъ лѣса составляютъ главное занятіе жителей и чуть не единственный способъ зарабатыванія денегъ на пропитаніе.

Добываніе богатствъ, скрытыхъ въ землѣ. Человѣкъ пользуется не только тѣмъ, что находится на поверхности земли или въ водѣ, но и тѣмъ, что лежитъ глубоко подъ землею. Въ глубинѣ земли хранится множество такихъ вещей, безъ которыхъ трудно обойтись человѣку и добываніе которыхъ доставляетъ многимъ людямъ средства къ существованію. Въ глубинѣ земли находятъ золото, серебро и другіе дорогіе металлы, драгоцѣнные каменья, затѣмъ не такъ дорогіе по цѣнѣ, но еще болѣе необходимые для человѣка—желѣзо, мѣдь, олово, свинецъ и другіе металлы, соль, каменный уголь, нефть, булыжникъ, известнякъ и другіе камни, идущіе на постройки, на мостовыя и шоссе и т. д. Всѣ эти полезныя для человѣка вещества находятся не повсюду, а только въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, причемъ въ однихъ мѣстахъ находятъ одни вещества, въ другихъ—другія. Въ глубинѣ обширныхъ, занятыхъ великоруссами, земель хранится много самыхъ различныхъ богатствъ, добычей которыхъ и занимается немало народу.

Металлы. Самый полезный для человѣка металлъ-

желѣзо, безъ котораго теперь человѣкъ никакъ не можетъ обойтись, находится въ землѣ очень часто, но не въ томъ видѣ, въ какомъ мы его знаемъ въ гвоздяхъ, ножахъ и въ различныхъ другихъ подѣлкахъ, но въ смѣси съ другими веществами, въ видѣ различныхъ камней и земель, глядя на которые, несвѣдующій человѣкъ и не подумаетъ даже, что въ нихъ есть желѣзо. Для того, чтобы изъ этихъ камней или земель, содержащихъ желѣзо, или изъ рудъ, какъ ихъ называютъ, добыть чистое желѣзо, эти руды надо обжечь на сильномъ огнѣ. Но для обжиганія рудъ или, какъ это принято говорить, для выплавки желѣза изъ рудъ требуется много топлива, которое стоитъ не дешево. Между тѣмъ само по себѣ желѣзо не очень-то дорогое; поэтому хотя желѣзныя руды встрѣчаются очень часто, желѣзо выгодно добывать только въ такихъ мѣстахъ, гдѣ и топливо стоитъ подешевле, да и самая руда содержитъ побольше желѣза. У насъ такія мѣста встрѣчаются на Уральскихъ горахъ, гдѣ рядомъ съ желѣзными рудами находятъ и дешовое топливо—каменный уголь, гдѣ и лѣсовъ еще много, слѣдовательно, и дрова дешевы, затѣмъ на югѣ—въ Приднѣпровьи и близъ береговъ Чернаго моря, по низовьямъ Дона, гдѣ на ряду съ богатыми желѣзными рудами встрѣчается также много каменнаго угля, а также и въ средней части Россіи, въ Московской, Тульской, Рязанской и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ, гдѣ для выплавки рудъ употребляютъ, какъ дешевое топливо, торфъ. Изъ желѣзныхъ рудъ выплавляются смѣшанные съ углемъ хрупкіе и не ковкіе, но твердые чугунъ и сталь, или же болѣе мягкое и ковкое чистое желѣзо. Изъ желѣза, стали и чугуна дѣлается множество самыхъ разнообразныхъ и самыхъ необходимыхъ для человѣка вещей. Одни заводы добываютъ только желѣзо, другіе перераба-

тываютъ его на чугунъ и сталь, особые заводы занимаются выдѣлкою отдѣльныхъ вещей, словомъ, желѣзное дѣло требуетъ множества рукъ; и около него кормится, слѣдовательно, очень много народа.

Мѣдь, олово и другіе полезные металлы встрѣчаются у насъ рѣже, чѣмъ желѣзо, главнымъ образомъ на Уральскихъ горахъ, въ Алтаѣ (горы въ Сибири) и на Кавказѣ. Почти всѣ металлы, такъ же какъ и желѣзо, встрѣчаются въ землѣ не въ чистомъ видѣ, а въ видѣ рудъ, изъ которыхъ ихъ надо еще выплавить. Въ Уральскихъ же горахъ, затѣмъ на Кавказѣ, а всего больше въ Сибири находятъ дорогіе металлы—серебро и золото, изъ которыхъ выдѣлываются деньги и различныя дорогія вещи, служащія для украшенія. Золото находятъ чаще всего въ чистомъ видѣ, въ видѣ мелкихъ крупинокъ, а иногда и цѣлыхъ слитковъ, заложенныхъ или въ пескахъ или въ каменистой землѣ; изъ песковъ золото добывается простымъ промываніемъ въ особыхъ желобахъ водой, которая уноситъ съ собой болѣе легкій песокъ и оставляетъ на мѣстѣ болѣе тяжелыя крупинки золота; каменистую же землю, содержащую золото, сначала размалываютъ на особыхъ мельницахъ, потомъ также промываютъ водою.

Добываемое изъ земли топливо. Желѣзныя дороги, пароходы, множество всевозможныхъ заводовъ, затѣмъ зимняя топка домовъ требуютъ такъ много топлива, что если бы мы и до сихъ поръ дѣлали такъ, какъ прежде, т. е. жгли бы исключительно одни дрова, отъ нашихъ лѣсовъ давно не осталось бы и помину. Въ другихъ европейскихъ государствахъ давно уже отказались отъ истребленія лѣсовъ на дрова; тамъ не только на фабрикахъ и заводахъ, на пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ, но даже и въ домахъ жгутъ уже не дрова, но другое топливо, чаще всего каменный уголь; у насъ же въ

домахъ, да кое-гдѣ и на заводахъ до сихъ поръ еще жгутъ дрова, неразумно истребляя лѣса; но на заводахъ и у насъ уже жгутъ чаще всего тотъ же каменный уголь, затѣмъ нефть и торфъ.

Каменный уголь составляетъ не что иное, какъ пролежавшіе чрезвычайно долгое время въ землѣ и измѣнившіеся отъ того остатки древнѣйшихъ лѣсовъ. У насъ добывается онъ изъ земли на Уральскихъ горахъ, на Кавказкихъ горахъ, по низовьямъ Днѣпра, особенно же много его въ донскихъ степяхъ, а въ меньшихъ количествахъ и въ другихъ мѣстахъ. Выкопанный изъ земли, иногда на порядочной глубинѣ, каменный уголь не нуждается ни въ какой дальнѣйшей обработкѣ, но прямо жжется въ печахъ такъ же, какъ и дрова. Торфъ накопляется въ старыхъ болотахъ изъ остатковъ перегнившихъ болотныхъ растеній; его рѣжутъ въ видѣ кирпичей и, прежде чѣмъ жечь, высушиваютъ. Находятъ у насъ торфъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть много болотъ, т.-е. по всей сѣверной части Россіи, кромѣ крайняго сѣвера, а частью и на средней полосѣ — до самыхъ южно-русскихъ степей; разрабатываютъ же его, однако, далеко не вездѣ, но преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть по близости фабрики и заводы, хотя торфъ и представляетъ изъ себя очень дешевое топливо. Къ нашему стыду надо признаться, что во многихъ мѣстностяхъ, гдѣ торфъ находится въ изобиліи, у насъ, даже въ крестьянскомъ быту, предпочитаютъ собирать для печей хворостъ, жечь солому, которая могла бы пригодиться и на что другое, платить, наконецъ, деньги за дрова, вмѣсто того, чтобы нарѣзать и насушить себѣ торфу, что совсѣмъ не трудно и не требуетъ особой сноровки. Трудно даже представить себѣ, почему это такъ дѣлается; потому, должно быть, что по старинѣ, по дѣ-

довскимъ временамъ, всегда топили печи дровами. Но дѣдамъ и прадѣдамъ хорошо было такъ дѣлать,—у нихъ лѣсовъ и дѣвать было некуда, а намъ, ихъ внукамъ и правнукамъ, лѣсъ куда какъ дорого достается; такъ уже слѣдовало бы дѣдовскій обычай и оставить,—благо есть чѣмъ дрова замѣнить! На Кавказѣ, у береговъ Каспійскаго моря, близъ города Баку, а въ послѣднее время и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ добывается въ громадныхъ количествахъ густая тягучая жидкость темнаго цвѣта съ характернымъ запахомъ керосина; это—нефть. Она находится въ землѣ на большой глубинѣ; чтобы добыть ее, буравятъ въ землѣ глубокіе колодцы, изъ которыхъ она и бьетъ фонтанами. Откуда берется нефть, до сихъ поръ хорошенько не дознано; полагаютъ, однако, что это остатки перегнившихъ и сильно измѣнившихся особыхъ маленькихъ животныхъ—такъ называемыхъ моллюсковъ, жившихъ на землѣ за много-много тысячъ лѣтъ до нашего времени въ несмѣтныхъ количествахъ. Изъ нефти отгоняютъ (подогрѣваніемъ) жидкій и свѣтлый керосинъ, идущій на освѣщеніе. Послѣ отгонки керосина остается густая тягучая темная масса—такъ называемые нефтяные остатки. Эти нефтяные остатки представляютъ изъ себя очень дешевое топливо, дающее очень жаркое пламя. Единственное его неудобство состоитъ въ томъ, что, если его налить прямо въ печку и зажигать, оно совсѣмъ не будетъ горѣть; для того же, чтобы нефтяные остатки горѣли, необходимо устраивать особо приспособленныя печи. Это обстоятельство вмѣстѣ съ непріятнымъ запахомъ нефтяныхъ остатковъ дѣлаетъ ихъ неудобными для отопленія жилыхъ помѣщеній; но для фабрикъ и заводовъ, равно какъ и для пароходныхъ и желѣзнодорожныхъ машинъ нефтяные остатки представляютъ дешевое и очень удобное топливо

(горитъ жарко, мало занимаетъ мѣста), которое поближе къ мѣсту своего происхожденія, т.-е. на Каспійскомъ морѣ и по Волгѣ вытѣснило всякое другое топливо, а теперь, развозимое по желѣзнымъ дорогамъ, мало-по-малу оно начинаетъ распространяться по заводамъ и фабрикамъ всей Россіи. Керосину же добывается у насъ изъ нефти такъ много, что его хватаетъ на освѣщеніе не только по всей Россіи, но избытокъ отправляютъ въ большихъ количествахъ и въ другія государства.

Изъ другихъ веществъ, добываемыхъ у насъ изъ земли, необходимо упомянуть о соли, объ этомъ дешевомъ, но важномъ веществѣ, безъ котораго и за столъ не сядешь и не сохранишь запасовъ овощей или мяса, да и для скота къ корму полезно время отъ времени хоть не много соли прибавить. Соль добывается у насъ изъ земли въ чистомъ видѣ во многихъ мѣстахъ, особенно въ Оренбургской и Астраханской губерніи. Впрочемъ, далеко не вся соль добывается изъ земли; много ея добываютъ и изъ соленыхъ озеръ, выпаривая ихъ воду или же собирая ея осадки со дна этихъ озеръ и по ихъ берегамъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ мало горной соли, т.-е. соли, добываемой въ чистомъ видѣ изъ земли, гдѣ мало и озерной или такъ называемой осадочной соли, соль добываютъ еще выпариваніемъ на огнѣ или въ особыхъ ямахъ на солнцѣ—изъ морской воды. Такимъ образомъ добывали у насъ соль прежде на сѣверѣ — по Бѣлому морю, теперь же тамъ больше пользуются привозною изъ другихъ мѣстъ солью, такъ какъ морская соль не чиста, содержитъ другія примѣси, горька, очистка же ея стоитъ дорого и требуетъ особаго умѣнья и устройства особыхъ дорогихъ заводовъ.

2) *Заводско-фабричная промышленность.* Съ поверхности земли, т. е. съ пашенъ, лѣсовъ, изъ водъ и изъ

глубины земли добываются въ большинствѣ случаевъ такъ называемые „сырые продукты“, т.-е. такія вещества, которыя въ томъ видѣ, какъ они добываются, прямо въ дѣло не идутъ, а должны прежде подвергнуться еще особой обработкѣ. Такъ, напримѣръ, съ пашенъ послѣ уборки и обмолачиванія получается хлѣбное зерно, которое, прежде чѣмъ сдѣлаться годнымъ въ пищу, должно быть превращено въ муку, а потомъ уже въ хлѣбъ; желѣзо отливается на мѣстѣ въ видѣ полосъ или особой формы брусковъ, которые также не идутъ прямо въ дѣло и т. д. Обработкою этихъ, равно какъ и другихъ сырыхъ матерьяловъ занимаются на различныхъ фабрикахъ и заводахъ. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ много умѣлыхъ и предпріимчивыхъ людей, обрабатываютъ и превращаютъ въ разныя издѣлія не только все то сырье, которое производитъ страна, но даже закупаютъ и выдѣлываютъ сырье, добытое въ другихъ странахъ, не успѣвающихъ или не умѣющихъ обработать все свое сырье. Россія не принадлежитъ, однако, къ странамъ, особенно въ этомъ дѣлѣ предпріимчивымъ и умѣлымъ, такъ что добываемое великоруссами сырье далеко не все обрабатывается у насъ, но большая часть его идетъ въ другія страны въ сыромъ видѣ, отчего, понятно, мы много теряемъ, потому что на обработкѣ нашего сырья наживаемся уже не мы сами, а иностранцы, закупившіе наше сырье. Это зависитъ отъ того, что у насъ недостаетъ богатыхъ и предпріимчивыхъ людей, которые вкладывали бы свой капиталъ, умѣніе и знанія въ заводское и фабричное дѣло. Больше другихъ развито еще у насъ бумажно-ткацкое дѣло, и на нашихъ ткацкихъ фабрикахъ, расположенныхъ главнымъ образомъ около Москвы, въ Московской и Владимірской губерніяхъ, перерабатывается на ситцы, полотна и другія такъ на-

зываемыя бумажныя матеріи не только вся хлопчатая бумага (вата), которая добывается у насъ же, въ азіатскихъ нашихъ владѣніяхъ, но и много привознаго, иностраннаго хлопка. Заводовъ, обдѣлывающихъ желѣзо, чугунъ и сталь, т.-е. рельсопрокатныхъ, чугунно-литейныхъ заводовъ, заводовъ, гдѣ выдѣлываются различныя машины, фабрикъ ножей, вилокъ, иголокъ, гвоздей и другихъ подѣлокъ изъ желѣза, стали и чугуна у насъ въ Россіи не мало, но далеко, однако, не столько, сколько могло быть, такъ что во многихъ мѣстностяхъ у насъ есть въ землѣ богатѣйшія желѣзныя руды, которыя совсѣмъ не идутъ на выдѣлку желѣза, чугуна или стали, а часть нашей лучшей по качеству стали идетъ даже въ другія страны — къ французамъ, нѣмцамъ, англичанамъ, умѣющимъ лучше и дешевле нашего дѣлать изъ стали разныя вещи; нерѣдко случается даже и такъ, что мы покупаемъ у иностранцевъ хорошіе ножи, топоры, другіе инструменты, особенно же большія и сложныя машины, сдѣланныя изъ нашей же стали.

Нашъ зерновой хлѣбъ перерабатывается на муку для собственнаго употребленія на своихъ вѣтряныхъ, водяныхъ и паровыхъ мельницахъ, но въ другія страны мы продаемъ не муку, а зерновой хлѣбъ.

Получая отъ нашихъ овецъ большое количество шерсти, мы только часть ее передѣлываемъ на фабрикахъ въ различныя шерстяныя матеріи, часть же нашей шерсти идетъ въ другія страны въ сыромъ видѣ. Не мало народу занимается у насъ и кожевеннымъ производствомъ, выдѣлывая изъ кожъ коровъ и лошадей сапоги, ремни, чемоданы и разныя мелкія кожаныя вещи и т. д. Словомъ, много народа занято у насъ на заводахъ и фабрикахъ обработкою нашего сырья, котораго, одна-

ко, много отправляется и въ другія страны въ необдѣланномъ видѣ.

Ремесла. Кустарное производство. Не всѣ сырые матерьялы получаютъ окончательную обработку на фабрикахъ и заводахъ,—есть много такихъ способовъ обработки, при которыхъ не нужны дорогія и сложныя машины, какъ на фабрикахъ, но можно обойтись простыми дешевыми инструментами. Такіе способы обработки производятся, обыкновенно, у себя на дому, силами своей собственной семьи или иногда съ помощью нѣсколькихъ наемныхъ рабочихъ.

Такіе способы обработки, требующіе не столько машинной, сколько ручной работы, не столько силы, сколько ловкости въ рукахъ и особаго навыка, называются мастерствами или ремеслами, а самые люди, занимающіеся ими, называются ремесленниками или мастеровыми. Существуетъ много ремеслъ: плотничье, столярное, ремесло каменьщиковъ, землекоповъ, портняжное, слесарное, кузнечное, швейное, сапожное и т. д. Ремесленники занимаются, обыкновенно, выдѣлкою такихъ предметовъ, которые нужны всѣмъ и вездѣ, а потому и въ Россіи, и во Франціи, и въ Германіи, и во всякой другой странѣ—повсюду существуютъ одинаковыя ремесла; вся разница лишь въ томъ, что въ одной странѣ больше и лучше выдѣлываются однѣ вещи, въ другой—другія. Ремесленники живутъ главнымъ образомъ по городамъ, гдѣ больше сбыта для ихъ издѣлій, но есть, конечно, и деревенскіе ремесленники, занимающіеся иногда только кузнечнымъ дѣломъ, плотничьимъ, сапожнымъ и другими ремеслами, чаще же ремесло у нихъ служитъ лишь подспорьемъ, главнымъ же занятіемъ остается все-таки земледѣліе. Городскіе ремесленники приписаны къ мѣщанскому сословію, къ тому или

Рис. 5. Великоруссъ Вологодской губ.

другому цеху, глядя по ремеслу, сельскіе же, обыкновенно, остаются въ крестьянскомъ сословіи. Кромѣ того, у насъ существуетъ еще особый видъ занятій, производящихся на дому, почти неизвѣстный въ другихъ странахъ. Это такъ называемые кустарные промыслы, лица же, занимающіяся ими, называются кустарями. Кустари выдѣлываютъ такія вещи, которыя вырабатываются обыкновенно на фабрикахъ и заводахъ, но не требуютъ очень дорогихъ и сложныхъ машинъ. Кустари выдѣлываютъ у насъ ножи, замки и другія мелкія желѣзныя издѣлія, различныя издѣлія изъ дерева, ткутъ даже на домашнихъ ткацкихъ станкахъ полотна, плетутъ кружева и т. д. Занимаются кустарными промыслами у насъ обыкновенно крестьяне тѣхъ мѣстностей, гдѣ пахотной земли мало и родитъ она плохо, такъ что однимъ земледѣліемъ просуществовать трудно. Кустарные промыслы, представляющіе какъ бы маленькія домашнія фабрички, существуютъ у насъ изстари, причемъ дѣло повелось такъ, что въ однихъ мѣстахъ изъ рода въ родъ, отъ отцовъ къ сыновьямъ, переходитъ умѣнье выдѣлывать замки, въ другихъ — ножи, въ третьихъ мѣстахъ чуть не всѣ женщины поголовно плетутъ кружева и т. д., словомъ, въ каждой мѣстности свои издѣлія. Издѣлія кустарей нерѣдко бываютъ сдѣланы очень хорошо, не хуже, если даже не лучше многихъ фабричныхъ издѣлій, а кружева, что плетутъ деревенскія дѣвушки и женщины положительно лучше фабричныхъ; они такъ хороши, что въ послѣднее время ихъ скупаютъ въ большомъ количествѣ для отправки въ другія государства, такъ что нѣмецкія, французскія и другія щеголихи часто ходятъ теперь въ кружевахъ, сработанныхъ нашими кустарями. Кустарный промыселъ могъ бы быть очень выгоденъ для крестьянъ, если бы у

нихъ были свободныя деньги для закупки необходимыхъ матерьяловъ для работы (желѣза, дерева, нитокъ для тканья и для кружевъ, инструментовъ, необходимыхъ для работы и т. д.) и если бы они могли продавать свои издѣлія, выжидая настоящихъ цѣнъ, а не спуская товары за полцѣны скупщикамъ, которые, зная, когда кустарямъ нужны деньги на уплату податей, на закупку матерьяловъ, наѣзжаютъ въ это время въ деревни и даютъ такую малую цѣну, какую имъ только вздумается. Иные скупщики дѣлаютъ еще выгоднѣе для себя и тѣснятъ кустарей еще больше, продавая имъ въ долгъ необходимый для работъ матерьялъ, часто плохого качества и по очень высокой цѣнѣ, а потомъ забирая въ уплату долга выработанный ими товаръ по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Чтобы хоть сколько-нибудь улучшить положеніе кустарей, земства многихъ губерній стали устраивать склады, гдѣ бы кустари могли покупать на выгодныхъ для нихъ условіяхъ необходимый матерьялъ; эти же склады принимаютъ у кустарей выработанные ими товары по настоящимъ цнѣамъ, уплачивая часть стоимости товара сейчасъ же, когда кустарю нужны деньги, остальныя же деньги доплачивая потомъ, когда складъ продастъ ихъ издѣлья; за храненіе и продажу вещей изъ склада земства берутъ, конечно, небольшую плату, такъ что въ этомъ случаѣ кустари продаютъ свои товары на гораздо болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ при продажѣ чрезъ скупщиковъ, заботящихся, понятно, не о кустаряхъ, а только о своей наживѣ. Но такъ какъ одни кустари умѣютъ дѣлать только однѣ вещи, другіе кустари—другія, многія земства помогаютъ имъ соединяться въ большія артели, которыя въ силахъ уже покупать для своихъ занятій дорогія и сложныя машины и вырабатывать болѣе цѣнныя издѣлія, обходящіяся имъ

самимъ значительно дешевле. Такъ, сейчасъ существуютъ уже въ Вятской губерніи большія артели, выдѣлывающія хорошія молотилки, жнеи и другія сельско-хозяйственныя машины; въ другихъ мѣстахъ—другія артели. Нечего и говорить, что въ артеляхъ работа становится еще болѣе выгодною,и дружныя артели живутъ въ достаткѣ и даже богатѣютъ.

Торговля. Великоруссы издавна отличались торговой сметкой и любовью къ торговлѣ. Съ самыхъ давнихъ временъ они заводили торговлю съ греками, съ нѣмцами, съ азіатскими народами. И теперь великоруссы торгуютъ не только товарами, дѣлающимися въ Россіи, и съ своими же, русскими покупателями, но и закупаютъ много товаровъ у другихъ народовъ, продавая имъ въ свою очередь свои товары. Съ Франціей, Англіей, Германіей, Австріей, Италіей и другими европейскими государствами мы торгуемъ, перевозя къ нимъ свои товары и получая отъ нихъ ихъ товары морями — на пароходахъ и сухимъ путемъ—по желѣзнымъ дорогамъ. Въ европейскія страны мы продаемъ главнымъ образомъ то, что даетъ намъ наше сельское хозяйство: зерновой хлѣбъ, свиней, сало, кожи, мѣха, яйца, рыбу, воскъ и медъ, пеньку, лѣсъ, потомъ керосинъ, сахаръ и нѣкоторыя другія произведенія, отъ нихъ же мы получаемъ не сырье, а различныя издѣлія, которыя выдѣлываются у нихъ лучше и дешевле нашего, какъ-то: разныя машины, орудія, многія стальныя и желѣзныя мелкія издѣлія, сукна, шелковыя матеріи, разныя бездѣлушки и предметы роскоши (всякія украшенія) и т. д. Кромѣ того великоруссы ведутъ большую торговлю съ тѣми полудикими народами, которые живутъ въ Азіи и входятъ теперь, большею частью, въ составъ русскаго государства, частью же съ самостоятельнымъ большимъ азіат-

скимъ государствомъ—Китаемъ. У китайцевъ мы покупаемъ главнымъ образомъ чай, который хоть и растетъ въ Китаѣ, но давно уже сталъ любимымъ русскимъ напиткомъ, потомъ шелковыя матеріи и сырой шелкъ въ видѣ нитокъ; у полудикихъ азіатскихъ народовъ мы покупаемъ главнымъ образомъ добычу ихъ охоты — дорогіе мѣха, сами же мы продаемъ имъ наши издѣлія: полотна, сукна, желѣзныя и мѣдныя издѣлія (особенно пошли въ ходъ наши самовары), сахаръ, керосинъ, зерновой хлѣбъ, водку и т. д.

Внутри государства между собой великоруссы торгуютъ всякими необходимыми для жизни вещами, выдѣлываемыми и у насъ, и покупаемыми въ другихъ странахъ.

Крупная торговля, когда покупается сразу множество товару, или такъ называемая оптовая торговля ведется изъ большихъ складовъ и магазиновъ въ большихъ городахъ, въ маленькихъ же городкахъ, въ селахъ и деревняхъ ведется больше мелочная, розничная торговля изъ небольшихъ лавочекъ; лица, занимающіяся торговлею, называются у насъ купцами. Совершенно особый видъ торговцевъ представляютъ наши коробейники или, какъ ихъ зовутъ иначе, офени. Эти коробейники, которыхъ особенно много выходитъ изъ бойкихъ и разбитныхъ ярославцевъ, закупаютъ въ большихъ городахъ небольшія партіи самыхъ разнообразныхъ товаровъ, укладывающихся въ одинъ коробъ, который такой торговецъ несетъ за спиною, разнося пѣшкомъ свои товары по селамъ и деревнямъ во всѣ концы Россіи. Такой коробейникъ отправляется въ путь на много мѣсяцевъ; даже распродавъ свои товары, онъ рѣдко сейчасъ же возвращается домой, но, добравшись до перваго большого города, онъ закупаетъ новый товаръ и вновь несетъ его по селамъ и деревнямъ. Хорошій и ловкій

коробейникъ, выйдя изъ своего родного Ярославля въ Москву, отправляется съ московскими товарами дальше и умудряется съ коробомъ за спиною и съ палочкой въ рукѣ пробраться и въ Астрахань, и въ Архангельскъ, и въ Пермь — словомъ, во всякіе закоулки нашего обширнаго отечества. И чего, чего только нѣтъ у него въ коробкѣ! Тутъ у него и букварь, и книжка найдется, тутъ же рядомъ съ ними лежатъ пуговицы, мыло, цвѣтные платки, ситцы, кружева — словомъ, всякій такой товаръ, за которымъ крестьянамъ, а особенно крестьянкамъ, составляющимъ главныхъ покупательницъ коробейниковъ, надо было бы ѣхать въ городъ, а коробейникъ тутъ какъ тутъ; ловкій малый сумѣетъ во-время развязать свой коробъ и такъ показать глазѣющимъ ребятишкамъ и женщинамъ свой товаръ, такъ его расхвалить, что у тѣхъ и глаза на него разгорятся; иная и не хотѣла бы, а глядишь—соблазнилась и купила себѣ какую-нибудь обнову. Есть еще особые торговцы, что продаютъ по деревнямъ свои товары не на деньги, которыхъ мало у крестьянъ, а въ обмѣнъ на зерновой хлѣбъ, яйца, масло, куръ и другіе сельскіе продукты; такіе торговцы-мѣнялы ѣздятъ въ телѣжкахъ, потому что намѣнянныхъ у крестьянъ товаровъ на рукахъ не унесешь. Но разносчики-коробейники и торговцы-мѣнялы—народъ для крестьянъ безобидный,—цѣны они держатъ не очень уже дорогія, къ тому же товаръ у нихъ хочешь покупай, хочешь — нѣтъ. Но сущее зло для крестьянъ составляютъ наѣзжіе скупщики или свои же богатеи-кулаки, промышляющіе тѣмъ, что, хорошо вызнавъ время, когда крестьянамъ особенно нужны деньги, они охотно даютъ ихъ въ долгъ, забирая потомъ въ уплату долга хлѣбъ и всякіе другіе продукты крестьянскаго хозяйства по самымъ дешевымъ цѣнамъ; перепро-

давая потомъ въ городѣ тѣ же продукты по настоящимъ цѣнамъ, они наживаютъ огромные барыши и раззоряютъ, конечно, крестьянъ, принужденныхъ дешево продавать имъ то, что самимъ крестьянамъ достается тяжелымъ трудомъ. Борьба съ этими скупщиками и кулаками крайне затруднительна, потому что вѣдь въ концѣ концевъ во времена безденежья крестьяне сами же обращаются къ этимъ лицамъ за деньгами и рады получить нужныя имъ деньги на какихъ-угодно условіяхъ. Въ самое послѣднее время вышло, впрочемъ, для крестьянъ большое облегченіе, такъ какъ недавно изданъ законъ, по которому казенныя подати собираютъ съ крестьянъ по осени, когда они уже убрали хлѣбъ и могли собраться съ деньгами. Обыкновенно купцы торгуютъ въ своихъ постоянныхъ помѣщеніяхъ круглый годъ. Но въ Россіи съ давнихъ поръ существуютъ ярмарки, т. е. торговля во временныхъ помѣщеніяхъ, происходящая только въ извѣстные, опредѣленные дни въ году. Ярмарочный торгъ длится, обыкновенно, всего нѣсколько дней, только на очень большихъ ярмаркахъ, въ родѣ Нижегородской (Макарьевской) или Ирбитской, торгъ длится по двѣ недѣли и болѣе.. На ярмарки купцы съѣзжаются изъ разныхъ мѣстъ, иногда издалека, а на Макарьевскую ярмарку, которая длится отъ 15 іюля и по 15 августа,—прямо со всѣхъ концовъ Россіи. Въ старину, когда пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ не было, ярмарки были удобны тѣмъ, что хоть разъ или два въ годъ можно было запастись на нихъ самыми различными товарами, которыхъ нѣтъ на мѣстѣ. Къ ярмарочнымъ срокамъ пріурочивалась и доставка товаровъ. Теперь же на пароходахъ или по желѣзной дорогѣ товары доставляются скоро и во всякое время, такъ что ярмарки постепенно приходятъ въ упадокъ. Если Макарьевская и

Ирбитская ярмарки все еще очень многолюдны, и на нихъ дѣлаются большія закупки, такъ это главнымъ образомъ потому, что всѣ товары изъ Сибири до самаго послѣдняго времени шли обозами; сибирскіе купцы должны, слѣдовательно, и свои товары привезти и распродать сразу и тутъ же закупить годовой запасъ необходимыхъ для нихъ товаровъ. Проведенная теперь въ Сибирь желѣзная дорога уменьшитъ, вѣроятно, значеніе этихъ ярмарокъ; но едва ли онѣ исчезнутъ совсѣмъ, такъ какъ одна желѣзно-дорожная линія всѣхъ сибирскихъ товаровъ не перевезетъ. Пока Сибирь не покроется цѣлою сѣтью дорогъ, Макарьевская и Ирбитская ярмарки будутъ еще, вѣроятно, существовать.

VII.

Осѣдлое и подвижное населеніе.—Отхожіе промыслы.—Переселенческое движеніе.

Наши предки искони были народомъ подвижнымъ, не любившимъ долго засиживаться на одномъ мѣстѣ. Цѣлыми племенами долго бродили они съ мѣста на мѣсто, пока не осѣли окончательно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ и понынѣ сидитъ великорусское населеніе. Раньше мы уже говорили о томъ, какъ подвижная свободолюбивая новгородская молодежь, двигаясь все дальше и дальше, захватила, наконецъ, огромныя земли до Бѣлаго моря и Ледовитаго океана на сѣверъ, до Уральскихъ горъ на востокъ, а потомъ, перейдя и чрезъ Уральскія горы, она покорила и Сибирь. Но и потомъ, завладѣвъ окончательно занятыми ими землями, великоруссы не могли успокоиться, и свободные земледѣльцы, какъ мы уже видѣли, часто переходили съ земель одного боярина

или князя на земли другого, пока прикрѣпленіе къ землѣ не положило конца этому движенію. Такой подвижности способствовалъ и самый тогдашній порядокъ обработки земли. Въ тѣ отдаленныя времена пахотную землю приходилось отвоевывать отъ лѣса, который выжигался огнемъ; по выжженному мѣсту дѣлались уже посѣвы. Удобренія земли и отдыха подъ паромъ тогда еще не дѣлали, но послѣ двухъ-трехъ, много четырехъ посѣвовъ подъ-рядъ пашня истощалась окончательно и ее бросали для того, чтобы итти и выжечь новое мѣсто, приготовивъ новую пашню, благо нетронутыхъ земель было много. Теперь народу расплодилось много, земли лишней нѣтъ, но передвиженія съ мѣста на мѣсто не прекратились, только причина ихъ теперь совсѣмъ другая, чѣмъ была прежде: прежде двигались съ мѣста на мѣсто потому, что земли было много и было изъ чего выбирать, теперь двигаются потому, что во многихъ мѣстахъ земли стало такъ мало или же земля такъ плохо родитъ, что отъ нея одной не прокормишься. Крупные помѣщики нужды въ этомъ, конечно, не испытываютъ и живутъ на своихъ земляхъ; мало имѣютъ охоты къ передвиженію съ мѣста на мѣсто и горожане, живущіе торговлей, ремеслами и различными другими занятіями, не земледѣліемъ; но земледѣльцамъ изъ крестьянъ во многихъ мѣстахъ приходится туго. Въ иныхъ мѣстахъ при самомъ своемъ освобожденіи крестьяне сами выбрали себѣ малые надѣлы, чтобы меньше платить за нихъ; въ другихъ мѣстахъ надѣлы были и достаточно велики по тому времени, да теперь населеніе сильно размножилось, и на каждаго приходится такъ мало земли, что при нашемъ хозяйничаньи по стариннымъ способамъ отъ такого количества земли никакъ не прокормишься. Поэтому въ иныхъ мѣстахъ крестьяне занима-

ются кустарными промыслами, ремеслами, въ иныхъ помогаетъ имъ рыболовство или охота на звѣря и птицу; гдѣ есть по близости различные заводы и фабрики, народъ находитъ на нихъ заработки. Но во многихъ мѣстахъ ничего подходящаго не находится. Изъ такихъ мѣстъ народъ въ поискахъ за работой расходится повсюду, гдѣ только можно найти работу, заходя и заѣзжая на пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ иногда за много сотенъ верстъ отъ своихъ родныхъ селъ и деревень. Лучше всего извѣстны крестьянину, конечно, сельско-хозяйственныя работы, которыми онъ занимался искони, и вотъ изъ мѣстъ, гдѣ нѣтъ достаточнаго количества земли, къ которой можно было бы приложить руки, поднимаются косари и жнецы и двигаются гдѣ пѣшкомъ, гдѣ на пароходѣ или чугункѣ, двигаются цѣлыми массами туда, гдѣ земли много и родитъ она щедро, а своихъ рабочихъ рукъ мало. Движутся они больше на югъ Россіи, въ привольныя придонскія и приднѣпровскія земли, гдѣ земля родитъ такъ обильно, что богатые землевладѣльцы не находятъ достаточнаго количества рабочихъ изъ своихъ мѣстныхъ жителей, которыхъ и своя земля можетъ прокормить. Кончатся хозяйственныя работы, и пришлецы опять возвращаются къ оставленнымъ ими семьямъ, неся имъ свои заработки. Надо, однако, сознаться, что это движеніе на работы совершается у нихъ довольно-таки безтолково: идетъ народъ на-удачу, больше по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ уже случалось побывать раньше, не справляясь, нужны ли тамъ рабочіе или нѣтъ. Часто случается, что придетъ въ какое-нибудь мѣсто цѣлая толпа рабочихъ, а въ этомъ мѣстѣ неурожай и дѣлать тамъ ровно нечего, приходится искать новаго мѣста, тратиться вновь на переѣзды, а тамъ, глядишь, и время-то работъ ушло,—приходится иногда воз-

вращаться домой, не солоно хлебавши, возвращаться безъ гроша въ карманѣ, пѣшкомъ, питаясь, подчасъ, именемъ Христовымъ. Если бы наши крестьяне были бы чуточку пограмотнѣе, они сообразили бы, что итти на авось, не зная, будетъ ли толкъ, совсѣмъ не зачѣмъ, что можно было бы послать телеграмму съ запросомъ, есть ли въ этомъ мѣстѣ нужда въ рабочихъ, что и присутственныя мѣста и земства, да и частные владѣльцы, если имъ послать телеграмму, особенно оплативъ заранѣе и отвѣтъ на нее, не откажутся отвѣтить. Но въ томъ-то и бѣда, что у насъ между крестьянами мало еще грамотеевъ, а какъ послать телеграмму, куда ее направить, какъ устроить, чтобы и отвѣтная телеграмма была оплачена (свои вѣдь деньги тратить на отвѣтъ никто не захочетъ) — даже и большинство грамотеевъ изъ крестьянъ не знаетъ. Теперь, впрочемъ, справки навести еще проще: во многія мѣста, откуда идетъ на работу особенно много народу, въ волостныхъ правленіяхъ присылаютъ извѣщенія о томъ, гдѣ нужны рабочіе и въ большомъ ли числѣ, такъ что, и не выѣзжая изъ своей волости, можно узнать, куда лучше всего направиться. Но и такую-то справку по своей темнотѣ и по надеждѣ на „авось да небось“ часто не хочетъ сдѣлать нашъ крестьянинъ, и идутъ цѣлыя толпы на авось, а авось-то очень часто не выручаетъ!

Заработки на сторонѣ, вдали отъ своихъ родныхъ селъ и деревень, носятъ названіе „отхожихъ промысловъ“. На отхожіе промыслы идутъ не одни только земледѣльцы, но и каменщики, плотники, столяры, землекопы и другіе ремесленники. Обыкновенно бываетъ такъ, что въ однихъ деревняхъ и селахъ уходятъ все плотники, въ другихъ только землекопы, какъ гдѣ изстари повелось. Но въ великорусскомъ крестьянинѣ

крѣпко сидитъ любовь къ землѣ и къ земледѣлію, такъ что, и занимаясь ремеслами, крестьяне рѣдко покидаютъ свою землю окончательно, даромъ, что она кормитъ ихъ плохо и скудно: каменьщики, землекопы, столяры и другіе ремесленники отправляются на заработки, обыкновенно осенью, по окончаніи уборки своего урожая, работаютъ они въ большихъ городахъ только до весны; къ веснѣ же, то-есть ко времени начала полевыхъ работъ, они возвращаются, обыкновенно къ себѣ домой, чтобы все лѣто заниматься обработкою своей земли. Если же нѣкоторые изъ ремесленниковъ и остаются въ городахъ и на лѣто, то только въ такомъ расчетѣ, чтобы въ ихъ семьѣ осталось достаточно работниковъ для обработки земли; если же семья малолюдна, ремесленникъ-крестьянинъ на лѣто вернется домой. Совершенно такъ же поступаютъ и тѣ изъ крестьянъ, которые уходятъ на заработки на разныя фабрики и заводы,—и туда идутъ, если можно, то только на осень и зиму; если же для фабрики требуются постоянные, годовые рабочіе, то уходятъ на работу только изъ такихъ семей, гдѣ, и по уходѣ одного или двухъ, останется еще столько работниковъ, сколько нужно для обработки земли. На фабрики и заводы уходятъ часто не только мужчины, но и женщины, и дѣвушки. Но въ иныхъ мѣстахъ мало фабрикъ и заводовъ по близости, мало и такихъ большихъ городовъ, гдѣ всегда найдутъ себѣ дѣло ремесленники, а вмѣстѣ съ тѣмъ и любовь къ землѣ такъ велика, что крестьяне съ неохотой идутъ на занятія ремеслами, но предпочитаютъ трудъ земледѣльческій.

Крестьяне такихъ злополучныхъ мѣстъ, когда нужда очень уже придавитъ ихъ, ищутъ по старой памяти „свободныхъ земель“, куда бы можно было переселиться. Переселяются, обыкновенно, всѣми семьями съ женами,

съ дѣтьми, со всѣмъ имуществомъ, какое только можно захватить съ собой. Появившись на новомъ мѣстѣ, сейчасъ же начинаютъ строить деревни, распахивать землю и остаются тамъ, если мѣсто удачно выбрано, уже навсегда. Да бѣда только въ томъ, что „свободныхъ"-то земель нынче стало очень уже немного. Ищутъ свободныхъ земель больше всего въ Сибири, а особенно въ Приамурскомъ краѣ, о которомъ у нашихъ крестьянъ, частью по слухамъ, частью на основаніи писемъ тѣхъ изъ односельчанъ, которымъ удалось тамъ хорошо устроиться, составилось понятіе, какъ о какомъ-то необыкновенномъ краѣ, гдѣ, какъ въ сказкѣ говорится, текутъ рѣки молочныя, а берега у нихъ кисельные. На самомъ же дѣлѣ никакихъ молочныхъ рѣкъ съ кисельными берегами ни на Амурѣ, ни въ Сибири не существуетъ. Есть, конечно, тамъ земли, мало еще заселенныя, гдѣ государство охотно отводитъ крестьянамъ большія угодья и даетъ даже пособіе на устройство домовъ и первое обзаведеніе; только въ этихъ мѣстахъ и погода не такая, какъ у насъ, и посѣвы надо дѣлать въ иное время, чѣмъ у насъ, въ средней Россіи, словомъ—устроиться тамъ можно, да только умѣючи, знаючи, какъ за дѣло взяться. А вотъ этого-то часто у нашихъ крестьянъ и нѣтъ. Правда, прежде чѣмъ рѣшиться поселиться на новыхъ мѣстахъ, крестьянскія общества сколачиваютъ съ грѣхомъ пополамъ кое-какія деньжонки, на которыя и снаряжаютъ выбранныхъ ими „ходоковъ", чтобы тѣ добрались до новыхъ земель и осмотрѣли бы ихъ, точно ли они удобны для поселенія. Да вся бѣда въ томъ, что и ходоки-то большею частью люди темные: часто они не умѣютъ и не могутъ разузнать хорошенько всѣ хорошія и дурныя стороны новой земли, еще чаще ихъ обманываютъ, наговоривъ имъ всякихъ

небылицъ, тѣ недобросовѣстные люди, которые хотятъ продать свои никуда негодныя земли въ отдаленномъ краю, или которымъ просто почему-нибудь выгодно, чтобы въ ихъ мѣстахъ поселилось много народу. Обмануть же темныхъ, часто неграмотныхъ и несвѣдущихъ ходоковъ людямъ дошлымъ и бывалымъ—совсѣмъ не трудно. Прежде всего ходоки идутъ осматривать землю лѣтомъ; придутъ они на мѣсто и увидятъ, что земля точно какъ будто хороша, тучна, есть и рѣчки, и сѣнокосъ, и лѣсокъ, словомъ—все хорошо, и уходятъ они домой счастливые и довольные, и возвѣщаютъ своимъ односельчанамъ, что тамъ не земля, а рай. Какъ же не повѣрить своимъ же выборнымъ, людямъ почтеннымъ, не лживымъ, видѣвшимъ все своими глазами, какъ же имъ не повѣрить, когда здѣсь нужда одолѣла, когда самому хочется вѣрить въ свое счастливое будущее! И распродаютъ оголодавшіе крестьяне все лишнее, чего нельзя взять съ собой, распродаютъ по нуждѣ за безцѣнокъ, и поднимаются чуть не цѣлой деревней, и ѣдутъ въ землю обѣтованную, ѣдутъ съ женами, съ малыми ребятами, терпя всякія мытарства въ переселенческихъ желѣзно-дорожныхъ вагонахъ, наскоро приспособленныхъ изъ простыхъ товарныхъ вагоновъ. Пріѣхали на мѣсто,—земля точно на видъ хороша. Да вотъ бѣда,—пришелъ апрѣль, пора бы сѣять, а въ поляхъ все снѣгъ; снѣгъ стаялъ только къ маю, посѣяли свои привезенныя изъ дому сѣмена, начались и всходы, а въ началѣ августа, а то еще и въ серединѣ іюля грянулъ вдругъ морозъ, и все погибло. Оказывается, что на этой хорошей землѣ и сѣять-то нашихъ хлѣбовъ нельзя,—никакъ не могутъ они вызрѣть. И начинается страшная нужда, голодъ, болѣзни, а заработковъ на сторонѣ не найдешь, обезсиленные, потерявшіе чуть не всѣхъ дѣ-

тей, а то такъ и половину взрослыхъ, должны несчастные переселенцы подниматься и искать новыхъ мѣстъ за сотни и тысячи верстъ, а то такъ и возвращаться домой, гдѣ ждетъ ихъ еще горшая, чѣмъ прежде, нужда, потому что вѣдь и домишки-то проданы, и все лишнее имущество роздано и распродано! Такія злосчастія случаются съ нашими переселенцами очень часто; бываетъ, правда, и такъ, что они удержатся кое-какъ на новомъ мѣстѣ, но живутъ не лучше, чѣмъ прежде. Между тѣмъ переселенческое движеніе у насъ значительно, и ежегодно переселяется въ Сибирь и на Амуръ по нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ, часть которыхъ уходитъ, однако, назадъ. Но если переселиться съ толкомъ, узнавъ, гдѣ какая погода бываетъ, какой хлѣбъ надо сѣять и когда его сѣять, то и въ Сибири и по Амуру можно еще найти много мѣстъ, гдѣ великорусскій крестьянинъ съ его любовью къ землѣ и трудолюбіемъ могъ бы устроиться и прожить безбѣдно. Трудно только самому все это вызнать; хорошо образованный человѣкъ нашелъ бы много необходимыхъ свѣдѣній въ книжкахъ, да для того, чтобы въ такихъ книжкахъ разобраться, для того даже, чтобы и разыскать-то ихъ, мало быть только грамотнымъ, надо многое знать, понимать, надо, словомъ, быть человѣкомъ образованнымъ. Чтобы помочь переселенческому горю, теперь дѣлается многое: переселеніе безъ разрѣшенія начальства не позволяется, разрѣшеніе же на поселеніе выдается только послѣ наведенія справокъ о качествѣ земель чрезъ чиновниковъ тѣхъ мѣстъ, куда хотятъ поселиться. Въ волостныя правленія тѣхъ мѣстностей, гдѣ всего тѣснѣе живется и откуда народъ всего больше выселяется, доставляются свѣдѣнія, гдѣ и какого рода свободны и годны къ переселенію земли имѣются въ настоящее

время. Во многихъ городахъ, чрезъ которые лежитъ обычный путь переселенцевъ, устроены особыя переселенческія конторы; при этихъ конторахъ имѣются часто бараки, гдѣ могли бы отдохнуть уставшіе отъ долгаго пути переселенцы; тамъ же можно получить и горячую пищу, столь необходимую послѣ долгаго сухоѣденія въ вагонахъ. Чрезъ эти же конторы направляются и ходоки для осмотра земель; тамъ же особые чиновники даютъ и всевозможныя свѣдѣнія и указанія, гдѣ лежатъ годныя для переселенія земли, какъ лучше до нихъ добраться; если это можно, такъ тамъ же помогутъ и договориться съ пароходчиками или съ желѣзнодорожнымъ начальствомъ на счетъ болѣе удобнаго и болѣе дешеваго проѣзда. Такія конторы существуютъ въ Оренбургѣ, Самарѣ, Челябинскѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ, лежащихъ на путяхъ переселенія въ Сибирь и на Амуръ.

VIII.

Духовная жизнь великоруссовъ: религія, вѣрованія, характеръ.

Мы знаемъ теперь, откуда взялись великоруссы, кѣмъ и какъ они управляются, каковъ ихъ наружный видъ, одежды, жилища, занятія и т. д. Но для того, чтобы еще лучше узнать какой-нибудь народъ, чтобы узнать о немъ самую суть, надо поближе познакомиться съ такъ называемой духовной его жизнью, т.-е. надо узнать, во что народъ вѣруетъ, о чемъ онъ думаетъ, какъ онъ смотритъ на свою жизнь, на окружающую природу, на своихъ ближнихъ и на своихъ враговъ. Духовная жизнь одного человѣка настолько не похожа на духовную жизнь другого человѣка, что врядъ ли сыщется въ цѣ-

ломъ мірѣ два человѣка, во всемъ другъ на друга похожихъ; но, несмотря на это, есть нѣкоторыя особенности или, какъ это принято говорить, нѣкоторыя стороны духовной жизни, чаще встрѣчающіяся у однихъ народовъ, чѣмъ у другихъ. Живой, умный, веселый, немножко легкомысленный французъ, напримѣръ, непохожъ на терпѣливаго, тяжеловатаго на подъемъ, не быстро соображающаго, но основательно обдумывающаго нѣмца; этотъ въ свою очередь непохожъ на великорусса и т. д. Различія въ характерѣ отдѣльныхъ народовъ происходятъ отъ многихъ причинъ: тутъ имѣетъ значеніе и самое происхожденіе, такъ сказать, порода племени; важно и то, какъ проходила жизнь народа, съ кѣмъ приходилось ему сосѣдить: потому, какъ никакъ, а нельзя кое-что и не перенять отъ своихъ сосѣдей; важно и то, что довелось народу пережить и вытерпѣть, въ какихъ мѣстахъ онъ жилъ. Судьба одного народа непохожа на судьбу другого, а это всегда сказывается и на характерѣ народа, и на всей его духовной жизни. Духовная жизнь человѣка очень разнообразна, сложна, и изучить ее со всѣхъ сторонъ дѣло слишкомъ мудреное. Мы, поэтому, будемъ говорить лишь о немногихъ главнѣйшихъ сторонахъ этой жизни, больше другихъ замѣтныхъ и больше другихъ отличающихъ одни народы отъ другихъ. Мы займемся, главнымъ образомъ, религіей великоруссовъ, ихъ характеромъ и ихъ отношеніемъ къ своимъ близкимъ сосѣдямъ и къ чужимъ народамъ, къ своей семьѣ и къ различнымъ горестямъ и радостямъ своей жизни, потому что въ этомъ-то скорѣе всего сказываются особенности человѣческаго духа, въ этихъ, слѣдовательно, вещахъ человѣкъ лучше всего познается.

По вѣроисповѣданію (религіи) мы, великоруссы, принадлежимъ къ христіанамъ, т.-е. вѣруемъ во Единаго

Бога, являющагося въ трехъ лицахъ: Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святаго. Чтобы лучше понять отличіе нашей вѣры отъ другихъ, скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какія вообще, кромѣ христіанской, существуютъ на свѣтѣ религіи. Самые темные и дикіе народы придерживаются такъ называемыхъ языческихъ религій многобожія, т. е. они вѣрятъ, что существуетъ много различныхъ боговъ, вѣдающихъ каждый свою часть; по ихъ мнѣнію, существуютъ боги земли, боги воды, солнца, лѣсовъ, боги—покровители скота, покровители земледѣлія и т. д., боги добрые и боги злые. У менѣе дикихъ, болѣе развитыхъ народовъ многіе боги считаются уже подчиненными одному главному доброму богу, другіе добрые боги являются младшими, какъ бы его помощниками; ему же подчиняются и злые боги (демоны), которые, хоть и причиняютъ людямъ всяческія бѣды и напасти, но не иначе, какъ съ соизволенія (разрѣшенія) главнаго высшаго бога. Такова, напримѣръ, вѣра буддійская, которую исповѣдуютъ многіе азіатскіе народы, а изъ народовъ, живущихъ въ Россіи,—буряты, калмыки и другіе; таковы же вѣрованія и многомилліоннаго китайскаго народа. Но если не считать китайцевъ, то окажется, что большинство народовъ, вышедшихъ изъ дикаго состоянія, т. е. занимающихся земледѣліемъ, ремеслами и другими занятіями, требующими не кочевого, а осѣдлаго быта, т. е. житья на одномъ и томъ же мѣстѣ,—придерживается уже религій единобожія, вѣрятъ, слѣдовательно, въ одного только Бога, создавшаго міръ и имъ правящаго. Наиболѣе распространенными религіями единобожія являются христіанская, магометанская и еврейская религіи. Магометанскую религію исповѣдаютъ очень многіе народы, напримѣръ, арабы, турки, а изъ живущихъ въ Россіи—татары, киргизы, туркмены, сарты

и другіе народы. Отъ христіанскихъ религій магометанская отличается тѣмъ, что, вѣря въ Единаго Бога, магометане не вѣруютъ въ Святую Троицу, Духа Божьяго они совсѣмъ не знаютъ, Іисуса же Христа считаютъ только за одного изъ пророковъ, которыхъ было много, но главный пророкъ, давшій людямъ истинную (по ихъ понятіямъ) вѣру, былъ Магометъ, по имени котораго и религія названа магометанской. Евреи вѣрятъ такъ же, какъ и мы, въ Святую Троицу, разница съ христіанами состоитъ лишь въ томъ, что евреи не признали Іисуса Христа за Сына Божьяго, пришедшаго спасти міръ, но и до сихъ поръ все еще ожидаютъ, что Сынъ Божій, по обѣщанію древнихъ пророковъ, придетъ на землю.

Великоруссы называются не только христіанами, но еще православными христіанами, въ отличіе отъ религіи католиковъ (французы, поляки, часть нѣмцевъ, итальянцы и другіе народы), лютеранъ (нѣмцы, шведы) и другихъ христіанскихъ же религій. Разница между отдѣльными христіанскими религіями въ общемъ не велика и больше касается обрядовъ и отдѣльныхъ подробностей; но всѣ христіане одинаково вѣрятъ во Единаго Бога въ трехъ лицахъ и признаютъ, что Сынъ Божій Іисусъ Христосъ уже пришелъ на землю и пострадалъ за грѣхи человѣческіе. Въ старыя времена, болѣе 900 лѣтъ тому назадъ наши предки были еще язычниками, и вѣрили, какъ это мы говорили уже выше, во многихъ боговъ, православіе же мы приняли при св. князѣ Владимирѣ отъ грековъ, съ которыми мы познакомились, ведя съ ними съ давнихъ временъ торговлю.

Сознавъ превосходство христіанской религіи передъ языческой, великоруссы приняли ее и привязались къ ней всѣмъ сердцемъ и всей душой, такъ что вѣра ве-

ликорусса отличается своей глубиной, своей силой. Какъ бы ни были тяжелы внѣшнія обстоятельства, какія бы бѣды ни пали на голову великорусса, онъ (особенно великорусскій крестьянинъ) не оскудѣваетъ терпѣніемъ, не ропщетъ на свою судьбу, но, твердо вѣруя, что всѣ бѣды являются лишь наказаніемъ за его грѣхи, въ несчастіи всего охотнѣе прибѣгаетъ къ молитвѣ и глубоко вѣритъ въ то, что Господь смилуется надъ нимъ и пошлетъ лучшіе дни. Въ своей вѣрѣ великоруссъ находитъ силу для перенесенія всѣхъ невзгодъ, такъ что не даромъ всѣ иностранцы признаютъ, что русскій человѣкъ крѣпокъ и силенъ своей вѣрой.

Много великорусской крови было пролито въ то далекое время, когда отдѣльныя великорусскія княжества еще не соединились вмѣстѣ, и каждое княжество само отстаивало свою свободу и свою вѣру отъ иноплеменныхъ и иновѣрныхъ враговъ. Но потомъ единая вѣра всѣхъ княжествъ помогла имъ соединиться вмѣстѣ и составить одно сильное и могучее государство, на вѣру котораго никто уже не могъ покушаться. Сдѣлавшись самымъ сильнымъ изъ всѣхъ государствъ, принявшихъ православную вѣру, Россія сама уже стала приходить на помощь единовѣрнымъ съ нею государствамъ, тѣснимымъ главнымъ образомъ воинственными и храбрыми, исповѣдующими магометанскую религію, турками. Такъ уже при императорѣ Николаѣ Павловичѣ (отцѣ Царя-Освободителя Александра Николаевича) русскіе вмѣстѣ съ двумя другими христіанскими народами—французами и англичанами—боролись съ турками, подчинившими себѣ грековъ, боролись до тѣхъ поръ, пока турки не должны были, наконецъ, вернуть грекамъ ихъ свободу и прекратить преслѣдованія христіанъ. Принявъ отъ грековъ православіе въ 998 г., почти чрезъ тысячу лѣтъ мы

такимъ образомъ отблагодарили ихъ, сохранивъ имъ ихъ свободу и православную вѣру. Въ 1878 году, при Александрѣ II, мы опять воевали съ турками за освобожденіе порабощенныхъ и звѣрски мучимыхъ ими православныхъ нашихъ сородичей — славянъ, сербовъ и болгаръ.

Всякій человѣкъ любитъ жизнь и боится смерти; но одни люди, при приближеніи смерти, приходятъ въ отчаяніе, малодушествуютъ, другіе встрѣчаютъ ее спокойнѣе. Великоруссы, твердо вѣруя въ милосердіе Божіе, умираютъ большею частію съ поразительнымъ спокойствіемъ и смиреніемъ, съ надеждою на лучшую жизнь въ будущемъ. Та же вѣра въ будущее даетъ великоруссамъ величайшее мужество и храбрость во время войны. Но, смѣло сражаясь съ врагомъ, солдатъ-великоруссъ остается по натурѣ незлобливымъ и мягкосердечнымъ человѣкомъ. Кончается сраженіе, назначено перемиріе для отдыха и для подбиранія раненыхъ и убитыхъ, и усталый, еще неостывшій, какъ слѣдуетъ, послѣ сраженія, нашъ солдатикъ охотно вступаетъ въ общеніе съ непріятелемъ, мирно бесѣдуя съ нимъ за незнаніемъ чужаго языка знаками и подчуя его водкой изъ своей манерки (походная бутылочка) и забористымъ русскимъ табачкомъ. Мягкосердечіе и жалостливость русскаго солдата сказывается, между прочимъ, и въ томъ, что во многихъ частяхъ войскъ нерѣдко имѣются свои ротныя или полковыя дѣти. Это, большею частью, дѣти, лишившіяся своихъ родителей и подобранныя послѣ сраженія солдатиками, которые, несмотря на всѣ трудности походной жизни, возятся съ такими найденышами, поятъ, кормятъ ихъ изъ своего солдатскаго котла, а, вернувшись на родину, продолжаютъ свои заботы о нихъ и въ мирное время, собирая и съ офицеровъ и съ сол-

дать всего полка посильную ленту на прокормленіе и воспитаніе такихъ полковыхъ дѣтей.

Тяжелое прошлое великоруссовъ, когда они принуждены были бороться за свое существованіе съ многочисленными врагами, а еще больше съ суровой погодой, нерѣдко губящей посѣвы, въ которые вложено столько труда, и обрекающей народъ на частыя голодовки, закалили характеръ великоруссовъ и научили ихъ умѣнію выносить всякія невзгоды и переносить такія лишенія и бѣды, какихъ не вынесетъ, пожалуй, другой народъ; не даромъ же у насъ сложилась поговорка: „что русскому здорово, то нѣмцу карачунъ“. Къ хорошимъ отличительнымъ чертамъ великоруссовъ, равно какъ и другихъ славянскихъ племенъ, надо отнести ихъ гостепріимство: страннему человѣку, кто бы онъ ни былъ, великоруссъ никогда не откажетъ ни въ кровѣ, ни въ пищѣ, ни въ посильной помощи, не спрашивая, кто онъ, куда и зачѣмъ идетъ, не задаваясь даже вопросомъ о томъ, что онъ пріютитъ у себя, быть можетъ, лихаго человѣка. Несмотря на всю скудость своего достоянія, великорусскій крестьянинъ отличается большою щедростью и дѣлится охотно, чѣмъ можетъ, съ странникомъ, съ гостемъ, охотно удѣляетъ онъ отъ своего черстваго куска хлѣба добрую краюху и нищему, такъ что едва ли найдется другой народъ, который такъ щедро дѣлился бы съ неимущими, какъ великоруссы: великоруссъ самъ много и часто бѣдствовалъ, а потому и знаетъ, какъ тяжело приходится тому, кто впалъ въ бѣдность. Вмѣстѣ съ тѣмъ великоруссы отличаются отъ всѣхъ другихъ народовъ своимъ совсѣмъ особеннымъ отношеніемъ къ людямъ, впавшимъ въ преступленія. Вмѣсто того, чтобы презирать ихъ и негодовать на нихъ, какъ на людей порочныхъ и опасныхъ для другихъ, ве-

Pl. 6. [illegible]

ликоруссы называютъ арестантовъ „несчастненькими“ и охотно дѣлятся съ ними свободной копеечкой.

До сихъ поръ мы говорили о хорошихъ сторонахъ великоруссовъ. Знать хорошія свои стороны пріятно и важно для насъ, но еще важнѣе не закрывать глаза и на дурныя стороны, хотя бы уже для того, чтобы понявъ, что не все, что наше, что мы дѣлаемъ, то уже и хорошо, и, зная это, умѣть или, по крайней мѣрѣ, стараться отдѣлаться отъ своихъ недостатковъ.

Между недостатками, особенно свойственными великоруссамъ, мы укажемъ прежде всего на рознь, на неумѣнье и нежеланіе соединиться, гдѣ это нужно, и общими силами бороться съ такими бѣдами, борьба съ которыми не подъ силу одному человѣку. Нужда выучила нашихъ предковъ еще въ очень давнія времена жить вмѣстѣ большими поселками и для защиты своего имущества дѣйствовать сообща; сообща же приходилось производить нѣкоторыя работы, непосильныя одному человѣку. Но когда жить стало полегче, когда мирному земледѣльцу не угрожаютъ больше ни дикіе звѣри, ни лихой человѣкъ, ни нашествіе врага,—наклонность къ работѣ сообща, міромъ или артелью стала у насъ ослабѣвать, и каждый норовитъ работать только для себя и на себя; даже близкіе люди и тѣ плохо уживаются другъ съ другомъ: прежде великоруссы жили большими семьями, дѣти и внуки жили вмѣстѣ съ своими дѣдами, а теперь, чуть кто обзавелся своей семьей, сейчасъ уже спѣшитъ отдѣлиться отъ стариковъ и жить въ одиночку. И это совсѣмъ не потому, чтобы жить большими семьями или работать сообща, артелью, стало невыгодно, міръ или многочисленная семья попрежнему сильнѣе и богаче одинокаго человѣка или малосильной семьи. Но для того, чтобы жить и работать сообща, надо умѣть

жить въ ладу съ другими, а вотъ этого-то какъ разъ у насъ и нѣтъ: каждый норовитъ дѣлать только то, что пріятно или удобно ему одному, нисколько не заботясь о томъ, желательно ли и удобно ли это для другихъ. Посмотрите, какъ часто случается у насъ по селамъ и деревнямъ, что большая семья, которая, благодаря обилію рабочихъ рукъ и общему хозяйству, живетъ въ достаткѣ, начинаетъ вдругъ, особенно со смертью большака, ни съ того, ни съ сего ссориться, спорить другъ съ другомъ и кончаетъ раздѣломъ имущества, разселеніемъ на отдѣльныя хозяйства и вслѣдствіе обезсиленія— общимъ захуданіемъ и голодовками. Та же рознь, неумѣніе ужиться вмѣстѣ сдѣлала и то, что прежнія артели, въ которыя соединялись каменщики, плотники, землекопы и другіе рабочіе люди, уходящіе изъ дому на отхожіе промысла, теперь почти совсѣмъ не собираются или, собравшись, сейчасъ же перессорятся и разойдутся, и каждый ищетъ работы въ одиночку и чаще всего нанимается къ богатому подрядчику, который платитъ за работу мало, самъ же беретъ работы по дорогой цѣнѣ, получая въ свою пользу все то, что могло бы остаться у артели, если бы она, собравшись и столковавшись, какъ слѣдуетъ, сама брала бы работы на подрядъ и получала бы всю выручку за работу въ свою пользу. Не меньше оказывается наша рознь и въ мірскихъ общественныхъ дѣлахъ. Кому знакома наша сельская жизнь, тотъ знаетъ, конечно, какъ трудно устроить у насъ теперь какое-нибудь общественное дѣло и потому только трудно, что каждый тянетъ въ свою сторону, и никто не хочетъ поступиться своимъ для общей пользы. Раньше мы уже говорили о томъ, что и въ далекомъ прошломъ наша рознь причиняла намъ много бѣдъ, и мы долгое время не могли сладить съ нашестві-

емъ на насъ монголовъ потому только, что отдѣльныя княжества, отдѣльныя общины занимались ссорами и даже войной другъ съ другомъ вмѣсто того, чтобы соединиться и общими силами побѣдить врага. Еще у нашихъ предковъ замѣчалась особая нелюбовь ко всему иноземному; наши предки и не любопытствовали даже посмотрѣть, какъ живутъ другіе народы, что у нихъ есть хорошаго, достойнаго того, чтобы и намъ перенять; мало того, когда императоръ Петръ Великій, понявшій, что въ то время, пока мы боролись съ монголами, другіе народы, живя спокойнѣе, успѣли придумать много хорошихъ вещей и полезныхъ обычаевъ, задумалъ перенести эти вещи и обычаи къ намъ,—наши предки ни за что не хотѣли принимать ничего чужеземнаго не потому, чтобы это было плохо, а только потому, что это чужеземное; при этомъ наши предки не хотѣли понять, что разъ какая-нибудь выдумка хороша, она не станетъ хуже отъ того, что ее выдумалъ не свой человѣкъ, а иностранецъ. Не видя, какъ живутъ другіе, болѣе образованные народы, великоруссы издревле привыкли считать хорошимъ только свое, къ чужеземцамъ же они относились непріязненно и даже со злобою, считая почему-то, что они хуже насъ. Но каждый народъ имѣетъ свои хорошія и дурныя стороны; англичане же, французы, нѣмцы, итальянцы и другіе европейскіе народы притомъ всегда были образованнѣе насъ, больше насъ знали, и намъ приходилось учиться у нихъ, а никакъ не считать, что они хуже насъ. А уже по отношенію къ дикимъ и полудикимъ народамъ въ родѣ киргизъ, калмыковъ, башкиръ и другихъ инородцевъ, живущихъ у насъ по Волгѣ и Камѣ, а особенно въ азіатскихъ нашихъ владѣніяхъ, великорусскій народъ (особенно наши крестьяне) и совсѣмъ не правъ, считая ихъ,

какъ „нехристей“, чуть ли совсѣмъ не за людей, называя ихъ разными презрительными кличками и считая ихъ за „поганыхъ“, къ которымъ и прикоснуться-то нельзя. Посмѣяться надъ инородцемъ, подразнить его, сдѣлать изъ полы кафтана „свиное ухо“, чтобы подразнить татарина, который считаетъ по своей религіи свинью за нечистое животное, обругать всяческимъ словомъ еврея, сказать что-нибудь обидное калмыку или башкиру—у насъ не только не считается за нехорошее, злое дѣло, а какъ бы за молодчество; такими выходками у насъ еще бахвалятся. А спросить любаго изъ насъ, почему онъ такъ относится къ инородцамъ, за что онъ ихъ не любитъ и поддразниваетъ,—и никто вамъ даже отвѣтить путемъ не сумѣетъ. Что большинство нашихъ инородцевъ исповѣдуетъ языческую религію и вѣритъ во многихъ боговъ, въ которыхъ наши предки давно уже вѣрить перестали, — это правда; правда, что большинство инородцевъ менѣе насъ смышлены, не знаютъ и не дѣлаютъ многихъ хорошихъ вещей, которымъ мы давно выучились... все это вѣрно, но относиться къ нимъ такъ дурно совсѣмъ изъ этого не слѣдуетъ. Какъ же тогда должны относиться къ намъ тѣ же французы, нѣмцы, англичане, которые гораздо образованнѣе и смышленѣе насъ? Если бы, наконецъ, большія знанія, большая смышленость давала права на дурное обращеніе, тогда, значитъ, грамотный человѣкъ долженъ быть грубъ съ неграмотнымъ, а человѣкъ образованный—грубъ съ тѣмъ, кто только грамотенъ? Конечно, нѣтъ, и чѣмъ человѣкъ образованнѣе, чѣмъ больше онъ знаетъ, тѣмъ терпѣливѣе и добрѣе относится онъ къ тѣмъ, у кого жизнь сложилась такъ, что онъ не могъ получить образованія. Не получившій образованія, великоруссъ грубъ и бахвалится надъ еще болѣе необразованными инородцами и

въ своемъ пренебреженіи къ нимъ не видитъ часто и того, что тѣ же инородцы въ нѣкоторыхъ случаяхъ лучше его самого. Трезвости татаръ, трудолюбію и семейной жизни зырянъ, терпѣнію и выносливости евреевъ, честности и правдивости многихъ другихъ инородцевъ, ихъ крѣпкому стоянію другъ за друга великоруссъ могъ бы позавидовать и не только не бахвалиться надъ ними, а взять съ нихъ примѣръ, поучиться у нихъ...

Много, конечно, найдется у великоруссовъ и другихъ дурныхъ сторонъ, напримѣръ, наклонность къ лишней чарочкѣ водки, грубость, иногда прямо жестокость расправы старшихъ въ семьѣ съ младшими, мужей съ женами, наклонность обижать тѣхъ, кто слабѣе и беззащитнѣе, нечистоплотность, грязь въ домахъ и т. д. Но большинство этихъ недостатковъ не составляетъ исконныхъ чертъ великоруссовъ, но происходитъ прямо отъ невѣжества, отъ недостатка образованія. Тѣ, которые прошли хотя бы школу грамотности, живутъ уже и лучше и разумнѣе, чѣмъ неграмотные. Пройдетъ еще нѣкоторое время, нашъ темный народъ больше просвѣтится свѣтомъ ученія, свѣтомъ знаній, и научится онъ тогда и болѣе кроткому обращенію съ равными, а тѣмъ болѣе съ младшими, и болѣе осторожному обращенію съ водкой, и соблюденію чистоты и опрятности вокругъ себя и въ домѣ и т. д. Съ образованіемъ народъ лучше будетъ понимать, что клонится къ его пользѣ, и не станетъ, какъ это было не такъ давно, во время холеры, вѣрить нелѣпымъ слухамъ, что доктора нарочно травятъ народъ, и не станетъ устраивать бунты, жечь больницы и убивать тѣхъ людей, которые ради того, чтобы принести народу пользу, идутъ на борьбу съ холерой и другими болѣзнями, лѣчатъ народъ, подвергая себя опасности самому заразиться, заболѣть и умереть или быть

избитымъ или убитымъ тѣми же, для кого онъ хлопочетъ. Не будетъ тогда такихъ голодовокъ изъ-за плохой обработки земли по дѣдовскимъ обычаямъ, не будетъ тогда такой безтолковицы при уходѣ на отхожіе промысла, столькихъ ненужныхъ мытарствъ при переселеніяхъ, не такъ легко будетъ каждому проходимцу обмануть и провести человѣка, который многому учился и многое знаетъ. И много, много отойдетъ, отпадетъ темныхъ сторонъ у народа, и во многомъ улучшится жизнь его... Надо желать только, чтобы это время пришло поскорѣе и чтобы самъ народъ хорошо помнилъ имъ же созданную поговорку: „ученье — свѣтъ, а не ученье — тьма“!

IX.

Духовная жизнь великоруссовъ (продолженіе). Пѣсни, сказки, былины.

Пѣсни. Для того, чтобы еще лучше узнать народъ, чтобы понять, чѣмъ онъ живетъ, какъ думаетъ теперь, чѣмъ онъ жилъ и какъ думалъ прежде, необходимо ближе познакомиться съ такъ называемыми народными произведеніями: съ народными пѣснями, сказками, былинами, пословицами и поговорками. Народными эти произведенія называются потому, что ихъ не написалъ какой-нибудь одинъ человѣкъ, какъ написана большая часть книжекъ, а складывалъ ихъ самъ народъ. Нѣтъ народа, у котораго не было бы своихъ пѣсенъ, но у однихъ народовъ ихъ больше и поются онѣ чаще, другіе народы и пѣснями не богаты и рѣже поютъ ихъ. Славяне были исконными любителями пѣсни, и еще за тысячу триста слишкомъ лѣтъ до нашихъ дней греки, познакомившись впервые со славянами, называютъ ихъ пѣснелюбивыми. Эту общую славянскую особенность великоруссы сохра-

нили и до сихъ поръ, и великорусскій крестьянинъ поетъ и на свадьбѣ, и на гуляньи, и на работѣ, поетъ и въ радости, и въ горѣ. Сложившись съ незапамятныхъ временъ, пѣсни передавались отъ дѣдовъ къ отцамъ, отъ отцовъ къ сыновьямъ лишь съ небольшими измѣненіями и прибавленіями. Вотъ почему въ народной пѣснѣ и до сихъ поръ сохранилось то, что думалъ народъ въ старинныя времена, сохранились даже воспоминанія объ обрядахъ, о вѣрованіяхъ, давно уже позабытыхъ народомъ. Во многихъ, напримѣръ, великорусскихъ пѣсняхъ существуетъ припѣвъ: „ой дидо-ладо", „ай люли-люли" или „ой дидо-ладо, лель-люли!" Припѣвъ этотъ встрѣчается очень часто и поется постоянно, а многіе ли знаютъ, что дидо-ладо есть лишь слегка измѣнившіяся слова дѣдъ. Ладо—имя, которымъ назывался давно уже забытый христіанскимъ народомъ древній языческій богъ—богъ весны, богъ солнца? Также и припѣвъ „ай люли—ай люли" напоминаетъ намъ о такомъ же языческомъ богѣ Лелѣ, въ котораго вѣровали, которому молились когда-то наши предки. Много обрядовъ и пѣсенъ, которыя пѣлись прежде въ честь языческихъ боговъ, съ переходомъ въ христіанство, не исчезло окончательно: народъ, любящій отдохнуть въ веселые праздники съ ихъ пѣніемъ и пляской, не захотѣлъ разстаться съ своими прежними пѣснями, онъ только слегка измѣнилъ ихъ и то, что пѣлось въ прежніе языческіе праздники, пріурочилъ, приспособилъ къ христіанскимъ праздникамъ, подходящимъ по времени. Такъ, въ троицкихъ или семиковыхъ пѣсняхъ, въ купальныхъ пѣсняхъ (на Ивана Купалу), въ рождественскихъ и многихъ другихъ праздничныхъ пѣсняхъ и до сихъ поръ поется о Ладо, о Лелѣ, о Купалѣ, Турѣ, Ярилѣ, Овсенѣ, которые теперь ничего даже человѣку, того незнающему, не напоминаютъ, но

когда-то именно имъ-то, этимъ богамъ нашихъ предковъ-язычниковъ, и были посвящены праздники, близкіе по времени къ нашимъ Троицѣ, Иванову дню, Рождеству. Такія пѣсни, при которыхъ часто еще и пляшутъ или разнымъ образомъ гадаютъ, или же ведутъ подъ нихъ разныя игры, называются „обрядовыми“ или „игорными“ пѣснями. Но кромѣ того у великоруссовъ много такъ называемыхъ „бытовыхъ“ пѣсенъ, т. е. такихъ, въ которыхъ поется о жизни народа, о его горестяхъ и радостяхъ семейной жизни. Существуютъ бытовыя пѣсни дѣтскія, мужскія и женскія, пѣсни, поющія и о счастьи семейной жизни, и о горѣ и обидахъ, особенно о тяжелой долѣ, испытываемой замужнею женщиною. Женщинамъ въ древне-великорусской семьѣ жилось тяжело. Въ дѣвушкахъ, въ своей семьѣ, она была свободна и жила весело и беззаботно подъ защитной родной матушки, родного батюшки. И цѣлый рядъ великорусскихъ пѣсенъ поетъ о счастливой дѣвичьей долѣ. Но съ выходомъ замужъ дѣвушка сразу попадала въ семью мужа, часто въ другія мѣста, далеко отъ родной деревни или села— „въ чужедальнюю сторонушку, въ чужую семью“, какъ поется въ народной пѣснѣ. Въ семьѣ мужа, въ чужой семьѣ никто ея не пожалѣетъ, на нее смотрятъ нелаково, кускомъ хлѣба попрекаютъ, всю работу норовятъ свалить на нее, да еще нерадивой, неработницей зовутъ.

И такъ горько, такъ солоно приходится женщинѣ, попавшей въ семью мужа, что не только эта чужая семья, но и вся-то чужая сторона кажется ей страшной и полной горя: „Чужедальная сторонушка не сахаромъ посыпана, не медомъ полита“ — поется въ одной изъ пѣсенъ. И-много, много поется у насъ заунывныхъ, за душу хватающихъ, пѣсенъ про тяжелую долюшку женскую. Вотъ одна изъ такихъ пѣсенъ:

Отдавали молоду
Въ чужедальнюю сторону,
Въ чужую семью,
Въ непокрытую избу.
Есть свекръ и свекровь,
Есть и трое деверьевъ,
Три золовушки,
Да три тетушки.
Ужъ какъ свекоръ говоритъ:
Къ намъ медвѣдицу везутъ;
А свекровь-то говоритъ:
Людоѣдицу везутъ;
Деверья-то говорятъ:
Къ намъ непряху везутъ;
А золовки говорятъ:
Къ намъ неткаху везутъ;
Ужъ какъ тетушки стоятъ,
Все про то же говорятъ.

Враждебно относится къ взятой со стороны женщинѣ вся семья ея мужа, да и самъ мужъ, частью по навѣтамъ своихъ близкихъ, частью по грубости и неуваженію къ женщинѣ, свойственнымъ искони русскому человѣку, не только не защищаетъ ее отъ нападокъ, но и самъ ее бьетъ и тиранитъ и за вину и безъ вины, за то только, что она слабое безотвѣтное существо, на которомъ можно выместить свою злобу, свое горе, накопившееся и отъ лихихъ бѣдъ и неправды людской, и отъ тѣхъ надруганій, которыя самому доводится испытывать отъ старшаго въ семьѣ. Вотъ одна изъ такихъ пѣсней, въ которыхъ женщина жалуется на побои мужа:

Выдавала меня матушка далече замужъ,
Хотѣла матушка часто ѣзжати,

Часто ѣзжати, подолгу гостити.
Лѣто проходитъ—матушки нѣту,
Другое проходитъ—сударыни нѣту,
Третье въ доходѣ—матушка ѣдетъ.
Ужъ меня матушка не узнаетъ:
— Что это за баба, за старуха?
Я вѣдь не баба, я не старуха,
Я твое, матушка, милое чадо.
— Гдѣ твое дѣвалося бѣлое тѣло?
Гдѣ твой дѣвался алый румянецъ?
Бѣлое тѣло—на шелковой плеткѣ,
Алый румянецъ—на правой на ручкѣ:
Плеткой ударитъ—тѣла убавитъ,
Въ щеку ударитъ—румянцу не станетъ.

Прошло много времени, но положеніе женщины въ семьѣ стало только немногимъ лучше прежняго, а потому старыя семейныя пѣсни не забыты, но поются и понынѣ. Но не только въ женскихъ и семейныхъ, но и въ мужскихъ, иногда даже въ разбойничьихъ пѣсняхъ великорусса постоянно слышится глубокое уныніе, покорность судьбѣ и тихая печаль, навѣянная всѣми пережитыми народомъ невзгодами за всю долгую народную жизнь, отъ перваго появленія славянъ на теперешней русской землѣ и до нашихъ дней. И поются эти пѣсни протяжными, заунывными голосами... Но не вѣчно-же кручиниться... Вздумается иногда и великоруссу забыть хоть на минутку свои былыя и теперешнія горести и печали и разгуляться, махнувъ на все рукой, „очертивъ свою буйную голову“. Тогда пѣснь великорусса льется широкой рѣкой, въ ней слышится удаль молодецкая, ширь и мощь, какія не часто услышишь въ пѣсняхъ другихъ народовъ. Но минута проходитъ, и снова льется

тягучая, унылая пѣсня про горе, про бѣды лихія... Удаль и тоска чередуются...

Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика,
То разгулье удалое,
То сердечная тоска,

какъ сказалъ нашъ знаменитый писатель А. С. Пушкинъ. Каковы пѣсни народа, таковъ и народъ — многострадальный, но кроткій и терпѣливый въ несчастьи, удалой и могучій въ веселую минуту.

Сказки. Сказки значительно отличаются отъ пѣсенъ прежде всего уже тѣмъ, что онѣ не поются, а разсказываются; отличаются онѣ и содержаніемъ (тѣмъ, что въ нихъ именно разсказывается). Въ сказкахъ мало говорится о семейной жизни, о радостяхъ и горестяхъ всего народа; въ нихъ говорится обыкновенно объ отдѣльныхъ, чаще всего вымышленныхъ, не существующихъ лицахъ; въ сказкѣ много вымысла, фантазіи; говорится о томъ, чего не можетъ быть: звѣри, даже деревья и камни живутъ и говорятъ человѣческимъ языкомъ, люди летаютъ по воздуху на конькѣ-горбункѣ или на коврѣ-самолетѣ; красное солнце, мѣсяцъ-мѣсяцовичъ сходятъ на землю и принимаютъ участіе въ дѣлахъ людей; тутъ же являются небывалыя жаръ-птица, баба-яга, летающая въ ступѣ, вѣдьмы, лѣшіе, домовые, русалки, и какой только небывальщины тамъ нѣтъ! А. С. Пушкинъ, имя котораго, какъ одного изъ первыхъ знатоковъ русской жизни, мы уже поминали не одинъ разъ, такъ описываетъ сказочный міръ:

У лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ;

И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ;
Идетъ направо—пѣснь заводитъ,
Налѣво сказку говоритъ.
Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны;
Тамъ о зарѣ прихлынутъ волны
На брегъ песчанный и пустой,
И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходятъ ясныхъ,
И съ ними дядька ихъ морской;
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ грознаго царя;
Тамъ въ облакахъ передъ народомъ
Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несетъ богатыря;
Въ темницѣ тамъ царевна тужитъ,
А бурый волкъ ей вѣрно служитъ;
Тамъ ступа съ бабою-Ягой
Идетъ-бредетъ сама собой,
Тамъ царь-Кощей надъ златомъ чахнетъ,
Тамъ русскій духъ... тамъ Русью пахнетъ!

Но Кощей безсмертный, баба-яга, лѣшіе, русалки и весь остальной сказочный міръ не составляетъ случайной выдумки воображенія, расходившагося въ долгій, досужій зимній вечеръ, но въ немъ кроется глубокій смыслъ и значеніе. Такъ лѣшіе, русалки, домовые составляютъ

остатки языческихъ временъ, когда народъ считалъ ихъ за дѣйствительно существующихъ младшихъ боговъ, заполняющихъ лѣса, воды, дома. Темный народъ, впрочемъ, и сейчасъ вѣритъ въ ихъ существованіе, только съ принятіемъ христіанства не считаетъ ихъ, конечно, за боговъ, но за нечистую силу. Другія же сказочныя существа, надѣленныя сверхъестественной силой и мощью, часто обозначаютъ собою грозныя силы и явленія природы, предъ которыми слабъ и ничтоженъ обыкновенный человѣкъ. Кощей безсмертный, напримѣръ, который уноситъ прекрасную Марью-Маревну, это—холодныя зимнія тучи, прячущія отъ насъ солнце; баба-яга, правящая буйными вѣтрами, это—непогода, громъ и вихорь, а ступа, въ которой ѣдетъ баба-яга, изображаетъ тучу, несущую съ собой непогоду; длинная метла, которой яга заметаетъ свой слѣдъ, это—дождь; мужичекъ съ ноготокъ—это молнія, а его борода съ локотокъ—это туча, въ которой раздается молнія. Вообще, тучамъ особенно посчастливилось въ сказкахъ: и шапка невидимка, которую кто надѣнетъ—станетъ невидимымъ, и конекъ-горбунокъ, и коверъ-самолетъ—все это тѣ же тучи. Богатыри сказокъ, растущіе не по днямъ, а по часамъ, это—опять-таки вихрь, громъ, непогода, которыя быстро поднимаются и разрастаются надъ головой человѣка. Красное лѣтнее солнце изображается то въ видѣ Марьи-Маревны, то въ видѣ Василисы-Царевны, то въ видѣ жаръ-птицы и т. п. Сказки созданы народомъ не для одной только забавы; видя часто несправедливость, страданіе добрыхъ и правыхъ и счастливую на видъ жизнь людей неправыхъ и злыхъ, народъ утѣшаетъ себя мыслью, что все это временно, и что правда въ концѣ концовъ восторжествуетъ такъ же, какъ выходятъ благополучно изъ всѣхъ падающихъ на ихъ долю ужасовъ и бѣдствій

сказочные богатыри и герои. Незлобливымъ и кроткимъ людямъ трудно прожить, надъ ними всѣ насмѣхаются, всѣ ихъ обижаютъ, ихъ даже и зовутъ-то дураками, такъ что, видя все это, иной, пожалуй, прямо и не захочетъ быть незлобливымъ и начнетъ давать сдачу обидчикамъ, а то такъ и самъ сдѣлается обидчикомъ. Но великорусская народная сказка говоритъ, что кроткій и добрый человѣкъ вовсе не дуракъ и сказочный Иванушка-дурачекъ всѣми своими поступками доказываетъ, что онъ не только добрѣе и честнѣе своихъ братьевъ, считающихъ себя умниками, но во многихъ дѣлахъ онъ и ловче, и смѣлѣе и даже умнѣе ихъ; вся же его глупость или простота, надъ которой насмѣхаются его братья заключается лишь въ томъ, что онъ ничего не хочетъ брать хитростью и обманомъ, не хочетъ ничѣмъ обидѣть не только человѣка, но даже и звѣря, звѣря подъ-часъ даже злого и вреднаго (Иванушка не убиваетъ молящаго о пощадѣ сѣраго волка и волкъ служитъ ему вѣрную службу и т. д).

За свою безхитростность и незлобіе Иванушка-дурачекъ то отъ Сивки-бурки, вѣщей-каурки, то отъ лебедя или отъ малыхъ птенчиковъ, которыхъ онъ спасъ отъ когтей ястреба, то даже отъ свирѣпаго волка, котораго онъ по своей добротѣ не хотѣлъ убить, получаетъ чудесную помощь и женится въ концѣ концовъ на прекрасной царевнѣ и самъ становится царемъ. Навѣянная сказками вѣра въ постоянное торжество добра и правды даетъ народу силу до конца терпѣть всякія невзгоды, не дѣлаясь злымъ и не идя на путь кривды. Если не хорошо быть недобрымъ или лукавымъ по отношенію къ чужимъ людямъ, то еще хуже, когда человѣкъ золъ, непочтителенъ и лукавъ по отношенію къ старшимъ, къ родителямъ, и въ сказкахъ непочтительныя дѣти получаютъ наказаніе, добрыя и ласковыя—

награду. Но и родители, обижающіе дѣтей, въ сказкѣ караются: въ сказкахъ часто говорится о злой мачехѣ, дурно обращающейся со своей падчерицей, но добрая падчерица, терпѣливо сносящая всѣ преслѣдованія мачехи и неродныхъ сестеръ, дѣлается красавицей, выходитъ замужъ за царевича, а сама мачеха и ея родныя дочери получаютъ то или другое наказаніе.

Сказки складывались во времена старо-давнія, но чрезъ нихъ мы и до сихъ поръ знаемъ, какъ смотрѣлъ народъ на добро и зло, на любовь дѣтей къ родителямъ и родителей къ дѣтямъ, какъ понималъ онъ окружающую его жизнь и явленія природы.

Былины. Кромѣ пѣсенъ и сказокъ, великорусскій народъ сложилъ также много такъ называемыхъ былинъ, самое имя которыхъ происходитъ отъ слова „быль“ или „былое“ и тѣмъ показываетъ, что въ былинахъ разсказывается о томъ, что когда-то было. Пѣсни и сказки, переходя отъ отцовъ къ дѣтямъ, полностью сохранились до сихъ поръ у великорусскихъ крестьянъ, и нѣтъ такого глухого поселка или деревеньки, гдѣ бы въ праздничный день на улицахъ или въ избахъ, гдѣ соберутся дѣвушки и парни, или въ будни, чаще за работой, не пѣлись бы пѣсни, и въ долгій зимній вечеръ не разсказывались бы сказки.

Про былины этого нельзя сказать, — большинство нашего крестьянства позабыло ихъ окончательно; только на далекихъ сѣверныхъ нашихъ окраинахъ, главнымъ образомъ въ Архангельской, Вологодской, Олонецкой губерніяхъ, гдѣ народъ больше сохранилъ своихъ старинныхъ привычекъ и обычаевъ, сохранились и до нашихъ дней былины, хотя и тамъ сказываются онѣ все рѣже и рѣже; если бы за послѣднее время на былины не обратили вниманія люди ученые и не стали

бы ихъ записывать, въ скоромъ времени былины исчезли бы, быть можетъ, окончательно изъ памяти народной. Нетрудно и понять, почему былины не сохранились въ памяти народной такъ же хорошо, какъ пѣсни или сказки. Дѣло въ томъ, что сказки разсказываются своими словами, кто какъ гораздъ, только бы передать другимъ все то, о чемъ въ сказкѣ говорится; оттого пересказать сказку нетрудно, и всякій, кто разъ ее услышалъ, сумѣетъ пересказать другому. Въ пѣснѣ словъ уже нельзя мѣнять, тамъ слова подлажены подъ голосъ; забудешь или перемѣнишь какое слово — и спѣть на тотъ же голосъ нельзя; не даромъ и въ народѣ сложилась поговорка: „изъ пѣсни слова не выкинешь". Но пѣсни не очень длинны, къ тому же и поются часто, такъ ихъ запомнить не очень уже трудно. Иное дѣло—былины: онѣ не пѣлись, правда, какъ пѣсни, а разсказывались, но разсказывались онѣ особенно—разсказчикъ обыкновенно игралъ на гусляхъ и въ то же время разсказывалъ особымъ говоромъ, подлаженнымъ подъ игру. Туть тоже нельзя было что-нибудь измѣнить, выкинуть или прибавить отъ себя, или можно было дѣлать такія измѣненія только умѣючи. Къ тому же былины составляли длинный, иногда чуть не часами тянущійся разсказъ, такъ что запомнить его и сумѣть передать подъ игру на гусляхъ могъ не всякій. Для этого существовали особые разсказчики или, какъ ихъ называли, „сказители". Былины переходили отъ одного сказителя къ другому, часто отъ отца къ сыну, и сказитель, обыкновенно, ничѣмъ уже другимъ, кромѣ разсказыванія былинъ, и не занимался, но ходя отъ двора къ двору, отъ деревни къ деревнѣ, получалъ и пріютъ и пропитаніе отъ своихъ слушателей. Былинъ существовало у народа очень много, и помнить ихъ

всѣ могъ далеко не каждый, а потому сказителей никогда и не было особенно много. Мало-по-малу, за разными невзгодами, за борьбой съ вражескими нашествіями, за трудностью самому пропитаться, не только что еще прокормить сказителей, сказителямъ становилось жить все труднѣе и труднѣе, да и не до того было, чтобы и слушать ихъ; а тамъ подоспѣла крѣпостная зависимость крестьянъ, что вовсе отбило охоту и разсказывать и слушать. Такъ понемногу былины и забылись почти повсюду, кромѣ нашего крайняго сѣвера, который не зналъ ни татарщины, ни крѣпостной зависимости, но тамъ народъ, забравшись въ глушь, боролся только съ суровой природой, съ зимними стужами и дикими звѣрями. Живя среди пустынныхъ лѣсовъ или среди полудикихъ кочевниковъ, нашъ сѣверянинъ крѣпко дорожилъ своей старинкой, а потому тамъ-то больше всего сохранились многіе старые обычаи, сохранился тамъ до нашихъ дней и обычай сказанія былинъ. Былины—это, какъ мы уже говорили, сказаніе про былое, но сказанія не особенно точныя: каждый сказитель кое-что забывалъ, кое-что прибавлялъ отъ себя; что занимало самого сказителя, что происходило въ его время, то онъ и прибавлялъ къ своему разсказу, не мало не заботясь о томъ, что весь разсказъ ведется про давно прошедшее время, а онъ прибавляетъ къ нему то, что случилось уже при немъ самомъ. Такимъ образомъ въ былинахъ появилась путаница, и въ разсказѣ про одно время появляются лица, жившія на много сотенъ лѣтъ позже, въ разсказъ объ одномъ событіи вплетаются другія позднѣйшія событія и т. д. Кромѣ того, былины являются передачей былого не такъ, какъ оно происходило на самомъ дѣлѣ, но такъ, какъ оно представлялось народу, такъ что вполнѣ правильно разсказанными въ былинѣ

остаются только немногія воспоминанія о самыхъ важныхъ событіяхъ, какъ-то о жизни кіевскихъ великихъ князей, особенно князя святого Владимира, о татарщинѣ, о нашествіи другихъ враговъ и т. д. Былины разсказываютъ намъ о подвигахъ разныхъ богатырей; но изъ тѣхъ лицъ, которыя упоминаются въ былинахъ, далеко не всѣ даже существовали на самомъ дѣлѣ, но большинство сильныхъ и могучихъ богатырей или прямо выдумано народомъ или, если они и жили когда-то, все-таки большей части подвиговъ, которые къ нимъ пріурочены, на самомъ дѣлѣ они никогда и не дѣлали. Но въ сущности говоря, выдуманы народомъ только самые богатыри и ихъ имена, дѣла же ихъ не выдуманы, они были совершаемы на самомъ дѣлѣ; только богатыремъ, ихъ совершившимъ, былъ не Илья-Муромецъ, не Добрыня Никитичъ, или Алеша Поповичъ, или другой какой былинный богатырь, но самъ народъ, тѣ или другіе случаи изъ жизни котораго и повѣствуются въ былинахъ; но повѣствуются они иносказательно, т.е. не въ томъ видѣ, какъ они были на самомъ дѣлѣ. Чтобы пояснить значеніе иносказаній, приведемъ подходящій примѣръ: въ одной былинѣ разсказывается, какъ пріѣзжалъ къ стольному городу ко Кіеву, ко свѣтлому князю ко Владиміру Идолище поганый и началъ грозить городу, хвалясь, что никто его не одолѣетъ. Князь обратился къ богатырю Ильѣ Муромцу, который пришелъ къ Идолищу,

„Схватилъ съ головушки шляпку земли греческой
„И ляпнулъ онъ въ Идолище поганое,
„И разсѣкъ онъ Идолище на полы.
„Тутъ ему Идолищу славу поютъ“ (т. е. тутъ Идолище и скончался).

Таковъ разсказъ былины. А понимать ее надо такъ:

Идолище—это языческая религія, которую исповѣдовали наши предки до князя Владимира. Илья Муромецъ—это самъ русскій народъ, который принялъ при князѣ Владимирѣ христіанство и уничтожилъ идоловъ, которымъ онъ поклонялся (въ разсказѣ—убилъ Идолище).

Православіе мы приняли отъ грековъ и греческою вѣрою уничтожили прежнихъ идоловъ—въ былинѣ это обстоятельство разсказано такъ, что Илья Муромецъ разсѣкъ Идолище шляпкою земли греческой.

Въ такихъ и подобныхъ имъ иносказаніяхъ разсказываются въ былинахъ дѣйствительные подвиги самого народа или отдѣльныхъ лицъ. Самый сильный изъ богатырей, особенно излюбленный былинами, Илья Муромецъ представляетъ изъ себя весь народъ, или „олицетворяетъ“ народъ, какъ это принято говорить въ тѣхъ случаяхъ, когда силы природы или цѣлый народъ изображается однимъ лицомъ. Какъ и самъ народъ, Илья Муромецъ отличается необыкновеннымъ терпѣніемъ, кротостью, и не хвастать своей силой, ни зря ее показывать онъ не любитъ, а лопнетъ его терпѣніе, осерчаетъ Илья Муромецъ, поднимется на врага, тогда онъ непобѣдимъ, какъ непобѣдимъ народъ, вынесшій много невзгодъ на своихъ плечахъ и уцѣлѣвшій среди всяческихъ бѣдствій.

Илья Муромецъ, сынъ крестьянскій, сначала былъ хилъ и боленъ, безъ рукъ и безъ ногъ сиднемъ сидѣлъ тридцать три года, но пришли къ нему Іисусъ Христосъ съ двумя апостолами подъ видомъ нищихъ и попросили его сходить за водой. Илья отвѣчаетъ, что онъ и хотѣлъ бы это сдѣлать, да у него руки и ноги не дѣйствуютъ, но мнимые нищіе ему говорятъ:

„Ты вставай, Илья, насъ не обманывай,
„Илья сталъ вставать—ровно встрепаный.

Выпивъ, по повелѣнію странниковъ, принесенной имъ воды, Илья почувствовалъ въ себѣ силу богатырскую и пошелъ съ благословенія своего отца

„Заложиться за князя Володимира,
„Послужить ему вѣрой правдою,
„Постоять за вѣру христіанскую“.

Этотъ разсказъ былины надо понимать такъ: русскій народъ до принятія христіанства былъ безсиленъ, съ принятіемъ же православія окрѣпъ и создалъ сильное государство, которое не одолѣютъ враги (самъ Илья часто говоритъ въ былинахъ: „На бою мнѣ смерть не написана“).

Кромѣ Ильи Муромца въ былинахъ разсказывается про цѣлый рядъ другихъ, не такихъ непобѣдимыхъ, какъ Илья, но все же могучихъ и грозныхъ богатырей, часто разъѣзжающихъ вмѣстѣ съ Ильей по всей Руси и выискивающихъ, не нашелся ли гдѣ сильный врагъ, притѣсняющій землю русскую, грозящій православію. Чаще другихъ встрѣчаются въ былинахъ имена Добрыни Никитича, Алеши Поповича — вѣрныхъ товарищей Ильи Муромца, затѣмъ Чурилы Пленковича, Дюка-Степаныча, плѣняющихъ всѣхъ, особенно женщинъ, своею красотою и богатствомъ, Ставра-Годиновича и другихъ богатырей. Илья Муромецъ — крестьянскій сынъ, Добрыня Никитичъ, въ которомъ изображается сила русскихъ удалыхъ дружинъ, Алеша — поповскій сынъ,— все это силы русской земли или земскіе богатыри; въ Чурилѣ Пленковичѣ и Дюкѣ Степанычѣ былины указываютъ на накопленіе богатствъ, а съ ними и на нѣкоторую изнѣженность (оба богатыря холятъ свою красу, пышно одѣваются); богатство торговаго сильнаго Новгорода представляетъ другой богатырь—Садко—нов-

городскій гость (т.-е. купецъ), который снаряжалъ за море для торговли корабли и, похваляясь своимъ богатствомъ, побился о закладъ съ другими гостями новгородскими, что онъ скупитъ товары со всего Новгорода, да проигралъ закладъ: „богатъ Садко — богатый гость новгородскій, а и побогаче его господинъ великій Новгородъ“.

Васька Буслаевъ—тоже сынъ Новгородскій—изображаетъ собою безшабашную удаль русскую, ту удаль, что и завоевала Россіи весь дальній сѣверъ и покорила Сибирь, но и приводила нерѣдко къ буйству, озорству и непокорности старѣйшимъ и опытнымъ людямъ. Наряду съ добрыми дѣлами Васька много озорничаетъ, избиваетъ телѣжною осью новгородцевъ за то, что они не захотѣли, чтобы онъ всѣми дѣлами правилъ и верховодилъ надъ старшими въ Новгородѣ, буйствуетъ, постоянно дерется и не вѣритъ ни въ какую примѣту, „ни въ чохъ, ни въ сонъ“ (т.-е. не вѣритъ опыту старшихъ людей, сложившихъ тѣ или другія примѣты). Натѣшившись вдоволь, Васька отправляется во Іерусалимъ замаливать свои грѣхи, но и тамъ не можетъ разстаться съ своимъ озорствомъ и непокорствомъ. Ему велятъ искупаться въ рѣкѣ Іорданѣ въ одеждѣ, а онъ не слушается и оскверняетъ рѣку тѣмъ, что купается въ ней голый. На возвратномъ пути изъ Іерусалима его ждетъ смерть, но смерть накликалъ на свою голову самъ же Васька: встрѣтился ему на дорогѣ камень съ надписью:

„Кто у камня станетъ тѣшиться,
„Тѣшиться да забавлятися,
„Камень вдоль да перескакивать —
„Тому буйну голову сломить“.

Но не даромъ же Васька своеволенъ, да еще и ни въ чохъ, ни въ сонъ не вѣруетъ,—значитъ, понадобилось ему скакать черезъ камень. Перепрыгнулъ онъ черезъ камень лицомъ впередъ, но этого мало, сталъ прыгать впередъ спиною, и тутъ перепрыгнулъ, да задѣлъ за камень сапогомъ и разбился на смерть. Но, и умирая, Васька Буслаевъ не перестаетъ вольнодумствовать и шутить и поручаетъ своей дружинѣ передать матери,

„Что сосватался Василій на Ѳаворъ-горѣ,
„Что женился на томъ бѣлъ-горючемъ камешкѣ".

„Съ тѣхъ поръ Василію славу поютъ и во вѣки та слава не минуется", т.-е. народъ никогда не забудетъ того времени, когда, не образовавъ еще сильнаго государства съ устроеннымъ порядкомъ жизни, онъ жилъ хоть безпорядочной и буйною, но свободною и веселою жизнью. Но кромѣ богатырей изъ народа, земскихъ богатырей, въ былинахъ повѣствуется и о богатыряхъ-князьяхъ. Одинъ изъ такихъ богатырей Вольга Святославовичъ является лицомъ дѣйствительно существовавшимъ, это именно одинъ изъ первыхъ русскихъ князей, о которомъ сохранились воспоминанія, — Олегъ, прозванный „вѣщимъ" (мудрымъ). Олегъ, передѣланный въ былинахъ въ Вольгу, съ своей дружиною ходилъ войной на столицу грековъ, теперешній Константинополь, побѣждая гдѣ силой, а гдѣ и хитростью; по преданію, онъ прибилъ даже на городскихъ воротахъ свое оружіе (щитъ). И въ былинѣ Вольга Святославовичъ изображается мудрымъ, его мудрость научила его, гдѣ это нужно, оборачиваться соколомъ, лебедемъ, волкомъ и т. д.; въ былинѣ Вольга, какъ и дѣйствительный Олегъ, совершаетъ далекій походъ только не на Цареградъ

(нынѣ Константинополь), а во Турецъ-землю, на Турецъ-Салтана, т.-е. на турокъ. Здѣсь, очевидно, у позднѣйшихъ сказителей былинъ произошло смѣшеніе событій: турки заняли бывшія греческія земли много позднѣе, чѣмъ во времена Олега, когда Цареградомъ или теперешнимъ Константинополемъ владѣли не турки, а греки. По дошедшимъ до насъ преданіямъ, мудрость настоящаго Олега проявилась въ этомъ походѣ въ томъ, что, приплывъ къ грекамъ на лодкахъ, онъ поставилъ лодки на колеса и двигался въ нихъ съ своей дружиною по сухой землѣ; въ былинѣ же Вольга, прежде чѣмъ вступить въ бой, обертывается то малымъ звѣрькомъ, то пташкою и, пробравшись въ этомъ видѣ во вражій станъ, портитъ у враговъ луки и стрѣлы, а также и все другое оружіе. У себя на родинѣ Вольга ѣздитъ съ дружиною изъ края въ край и собираетъ дань съ побѣжденныхъ имъ земель (опять таки тоже дѣлалъ и настоящій Олегъ).

Князья, какъ это мы говорили раньше, только современемъ подчинили себѣ мирныхъ земледѣльцевъ, которые прежде управлялись сами собою. Въ глазахъ народа земледѣлецъ является главною силою, создавшею государство, и въ былинѣ Вольга съ своею дружиною встрѣчается съ богатыремъ Микулою Селяниновичемъ, т.-е. съ богатыремъ земледѣлія, и Микула Селяниновичъ оказывается сильнѣе князя и всей его дружины: князь и вся его дружина не могутъ вытащить изъ земли сошку, которой пахалъ Микула, тогда какъ Микула одной рукой вынимаетъ ее изъ земли и закидываетъ за ракитовъ кустъ. Когда Микула и князь ѣдутъ рядомъ, кобылка Микулы шагомъ идетъ, а Вольгинъ-то конь поскакиваетъ, а когда кобылка побѣжала рысцой, Вольгинъ конь и вовсе отсталъ.

Такимъ образомъ, былины великорусскаго народа являются не простыми разсказами, выдуманными для одной только забавы, но въ нихъ въ особомъ видѣ (иносказательно) передаются какъ дѣйствительныя событія русской жизни, такъ и то, какъ народъ понималъ эти событія, какое придавалъ имъ значеніе.

IX.

Пословицы, поговорки, присказки, шутки и загадки.

Но кромѣ длинныхъ и цѣльныхъ пѣсенъ, сказокъ и былинъ, народомъ издавна созданы, да и по настоящее время у него въ ходу разныя коротенькія изреченья, назначенныя то для того, чтобы въ нѣсколькихъ словахъ высказать свое мѣткое сужденіе о какомъ-нибудь человѣкѣ, событіи или даже цѣломъ народѣ, то для простой шутки и забавы—въ часы досуга. Пословицы и поговорки—это изреченія, иногда всего въ 3—4 слова, въ которыхъ народъ выражаетъ свои сужденія о разныхъ лицахъ и событіяхъ; особенность пословицъ и поговорокъ состоитъ въ томъ, что онѣ очень коротки, а потому легко запоминаются; передаются онѣ изъ рода въ родъ безъ измѣненій, какъ потому, что запомнить ихъ легко, такъ и потому, что онѣ составлены такъ коротко и ясно, что, чуть измѣнишь въ нихъ что-нибудь, станетъ уже хуже, длиннѣй и не такъ мѣтко. Что можетъ быть короче пословицы: „Каковъ попъ, таковъ и приходъ?“ А между тѣмъ въ эту пословицу народъ вложилъ свое давнишнее, многовѣковымъ опытомъ подтвержденное и провѣренное, наблюденіе надъ тѣмъ, что у хорошихъ старшихъ лицъ (родителей или начальниковъ) и младшіе будутъ хороши, а у дурныхъ старшихъ и млад-

ніе дурны. Въ другой такой же коротенькой пословицѣ: „Не по хорошему милъ, а по милу хорошъ“, выражена мысль о томъ, что часто, бываетъ, не потому намъ человѣкъ нравится, что его поступки хороши, но наоборотъ — какъ бы человѣкъ ни поступалъ, его поступки будутъ для насъ хороши уже по тому одному, что онъ самъ намъ милъ. Вотъ какъ много словъ понадобилось мнѣ для того, чтобы пересказать своими словами, да еще далеко не вполнѣ точно такую коротенькую фразу! Такихъ пословицъ и поговорокъ у нашего народа безчисленное множество; собранныя вмѣстѣ и напечатанныя, онѣ составляютъ цѣлую толстую книгу, и кто только взглянетъ на эту книгу, тотъ невольно спроситъ себя, что же можетъ создать, просвѣтившись ученіемъ, силою знаній тотъ народъ, который, и будучи невѣжественнымъ, создалъ такъ много столь мѣткихъ и дѣльныхъ мыслей?

Шутя, въ часы досуга, великоруссы съ давнихъ временъ создали рядъ различныхъ прибаутокъ, шутокъ, присказокъ, которыя иногда говорятся сами по себѣ, иногда же служатъ только для начала разсказа, для того только, чтобы сразу настроить своихъ слушателей на тотъ ладъ, который подходилъ бы къ тому, что сейчасъ будетъ разсказываться; хорошій разсказчикъ не только начнетъ, но и кончитъ свой разсказъ прибауткою, рѣдкая сказка не кончается разсказомъ о томъ, что былъ пиръ на весь міръ. „А я“, прибавляетъ разсказчикъ, „на томъ пиру былъ, медъ, пиво пилъ, по усамъ текло, да въ ротъ не попало“... и т. д.

Загадки представляютъ изъ себя особое хитроумное развлеченіе. Суть ихъ состоитъ въ томъ, что загадывающій загадку думаетъ объ однѣхъ, а говоритъ совсѣмъ о другихъ вещахъ, только слегка напоминающихъ о томъ,

что онъ задумалъ; отгадывающіе же должны догадаться, о чемъ загадчикъ говоритъ. Такъ, напримѣръ, загадывающій говоритъ: „стояли четыре брата, у всѣхъ одна шляпа“, а отгадывающіе должны догадаться, что рѣчь идетъ о столѣ, что четыре брата означаютъ четыре ножки, одна шляпа—столешницу; или: „въ небѣ дыра, въ землѣ дыра, а въ серединѣ—огонь да вода“ (самоваръ), или „маленькій, горбатенькій все поле проскакалъ“ (серпъ) и т. д.

X.

Мѣстныя (областныя) особенности великоруссовъ.

До сихъ поръ мы говорили о жизни, о внѣшнемъ обличьѣ, о бытѣ и духовной сторонѣ всѣхъ великоруссовъ вообще. Но земля, на которой пришлось разселиться великоруссамъ, велика и на всемъ ея протяженіи жилось и живется далеко не одинаково. Ведя въ однихъ мѣстахъ одну жизнь, въ другихъ — другую, сосѣдя въ однихъ мѣстахъ съ одними народами, въ другихъ—съ другими, великоруссы не могли отъ этого хотя бы слегка не измѣниться. И дѣйствительно, оставаясь всегда однимъ и тѣмъ же великорусскимъ народомъ, жители разныхъ мѣстностей получили много мѣстныхъ или, такъ называемыхъ, областныхъ особенностей, отличающихъ ихъ другъ отъ друга настолько, что бывалый человѣкъ сразу узнаетъ, видитъ ли онъ передъ собою сибиряка, волгаря или сѣвернаго помора и т. д. Такихъ областныхъ особенностей наберется много,—не даромъ вѣдь существуетъ пословица: „что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай“; но мы будемъ говорить лишь о нѣкоторыхъ наиболѣе отличающихся другъ отъ друга видахъ обла-

стныхъ жителей. При этомъ напомнимъ еще разъ, что люди, получившіе образованіе, давно уже усвоили себѣ привычки и обычаи, одинаковые или почти одинаковые для самыхъ различныхъ мѣстностей, всѣ же областныя различія сказываются главнымъ образомъ на людѣ необразованномъ, всего же больше на крестьянахъ. Выше мы уже говорили о томъ, что и говоръ не у всѣхъ великоруссовъ одинаковъ: на сѣверѣ говорятъ быстро, твердо, сильно напирая на „о“ или окаютъ; такой говоръ распространенъ по всему сѣверу Россіи, главнымъ образомъ въ губерніяхъ Архангельской, Вологодской, Петербургской, въ части Псковской, въ Тверской, Ярославской, Костромской, Новгородской, Владимирской, Казанской, Нижегородской. Въ болѣе же южныхъ губерніяхъ: Московской и Рязанской, Калужской, Тульской, Пензенской, Тамбовской, Воронежской, Орловской, Курской, въ тѣхъ частяхъ Смоленской и Витебской губерній, гдѣ живутъ великоруссы, по губерніямъ, расположеннымъ по среднему теченію Волги (Симбирская, Самарская и Саратовская), говорятъ болѣе протяжно, какъ бы поютъ, въ говорѣ вездѣ вмѣсто „*о*“ слышится „*а*“ (акаютъ). Въ мѣстностяхъ, лежащихъ у верховьевъ рѣки Камы, по Уралу и въ Сибири, существуетъ опять иной смѣшанный говоръ, нѣсколько отличающійся и отъ окающаго, и отъ акающаго говора, болѣе близкій, однако, и по быстротѣ рѣчи и по нѣкоторой склонности къ оканію—къ сѣверному говору. Вмѣстѣ съ говоромъ замѣчаются и нѣкоторыя различія по внѣшнему виду: гдѣ окаютъ, тамъ народъ большей частью ростомъ повыше, стройнѣе, ловчѣе; тамъ, гдѣ акаютъ, народъ пониже ростомъ и собой послабѣе, да и не такъ строенъ и ловокъ; много кромѣ того у нихъ различій и въ нравахъ и обычаяхъ.

Рис. 7. Великоруссъ Архангельской губ.

Но даже и между великоруссами, говорящими однимъ и тѣмъ же говоромъ, можно замѣтить разницу въ обычіяхъ, нравахъ и характерѣ.

Начнемъ съ сѣвера, т. е. съ окающихъ великоруссовъ. Раньше мы уже говорили о томъ, что весь нашъ сѣверъ былъ заселенъ выходцами изъ Новгорода; теперешніе новгородцы и до сихъ поръ окаютъ, окали, вѣроятно, и ихъ предки—новгородскіе или сѣверскіе славяне, отъ которыхъ и сохранился до сихъ поръ окающій говоръ. Но жители сѣвера сохранили кромѣ говора и много старо-славянскихъ обычаевъ и привычекъ; у нихъ-то, какъ это говорилось раньше, больше всего осталось и древнихъ пѣсенъ, сказокъ, былинъ. А уцѣлѣло у нихъ все это потому, что жили они въ далекихъ и дикихъ мѣстахъ, такъ что съ очень давнихъ временъ никто ихъ не тревожилъ, никто къ нимъ не приходилъ, не съ кѣмъ, слѣдовательно, было имъ смѣшиваться, не у кого и заимствовать чужихъ нравовъ и обычаевъ. Кромѣ того, на далекомъ сѣверѣ совсѣмъ не было и помѣщиковъ, не было и крѣпостного права, за тяготой котораго большинство великорусскаго крестьянства совсѣмъ позабыло свои древніе нравы и обычаи. Прежніе новгородскіе выходцы, заселившіе нашъ сѣверъ, были все народъ смѣлый, удалой. Долгое время имъ приходилось бороться за мѣста съ прежними ихъ насельниками—финскими племенами, да и потомъ, завладѣвъ мѣстами, они должны были переносить много невзгодъ въ борьбѣ съ суровой природой, непроходимыми лѣсами съ ихъ дикими звѣрями, съ болотами, съ студеной зимой, а на крайнемъ сѣверѣ и съ морскими бурями. И закалились въ непрестанной борьбѣ сѣверяне, и научились смѣло, не робѣя, встрѣчать всякую бѣду. Особенно отличаются своей ловкостью, силой и неустрашимостью поморы, т.

с. жители береговъ нашихъ сѣверныхъ морей—Бѣлаго моря и Ледовитаго океана. Земля у поморовъ не родитъ почти ничего, да тамъ, кромѣ рѣпы и кое-какихъ другихъ овощей, почти ничего не сѣютъ, но кормятся рыбнымъ богатствомъ морей и впадающихъ въ нихъ рѣкъ. Море даетъ имъ пропитаніе, даетъ даже и избытки, но отъ него надо взять добычу и смѣло, и умѣючи. Ловить приходится въ большихъ хорошо построенныхъ лодкахъ (чтобы выдержали всякую бурю), большими и дорогими сѣтями, такъ что одной семьѣ не подъ силу и справить весь снарядъ, и орудовать съ нимъ, а потому волей-неволей приходится соединяться въ артели. У поморовъ стремленіе соединяться въ артели и помогать другъ другу во всякой бѣдѣ, даже съ опасностью для самого себя, составляетъ главную отличительную черту; развита у поморовъ и общительность,—въ свободное время они часто собираются вмѣстѣ. Живется поморамъ сытнѣе, чѣмъ большинству нашего крестьянства, а въ зиму, очень у нихъ суровую и долгую, когда почти всякія работы прекращаются, что же еще и дѣлать сытому человѣку, какъ не попѣть, поплясать, поиграть, поразвлечься... А старый Новгородъ, съ его прежними обычаями и привычками, помнился имъ хорошо... Оттого-то поморы и сохранили до сихъ поръ большинство древнихъ славянскихъ пѣсенъ, былинъ, сказокъ и игръ. Сохранились у нихъ и старорусскія одежды, особенно у женщинъ, и кто хочетъ видѣть, какъ одѣвались въ старину не только крестьянки, но и боярыни, тотъ пусть посмотритъ на поморокъ изъ зажиточныхъ и богатыхъ семей. Женщины занимаютъ у поморовъ совсѣмъ особое положеніе: у большинства великорусскихъ крестьянъ женщина несетъ тяжелую долю,—она забита, запугана, слаба и хила; у поморовъ же лѣтомъ чуть не все муж-

ское населеніе уходитъ въ Бѣлое море и въ Ледовитый океанъ на рыбный ловъ, дома по деревнямъ остаются лишь немощные старики, дѣти, да женщины и дѣвушки. И женщины и дѣвушки ведутъ тогда сами все хозяйство: онѣ и пахотой занимаются (гдѣ только есть пахота), и всякую службу несутъ; у поморовъ не рѣдкость встрѣтить бабу—сотскаго или десятскаго; ѣзды по суху лѣтомъ у поморовъ мало, — кругомъ все болота, ѣздятъ же главнымъ образомъ по рѣкамъ и по морю. Карбасомъ (лодкой) поморскія дѣвушки и женщины управляютъ такъ, какъ въ другихъ мѣстахъ и мужчина не сможетъ; даже почту, которую здѣсь возятъ на карбасахъ же, и ту почти всегда везутъ женщины, а не мужчины. Вслѣдствіе этого женщина у поморовъ и ловка, и сильна и не даетъ себя въ обиду; случится ей лишиться мужа, она и тутъ не пропадетъ, а будетъ вести все хозяйство не хуже, чѣмъ при мужѣ. Отъ этого-то она и не чувствуетъ себя такой безпомощной и не забита, не угнетена такъ, какъ это бываетъ у большинства великоруссовъ.

Другіе жители нашего сѣвера, живущіе подальше отъ моря, среди непроходимыхъ лѣсовъ верховьевъ Камы и ея притоковъ, частью же въ Архангельской и Вологодской губерніяхъ, въ частяхъ ихъ наиболѣе далекихъ отъ моря, уже отличаются отъ поморовъ. Ихъ промыслы—главнымъ образомъ охота за звѣремъ и птицей и различныя подѣлки изъ лѣсныхъ матеріаловъ—производятся больше въ одиночку или малымъ числомъ людей, а потому жители этихъ мѣстъ живутъ, не видя другъ друга подолгу, и не много одичали; характеръ у нихъ уже не такой живой и веселый, какъ у поморовъ; наоборотъ, лѣсной житель отличается угрюмостью и нелюдимостью; меньше у нихъ и всякихъ сборищъ, игръ

и пѣсенъ. Всѣ промыслы ведутся почти исключительно мужчинами, а потому женщины у нихъ не въ почетѣ и не такъ онѣ умѣлы и безъ мужчинъ обходиться имъ трудно. Отличаются лѣсные жители нашего сѣвера и своими одеждами: старое великорусское платье они давно замѣнили болѣе удобными для ихъ мѣстности мѣховыми одеждами тамошнихъ инородцевъ — особаго покроя оленьими шубами съ мѣхомъ и внутри и снаружи вмѣсто покрышки (доха), длинными мѣховыми рубашками (малица), на ногахъ у нихъ теплые длинные мѣховые сапоги. Живется лѣснымъ жителямъ бѣднѣе, чѣмъ поморамъ, но все же они хоть и терпятъ много невзгодъ, но никогда не знали крѣпостничества и очень дорожатъ своимъ, хоть подчасъ и полуголоднымъ, но свободнымъ, бродячимъ существованіемъ.

Еще южнѣе, но все еще въ мѣстахъ съ окающимъ говоромъ — въ губерніяхъ Ярославской, Костромской, отчасти Владимирской и Нижегородской—живутъ уже иначе: въ этихъ губерніяхъ существовало уже крѣпостничество; хотя тяжело доставалось иногда крестьянамъ отъ ихъ помѣщиковъ, но все-же помѣщики о нихъ заботились, помогали имъ прокормиться въ тяжелыя годины, надѣляли ихъ скотомъ, если своя скотина пала и т. д. И привыкъ крѣпостной крестьянинъ къ мысли, что о немъ есть кому позаботиться, и нѣтъ уже у него той самостоятельности, смѣлости, того умѣнья самому извернуться изъ всякой бѣды, какимъ отличаются жители крайняго сѣвера. Вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ земля не очень хорошо родитъ, а рыбы и всякаго лѣсного звѣря и птицы гораздо меньше, чѣмъ на крайнемъ сѣверѣ. Живется здѣсь не легко, бѣдно; сидя на мѣстѣ, прокормиться трудно, а потому издавна изъ этихъ мѣстъ уходятъ на сторонніе заработки — главнымъ образомъ

плотничать, частью—работать на фабрики; изъ Ярославской же губерніи выходитъ еще много коробейниковъ и трактирныхъ служащихъ, такъ называемыхъ половыхъ. Привычка часто уходить на сторону, гдѣ много приходится видѣть новаго, гдѣ нужно умѣть приноровиться къ другой жизни, создала въ жителяхъ этихъ мѣстъ извѣстную бойкость и смышленость, а подчасъ даже и плутоватость. Еще большей бойкостью отличаются жители Петербургской губерніи, работающіе на столицу, гдѣ имъ приходится видѣть всякіе виды.

Новгородцы и псковичи, принадлежащіе также къ окающимъ великоруссамъ, живутъ уже больше хлѣбопашествомъ, а потому и меньше другихъ отличаются отъ главной массы земледѣльческаго великорусскаго населенія, о которомъ главнымъ образомъ раньше и говорилось нами все время.

Большая часть великоруссовъ съ акающимъ говоромъ занимаетъ болѣе хлѣбородныя мѣста и живетъ преимущественно хлѣбопашествомъ; это-то чисто земледѣльческое великорусское населеніе и имѣлось въ виду все время, когда мы говорили о всѣхъ великоруссахъ, безъ раздѣленія ихъ по мѣстнымъ особенностямъ. Изъ акающихъ великоруссовъ нѣсколько отличаются отъ другихъ жители Московской губерніи и нѣкоторыхъ частей смежныхъ съ нею губерній, гдѣ земля неплодородна, но гдѣ много зато фабрикъ и заводовъ. Населеніе этихъ мѣстъ живетъ почти исключительно работою на фабрикахъ. Фабричный народъ, живя больше въ городѣ, научился тамъ многимъ городскимъ нравамъ и обычаямъ, набрался наружнаго лоску, одѣвается по-городски и получилъ извѣстную бойкость и развязность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и городскую разнузданность и испорченность. Старо-великорусскіе обычаи почти совершен-

но исчезли въ мѣстахъ, гдѣ много фабрикъ; народную пѣсню замѣнили свои особыя фабричныя пѣсни, гдѣ часто нѣтъ ни складу, ни ладу, зато много ухарскихъ, а подчасъ и неприличныхъ словечекъ; народныя пляски смѣнились по-своему передѣланными обще-европейскими танцами. Весь старый крестьянскій бытъ въ такихъ мѣстахъ передѣлывается на̀-ново, но, къ сожалѣнію, надо признаться, что фабричное населеніе, не будучи достаточно образованнымъ для того, чтобы понять, что̀ изъ городскихъ обычаевъ хорошо, что дурно, мало заимствовало отъ города хорошихъ сторонъ, перенимая больше все внѣшнее, стараясь съ виду походить на горожанъ и забывая то, что главное отличіе горожанъ отъ сельскихъ жителей состоитъ не въ томъ, что горожане носятъ иное платье, или иначе пляшутъ и поютъ, а въ томъ, что горожане и грамотнѣе сельскаго населенія, и больше его видѣли, и лучше и чище, слѣдовательно, могутъ устроить свою жизнь. Но эта сторона городской жизни мало привилась у фабричнаго населенія, зато городскіе пороки — пьянство, развратъ—принимаются фабричнымъ населеніемъ очень охотно и портятъ его въ конецъ. Близко къ фабричному населенію стоятъ и жители приволжскихъ мѣстъ, гдѣ пароходство и судоходство дѣлаетъ приблизительно то же, что фабрика и заводъ.

Кончая съ мѣстными отличіями великоруссовъ, намъ слѣдуетъ еще упомянуть объ особенностяхъ сибиряковъ. Ближе другихъ коренные сибиряки подходятъ къ лѣснымъ жителямъ нашего сѣвера, такъ какъ и тѣ и другіе произошли отъ новгородскихъ переселенцевъ, и тѣ и другіе выдерживали одинаково тяжелую борьбу и съ инородцами, и съ дикой суровой природой. Въ Сибири населеніе и до сихъ поръ еще не густо, а потому

сибирякъ живетъ больше особнякомъ и, подобно лѣсному жителю сѣверной Россіи, будучи смѣлымъ, сильнымъ и ловкимъ, сибирякъ въ то же время нѣсколько угрюмъ, суровъ и нелюдимъ. Сибирь богата и кормитъ сибиряка довольно щедро, вмѣстѣ съ тѣмъ мѣста тамъ много,— живется привольно, а потому сибирякъ горячо любитъ свою Сибирь и все сибирское, и на другихъ великоруссовъ, которые съ каждымъ годомъ все въ бо́льшемъ и бо́льшемъ числѣ переселяются въ Сибирь, смотритъ не очень дружелюбно и относится къ нимъ нѣсколько свысока, забывая, что онъ — плоть отъ плоти великоруссовъ. Но этотъ типъ коренного сибиряка въ настоящее время теряется среди ежегодно увеличивающейся массы переселенцевъ изъ другихъ великорусскихъ областей. Кромѣ того, часть коренныхъ сибиряковъ смѣшалась съ инородцами. Въ отдѣльныхъ мѣстахъ, гдѣ выходцевъ изъ Россіи было немного, кругомъ же жило инородческое населеніе, эти выходцы невольно заимствовали отъ инородцевъ много обычаевъ и привычекъ, стали вступать съ ними въ браки, усвоили себѣ ихъ языкъ, совершенно забывая даже свой собственный русскій языкъ.

Сказаннымъ можно было бы закончить нашу книжку о великоруссахъ. Но тѣ, которые будутъ читать эту книжку, въ большинствѣ случаевъ будутъ тоже вѣдь великоруссы; поэтому невольно является желаніе поговорить немного съ своимъ читателемъ о немъ самомъ. Часто приходится слышать, какъ многіе говорятъ съ гордостью: „я — русскій“, или „я — великоруссъ“, или „я, слава Богу, русскій, а не какой-нибудь татаринъ или жидъ!“ Человѣку присуще любить своего отца и мать, и это хорошо; хорошо и должно, слѣдовательно,

любить и нашу общую мать—родину. Но любя своихъ родителей, мы вѣдь и не подумаемъ ставить кому-нибудь въ укоръ то, что онъ родился не отъ нашихъ родителей, а отъ своихъ собственныхъ. Почему же, спрашивается, многіе изъ насъ ставятъ какъ бы въ укоръ человѣку то, что его родная мать—не русская, а потому и самъ онъ не русскій, а татаринъ, еврей или армянинъ? Не потому ли, что мы, русскіе, думаемъ, что хороши одни только русскіе, а всякій народъ хуже насъ? Но спросите о томъ большинство инородцевъ, и они, вѣроятно, также отвѣтятъ вамъ, что, по ихъ мнѣнію, они-то именно и есть лучшій народъ, а всѣ остальные народы хуже. Кто же, спрашивается, теперь, правъ—мы или они? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ: не правы ни они, ни мы, такъ какъ нѣтъ хорошихъ и дурныхъ народовъ, но среди каждаго народа есть и хорошіе и дурные люди, и хорошій татаринъ лучше, конечно, дурного великорусса и наоборотъ. Намъ кажется, правда, что, напр., татаринъ или калмыкъ некрасивѣе насъ, русскихъ, но, навѣрно, татарину или калмыку и мы не кажемся особыми красавцами. Очевидно, тутъ приходится согласиться съ нашейже поговоркой, что о вкусахъ не спорятъ. Существуютъ, однако, другіе особенности человѣка: это—его доброта или злоба, его честность или нечестность, его знанія и невѣжество и т. д. Здѣсь уже мало мѣста спорамъ, и дурное хорошимъ не назовешь. Эти особенности не составляютъ неотъемлемую черту отдѣльныхъ племенъ, но встрѣчаются у всѣхъ народовъ и зависятъ они къ тому же, въ большинствѣ случаевъ, не отъ того, какъ и отъ кого родился человѣкъ, а отъ того, въ какой семьѣ онъ возросъ, учили ли его въ дѣтствѣ стремиться къ хорошему и избѣгать дурного, или нѣтъ, учили ли его гра-

мотѣ, дали ли ему образованіе для того, чтобы онъ самъ могъ понимать, что хорошо, что дурно и т. д. Есть народы, у которыхъ жизнь сложилась такъ, что у нихъ и образованія и всякихъ знаній больше, больше и средствъ и досуга получать знанія, есть и такіе, гдѣ обстоятельства сложились хуже; но придетъ время, получится и для такихъ отсталыхъ народовъ возможность учиться, а съ нею и возможность лучше понимать добро и зло и умѣть дѣлать добро и избѣгать зла; все измѣнится, и станутъ эти народы болѣе довольны и счастливы.

И если мы, великоруссы, дѣйствительно, больше знаемъ и лучше живемъ, чѣмъ большинство нашихъ инородцевъ, намъ все-таки не слѣдуетъ гордиться этимъ, но надо помнить, что намъ достигнуть этого было легче, потому что наша жизнь сложилась благопріятнѣе. Никто не можетъ сказать, чѣмъ были бы мы, если бы наша жизнь сложилась не такъ, какъ это случилось на самомъ дѣлѣ и чѣмъ были бы наши инородцы, если бы ихъ жизнь сложилась болѣе благопріятно. Впрочемъ, мы, великоруссы, и не имѣемъ права гордиться уже по тому одному, что французы, нѣмцы, англичане, итальянцы и другіе европейскіе народы живутъ и лучше, и чище насъ, и обладаютъ большими, чѣмъ мы, знаніями.

Разсказывая въ этой книгѣ про великоруссовъ, я говорилъ о хорошихъ нашихъ сторонахъ не для того, чтобы вызвать гордость собою. Совсѣмъ нѣтъ,—даже сама наша религія не позволяетъ намъ гордиться хорошими качествами, не позволяетъ и презирать кого-либо за дурныя стороны, но она учитъ насъ, что человѣкъ долженъ питать къ человѣку, своему или чужому, безразлично одну только любовь. Указывая же на дурныя стороны, я имѣлъ ввиду, конечно, не унизить насъ самихъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, но только

указать на то, что не все у насъ хорошо и что мы должны, зная свои недостатки, стараться избавиться отъ нихъ, а кстати и быть поскромнѣе и не спѣшить осуждать инородцевъ. Ни гордость собой и ни самоуниженіе за свои недостатки не должны имѣть у насъ мѣста, но мы должны знать себя, какъ и все окружающее насъ, и съ хорошихъ и дурныхъ сторонъ, потому что одно только знаніе и можетъ сдѣлать и насъ самихъ, и нашу жизнь лучше, чѣмъ это было до сихъ поръ!